

Рис. съ натуры Знаменский

на камъ р. худ. Бредовъ.

Самоъдскій идолъ Ортикъ.

Печатано въ Типогр. и Литогр. К. Штремера.

въ С. ПЕТЕРБУРГЪ.

42
175 12-243

СЪВЕРНІЙ ПОЛОСТЬ

и

419
—
689

ЗЕМЛЯ ЯМЛА.

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ.

184828.

СОЧИНЕНИЕ

Ю. И. Кушелевского.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

въ типографии М. В. Д., Литографии К. Штремера.

1868.

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 15 февраля 1868 г.

0007114006

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ

Ю. И. Кунцевского.

Веденныя, во время бытности автора на государственной службѣ въ Обдорскѣ въ 1852, 1853, 1854 г. и во время экспедицій 1862, 1863, 1864 и 1865 г., предпринятыхъ имъ для открытия сухопутнаго и водянаго сообщенія на съверѣ Сибири отъ р. Енисея чрезъ Уральскій хребетъ до р. Печоры.

Путевые записки Ю. И. Кушелевского, до изданія сего, анализированы
гг. политико-экономами и одобрены, съ признаніемъ трудовъ его госу-
дарственнаю пользою. Онъ расpubликованы ими въ с.-петерб. «Бирж.
Вѣд.» въ 1865 г. въ № 91.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

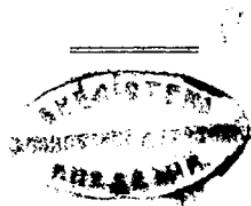

Предлагая моимъ читателямъ свои путевые записки, долгомъ считаю предварительно извиниться за неизвѣстное изложеніе ихъ. Впрочемъ, цѣль моего повѣствованія есть не блеснуть краснорѣчіемъ и фразерствомъ, а разсказать объ обитателяхъ сѣверной страны, у которыхъ въ быту нѣть ничего изящнаго. Ничто не приведетъ тамъ наблюдателя къ эстетическимъ ощущеніямъ. А потому, гдѣ все такъ дико и пусто, да еще холодно, то тамъ не дѣло ораторствовать и восхищаться, а развѣ скорбѣть, терпѣть и спасаться. Мои записки составлялись при подобныхъ ощущеніяхъ среди самоѣдовъ и среди ихъ тяжелаго быта.

Скрытность самоѣдовъ не позволяетъ стороннему человѣку подробнѣ вникнуть въ ихъ нравственный бытъ; они даже стараются наружныя формы своихъ обрядовъ и обыкновеній скрывать и исполнять ихъ тайно. Эти препятствія заставляютъ меня разсказать только о томъ, что мнѣ случилось самому видѣть и лично испытать. Мнѣ желательно было писать объ остякахъ и самоѣдахъ отдельно, такъ какъ эти племена рѣзко отличаются между собою языкомъ и видомъ, но родственныя ихъ связи до того слили ихъ нравы и обычай, что въ настоящее время между этими племенами гораздо болѣе общаго. Самостоятельность первобытныхъ ихъ нравовъ если не совсѣмъ еще потеряна, то зато искажена вліяніемъ русскихъ промышленниковъ и торговцевъ, зырянъ и пустозеръ. Слѣдовательно, разсказывая о самоѣдахъ настоящаго

времени, я долженъ оставить мое желаніе описывать ихъ отдельно; тѣмъ больше, что опредѣлить съ точностью коренное происхожденіе смѣшанныхъ ихъ обыкновеній и нравовъ по національностямъ считаю невозможнымъ, не имѣя на то положительныхъ данныхъ.

Во время путешествій моихъ, по Самоѣдской странѣ, я имѣлъ возможность собрать типы, вполнѣ характеризующіе самоѣдскую національность, которые помѣщаю въ моемъ изданіи, а для большей реальности ихъ, въ картинахъ, взятыхъ изъ обрядовъ, преданій и быта самоѣдовъ. Этимъ я желалъ достигнуть вѣрнѣйшей точности моихъ записокъ, сдѣлать ихъ интереснѣе, любопытнѣе для моихъ читателей и назидательнѣе и полезнѣе въ этнографическомъ отношеніи.

ПУТЕВЫЯ ЗАПСКИ

Ю. И. Кушелевского.

ЭКСПЕДИЦІЯ I.

Открытие месторождений графита въ Туруханской странѣ было побуждающею причиной изыскать средства къ дешевѣйшей перевозкѣ его въ мѣста сбыта. Въ этихъ видахъ предположено было проложить сухопутный и водяныя сообщенія отъ р. Енисея до р. Печоры по направлению полярнаго круга, черезъ Уральскія горы и никому неизвѣстныя съверныя тундры. Осуществить эти предположенія принялъ на себя я. Вследствіе чего, оставивъ государственную службу въ концѣ июня 1862 г., отправился въ г. Тобольскъ.

Предпріятіе мое было далеко не легкое. Много трудовъ сулило оно впереди и я, навѣрное, не рѣшился бы принять ихъ на себя, еслибъ моя прежняя жизнь на съверѣ не ознакомила меня съ ними и дѣланія мною прежде изысканія не поселили во мнѣ твердой надежды и даже увѣренности, что я достигну желанной цѣли.

Попытки открывать штуки сообщенія Оби съ Печорою или съ Архангельскимъ портомъ не были уже новостью. Не говоря о прежнихъ предположеніяхъ и предпріятіяхъ при Петре I и Екатеринѣ II для изслѣдованія съвера Сибири, скажу только о томъ, что едѣлано было въ нынѣшнемъ столѣтіи. Въ 1806 г., по предложенію бывшаго министра коммерціи графа Румянцева, посыпанъ былъ подполковникъ Поповъ для открытия сообщенія съ Архангельскимъ портомъ, посредствомъ соединенія устья Оби съ Карскою губою. О

послѣдствіяхъ экспедиції Попова точныхъ и опредѣленныхъ свѣдѣній не имѣется, и надобно предполагать, что предположенія его найдены неудобоисполнимыми. Въ 1827 г., по распоряженію генераль-гидрографа, командированъ былъ штурманъ Ивановъ для описанія береговъ Карского моря до Обской губы и острова Бѣлаго. Экспедиція г. Иванова окончилась въ 1829 г. и онъ возвратился въ Петербургъ, тоже не оставивъ никакихъ свѣдѣній о сдѣланныхъ имъ изысканіяхъ.

Бывшіе губернаторы, томскій, извѣстный ученый П. П. Аносовъ и тобольскій В. А. Арцымовичъ, первый въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, а второй въ 1857 г., заявляли свои предположенія о проложеніи пути на сѣверъ Сибири соединеніемъ Оби или съ Карскою губою или съ Печорою, и проекты объ этомъ были публикованы въ «Тобольскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» за 1857 г. въ №№ 18 и 28.—Предположенія гг. Аносова и Арцымовича, или по недостатку сочувствія къ нимъ, или по другимъ какимъ, имъ неизвѣстнымъ обстоятельствамъ, къ сожалѣнію, остались только предположеніями.

Возвращаюсь къ своему дѣлу. Прибылъ я въ Тобольскъ 27 июля. Время это, по здѣшнему, довольно позднее, приближеніе осени уже слышалось, а потому нужно было торопиться, чтобы во-время справиться въ дальнѣйшій путь. Приготовленія мои были, по необходимости, быстры и я 16 августа, на собственномъ своемъ каюкѣ (небольшое судно, или лучшее — большая лодка), съ грузомъ до 1.500 пуд. и пятью человѣками рабочихъ, выѣхалъ изъ Тобольска. Погода была невыразимо дурна — вѣтры и дождь не оставляли насъ почти во все время пути. Кто помнить лѣто 1862 г. и холода, бывшіе въ концѣ августа, тотъ повѣритъ, какъ тяжело было въ это время плаваніе на безлюдный сѣверъ, къ Березову. Несмотря на довольно большой грузъ, сравнительно съ числомъ рабочихъ, и противные вѣтры, я достигъ Березова 2 сентября. Пробывшіи тамъ не болѣе недѣли, отправился далѣе и прибылъ въ Обдорскъ 18 сентября. Холода начинались уже довольно сильные и 20 сентября сталь По-

луй, рѣка, при которой стоитъ селеніе Обдорское. Скажу нѣсколько словъ обѣ Обдорскѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ послѣдній разъ я былъ въ немъ, прошло почти десять лѣтъ и эти десять лѣтъ, кажется, нѣсколько не подвинули его къ лучшему. Селеніе не разраслось, а какъ было, такъ и осталось—очень не большимъ. (Собственно въ Обдорскѣ отъ 40 до 50 домовъ, а кочующихъ въ окрестностяхъ его остяковъ и самоѣдовъ до 2.000. Бѣдный и прежде, Обдорскѣ сдѣлался еще бѣднѣе. Остяки и самоѣды тоже значительно обнищали.) Причинъ обѣднѣнія города и инородцевъ много, такъ-что и разсказать даже невозможно, но главная, какъ кажется, заключается въ сильномъ распространеніи пьянства, всегда очень гибельного для дикихъ народовъ.

Въ Обдорскѣ я былъ встрѣченъ остатками, какъ старый знакомый, потому-что, какъ сказала уже выше, назадъ тому около десяти лѣтъ служилъ въ немъ нѣкоторое время. Многіе изъ остатковъ и самоѣдовъ знали меня и помнили и это дало мнѣ возможность легче, чѣмъ кому другому, ладить съ ними. Разумѣется, я не жалѣлъ подарковъ, потому-что съ остатками не можетъ безъ подарковъ существовать не только дружбы, но даже и простаго знакомства, а безъ этого мнѣ ничего бы не сдѣлать.

Осмотрѣвшись немного и сопедвшись съ старыми пріятелями-остяками и самоѣдами, я приступилъ къ снаряженію экспедиціи. Закупилъ и нанялъ оленей, купилъ нарты, чумы, нанялъ рабочихъ и прочее. Однимъ словомъ на все заготовленіе употребилъ до 15.000 р., которые и разошлись между остатками, давно невидавшими наличныхъ денегъ. По слухамъ, обдорская ярмарка 1863 г. была довольно оживлена и остатки многое покупали на деньги. Смѣло приписываю это заготовленіямъ для моей экспедиціи, потому-что прежде на обдорской ярмаркѣ денегъ у остатковъ почти вовсе не бывало и оттого существовала одна мѣновая торговля, чрезвычайно для нихъ невыгодная.

Караванъ мой состоялъ изъ 96 нартъ, при которыхъ было 450 купленныхъ и 200 нанятыхъ оленей, съ 24 человѣками рабочихъ изъ остатковъ и самоѣдовъ. Надобно сказать, что

остяки и самойды смотрѣли на мое предпріятіе какъ на дѣло невозможное. По словамъ ихъ, основаніемъ на какихъ-то преданіяхъ, въ той странѣ, куда я шелъ, живутъ какие-то одноглазые люди, юздащіе на медвѣдяхъ. Эти дикие разсказы, наводящіе суевѣрный страхъ, много препятствовали найму людей, и безъ того довольно затруднительному.

Не могу умолчать о миссіонерѣ - священнику обдорской церкви о Петре Поповѣ, принимавшемъ живѣйшее участіе въ моемъ предпріятіи. Однимъ только нравственнымъ вліяніемъ на инородцевъ онъ легко умѣлъ разсеивать клевету моихъ недоброжелателей, которая видимо и быстро распространялась не только между инородцами, но даже действовала и на самого обдорскаго князя Тайшина. Также считаю себя обязаннымъ заявить о купцахъ А. Чечуровѣ, А. Мамьевѣ и мышанинѣ В. Добровольскомъ, которые не только способствовали мнѣ въ спаряженію экспедиціи, уступая разные материалы за дешевую цѣну, но даже отдали ко мнѣ въ службу своихъ дѣтей, наказывая имъ безпредѣльно повиноваться и быть готовыми, какъ говорится, въ огонь и въ воду, для пользы дѣла и спасенія другъ друга. Отрадно мнѣ благодарить ихъ теперь отъ души за понесенные безъ ропота труды и лишенія, да думаю и многимъ отрадно слышать, что въ такой отдаленной и дикой странѣ я нашелъ людей, вполнѣ сочувствующихъ будущимъ интересамъ моего предпріятія.

Кромѣ купленныхъ мною и нанятыхъ оленей и нарты и нанятыхъ рабочихъ, осяцкій старшина Ю. Ю. Ранымовъ, мой давній крестникъ, по старой привязанности ко мнѣ, отпустилъ со мною въ проводники сына своего, жену для исправленія женскихъ работъ, далъ чумъ и пятьдесятъ оленей.

Наконецъ 10 ноября, отслуживши, по христіанскому обычаю, молебенъ за благополучный исходъ нашего труднаго предпріятія, я двинулся съ своимъ караваномъ въ путь. Путь нашъ пролегалъ почти по самому полярному кругу. Отъ W. къ O. подвигаясь впередъ, мы переходили, или, лучше сказать, пересѣкали рѣчки: Ваксарку, Надымъ, Шуву, тун-

Выѣзда экспедиціи изъ окрестностей Обдорска для отысканія сухопут-
наго сообщенія р. Енисея съ р. Обью чрезъ замоѣдскій тундра.

дру Еловый островъ, Сандибай, Ныду, Тобьюганъ, Пуръ и вышли къ часовни Василія убіеннаго на р. Тазъ. Рѣки эти все имѣли, по общему характеру сибирскихъ рѣкъ, правый берегъ возвышенный, а лѣвый пологій. Возвышенный берегъ каждой рѣки всегда лѣсистъ, на немъ растутъ въ изобилии: ельникъ, еосна, пихта и кедръ. Лѣвый же, пологій берегъ покрытъ только кустарниками и густымъ тальникомъ. Природа вездѣ, по пути нашему, была совершенно дѣственная, или, лучше сказать, какая-то уснувшая, мертвенная. Живаго ни въ лѣсахъ, ни въ тундрахъ ничего нѣть. Во все время пути мы видѣли всего только одного ворона и нашли кусокъ оленѣяго кала. Послѣднему обстоятельству мы очень обрадовались, потому-что полагали гдѣ-нибудь близко кочевье,—оказалось же, что кочевья не было и калъ былъ дикаго, случайно забредшаго сюда оленя. Путешествіе наше совершилось такимъ порядкомъ: впереди халъ я, и со мной старший приказчикъ М. Мамѣевъ. Мы отыскивали, или лучше сказать, пролагали путь по компасу, придерживаясь болѣе на востокъ. Сзади, по проложенному уже пути, шелъ караулъ съ рабочими и всѣ наши чумы, имѣя впереди себя на особой партѣ, которую везли два нестрые олена, образъ св. Николая Чудотворца, наиболѣе другихъ святыхъ чтимаго оставками. Это доказывается даже и тѣмъ, что впослѣдствіи оставки приписывали присутствію этого образа благополучный исходъ нашей экспедиціи. Подходя къ лѣсистымъ берегамъ рѣкъ, обыкновенно кто-либо изъ насъ залѣзъ на вершины большихъ деревьевъ и высматривалъ, гдѣ выгоднѣе, т. е. на меньшемъ пространствѣ, можно сдѣлать проську. Проськи дѣлали мы отъ 50 сажень до 1 версты. Иногда, чтобы избѣжать большихъ проськъ, которыхъ требовали много времени и трудовъ, мы отыскивали у лѣсистаго берега рѣки какую-нибудь маленькую, впадающую рѣчку, по руслу ея добирались до большой и переходили на другой берегъ этой послѣдней.

Морозъ во все время нашего пути былъ очень сильный, можно полагать было выше 40° , потому-что ртутный термометръ постоянно замерзалъ. Во время пути, ночлеги наши,

т. е. насы передовыхъ, нерѣдко были не въ чумахъ, а въ вырытыхъ въ снѣгу ямахъ. Эти оригинальныя спальни довольно сносны, по крайней мѣрѣ нельзя замерзнуть. Такъ-какъ у меня платье было довольно теплое, то мнѣ въ этихъ ямахъ было довольно хорошо; по товарищи мои употребляли иногда остаточное средство согрѣванія, думаю, для многихъ неслыханное. Они срубали небольшое осиновое дерево, одинъ конецъ его зажигали, а другой проводили подъ гусь (верхнюю одежду) желающаго погрѣться. Паръ отъ горящаго сырого дерева нагрѣвалъ довольно сильно.

Наконецъ, послѣ сорока-двухъ-дневнаго тяжелаго, утомительнаго и полнаго различныхъ лишеній странствованія, мы окончили его, дошедшіи 22 декабря до рѣки Таза. Дошли мы благополучно и въ дорогѣ не случилось съ нами никакихъ несчастій, кромѣ того, что одинъ олень, отъ неосторожности удавился въ упряжи. ^{Всего} пройдено было нами, по наглядному исчисленію, болѣе 800 верстъ, и по дорогѣ учреждено 26 станцій, гдѣ и оставленъ провіантъ для возвратнаго пути. Можно, кажется, утвердительно сказать, что проложенный мною путь—совершенно новый, на которомъ едва ли была нога человѣческая. Доказательствомъ этого можетъ служить то, что на всемъ пространствѣ пройденной мною тундры нигдѣ не было видно срубленныхъ деревъ, затесовъ на нихъ и слѣдовъ истребленія лѣса, между тѣмъ тамъ, гдѣ только бываетъ человѣкъ, всегда замѣтно опустошеніе. Наконецъ это доказывается и тѣмъ, что только по вновь проложенной мною дорогѣ коренные жители Березовскаго сѣвера, инородцы, рѣшились впредьѣздить для рыбной ловли, вмѣсто Надыма, на рѣку Пуръ, на которой прежде никогда не бывали. Такимъ образомъ окончилось первое мое предпріятіе—открытие сухопутнаго пути на сѣверъ Сибири.

Прежде-чѣмъ приступлю къ описанію дальнѣйшихъ моихъ дѣйствій, считаю долгомъ сказать нѣсколько словъ о графитныхъ пріискахъ, найденныхъ на системѣ рѣки Енисея. Пріиски эти расположены на правомъ берегу Енисея, по впадающимъ въ него рѣчкамъ: Курейкѣ, Монастырской Тунгузкѣ, Бахтѣ и Фатъянихѣ. Не находя мѣста много рас-

пространяться о качествѣ графита и объ устройствѣ его добычи, скажу только, что графитъ этотъ признанъ лучшимъ изъ бывшихъ на лондонской выставкѣ 1862 г. Пласть его, по приблизительному изслѣдованію, идетъ на шесть сажень глубины на довольно значительномъ пространствѣ. Это кажется можетъ дать понятіе о громадномъ богатствѣ, въ немъ заключающемся.

ЭКСПЕДИЦІЯ II.

Какъ ни тяжелъ былъ для меня трудъ открытія сухаго пути на съверъ Сибири, но онъ не удовлетворялъ меня и казался мнѣ недостаточнымъ для транспортировки грузовъ, въ тѣхъ размѣрахъ, какъ бы я желалъ. Сухопутная перевозка, по проложенному мною пути, была, сравнительно, дороже водяной и къ тому же возможна только въ зимнее время. Всѣ эти соображенія дали мнѣ мысль попытаться открыть водяное сообщеніе отъ Обдорска до р. Таза посредствомъ Оби, Обской и Тазовской губъ.

Чтобъ разсказать о моемъ предположеніи обстоятельнѣе и о средствахъ къ исполненію его, я принужденъ возвратиться нѣсколько назадъ. Бывши, назадъ тому лѣтъ десять, въ Обдорскѣ на государственной службѣ, я коротко ознакомился какъ съ краемъ, такъ и съ его обитателями. Знакомство это давало мнѣ возможность предвидѣть напередъ всѣ препятствія, какія я могу встрѣтить при исполненіи моего предпріятія, и привело меня къ убѣженію, что открытие водяного пути по Обской и Тазовской губамъ и р. Тазу до часовни Василія убіеннаго — дѣло возможное, хотя и очень рискованное. Польза этого открытия, какъ для графитнаго дѣла, такъ и для обитателей съвернаго края, была такъ очевидна, что я, какъ мнѣ казалось, имѣлъ бы вѣчный упрекъ на совѣсти, еслибы не осуществилъ своихъ плановъ, поплатясь за это здоровьемъ и даже, можетъ быть, жизнью. Я очень хорошо понималъ, что другой кто-нибудь, менѣе знакомый съ местностью, не скоро рѣшился бы обречь себя тяжелымъ

трудамъ и лишеніямъ, сопряженными съ моимъ предпріятіемъ, еслибъ я отказался отъ нихъ. При этой мысли мнѣ казалось, что, отказавшись, я буду виновнымъ, что сѣверъ Сибири останется еще на некоторое время въ своей тяжелой дремотѣ, или лучше—непробудномъ сне, въ которомъ онъ погруженъ нынѣ. Наконецъ признаюсь, мнѣ хотѣлось сдѣлать хотя одно истинно-полезное дѣло въ жизни и заслужить спасібо отъ благомыслящихъ людей. Проектъ мой объ открытии водяного пути не имѣть никакихъ осозательныхъ данныхъ къ убѣждению въ своей удобоисполнимости, кроме однихъ голословныхъ доказательствъ. Къ трудностямъ моего новаго предпріятія необходимо прибавить и то, что инородцы, по многимъ причинамъ, всячески стараются сдѣлать родину свою недоступною для разслѣдований, поэтому я предвидѣлъ, что, при желаніи моемъ пробудить сѣверъ къ новой, непрѣdestной ему доселѣ жизни, мнѣ придется бороться со многими препятствіями, которыхъ будуть стараться изыскивать для меня предразсудки и невѣжественность дикарей.

Приѣхавши въ февраль 1863 г. изъ г. Туруханска въ Тобольскъ, я тотчасъ же приступилъ къ дѣлу. Помощника своего отправилъ въ Обдорскъ, для встречи возвращавшейся туда изъ Туруханска, зимней экспедиціи и для найма подрядчиковъ на перевозку 20 т. п. графита къ Печорѣ, потому что наемъ подрядчиковъ весною болѣе выгоденъ. Самъ же я отправился въ ахманайскія юрты, нанять людей для постройки шкуны и потомъ побѣжалъ на ирбитскую ярмарку для закупки нужныхъ для снабженія шкуны матеріаловъ. Окончивъ дѣла въ Ирбити, я подрядилъ торгующаго инородца Абназыра Кошианова Каліева перевезти кладъ изъ Ирбити въ Ахманайскія юрты, и сверхъ того ему же передалъ заготовленіе муки, крупы и мяса для нагрузки шкуны, наемъ 9 человѣкъ рабочихъ изъ татаръ и проч. 10 марта я возвратился въ Тобольскъ.

Распорядившись такимъ образомъ, мнѣ оставалось только наблюдать за постройкой шкуны, исходатайствовать у тобольского начальства нѣкоторыя разрѣшенія, необходимыя для моей экспедиціи, и наконецъ нанять для шкуны матросовъ.

Явясь еъ начальнику Тобольской губерніи, и изъяснивъ ему всѣ свои нужды, какъ при снаряженіи экспедиціи, такъ и при приведеніи ея въ исполненіе, я получилъ сначала приказаніе обовсемъ заявить формально, а въ самое непроложительное время и полное удовлетвореніе по всѣмъ моимъ просьбамъ. Послѣ этого, я снова отправился въ Ахманайскія юрты наблюдать за постройкой шкуны. Тамъ пробылъ я до тѣхъ поръ, пока же сколотили днища и не укрѣпили киль, и затѣмъ, разъяснившіи подрядчикамъ, что они должны дѣлать при дальнѣйшей постройкѣ шкуны, я отправился въ Златоустовскій заводъ, для заключенія контракта съ конторою оружейной фабрики Его Высочества Государя Великаго Князя Михаила Николаевича, на поставку туда въ 18⁶³ г. восьми тысяч пудовъ графита. По заключеніи съ конторою контракта, чрезъ двадцать дней возвратился въ Тобольскъ, откуда поѣхалъ опять въ Ахманайскія юрты, наблюдать за окончаніемъ шкуны. Пріѣхавши туда, увидѣлъ, что постройка шкуны не подвинулась никакъ, потому что уставщикъ работъ Суюбчакъ и съ нимъ 6 человѣкъ рабочихъ заболѣли тифомъ. Убѣдясь въ истинѣ этого несчастія, я вынужденъ былъ разослать повсюду людей, чтобы искать мастеровъ для окончанія моей несчастной шкуны, назначая имъ цѣны за труды, какія только пожелаютъ. Черезъ иѣсколько дней мастера явились, работа пошла довольно успѣшно и 10 мая я спустилъ благополучно шкуну на воду и привель въ Тоболтуринскія юрты для поднятія на ней мачты и для нагрузки припасами, заготовленными моимъ коммисіонеромъ Каліевымъ. Въ Тоболтуриныхъ юртахъ стоять я недолго. 18 мая загорѣлся домъ моего коммисіонера Каліева и черезъ иѣсколько часовъ, вмѣстѣ съ десятюсосѣдственными домами, сгорѣлъ до основанія. Каліевъ потерялъ все: у него осталось только платье, въ которомъ онъ былъ. Съ потерей его была сопряжена и моя. На выданія ему мною въ Ирбити деньги заготовлены были имъ для шкуны припасы и сдѣлались вѣсъ жертвой пламени. Эти несчастія и разныя препятствія при снаряженіи экспедиціи имѣли вредное вліяніе на мое здоровье.

Върный своимъ убѣжденіямъ, я продолжалъ окончатель-
ныя приготовленія и 4 іюня моя шкуна «Тазъ», распустивъ
свой флагъ и паруса, была уже готова въ путешествіе по
неизслѣдованнымъ доселъ рѣкамъ и морямъ дальнаго сѣ-
вера. Передъ отплытіемъ моимъ изъ Тобольска, генераль-
адъютантъ Лутковскій, проѣздомъ, посетилъ этотъ городъ.
Предпріятіе мое обратило на себя его вниманіе и я имѣлъ
честъ познакомиться съ генераломъ Лутковскимъ лично:
его просвѣщенное участіе и поощреніе усилили мои жела-
нія непремѣнно осуществить свои планы.

Итакъ обстоятельства сложились снова благопріятными
для меня образомъ; мнѣ оставалось—начать свое трудное
странствованіе.

9 іюня мою шкуну посетили дорогіе для меня гости.
Въ то время, какъ для освѣщенія ея былъ приглашенъ свя-
щенникъ, некоторые изъ тобольскихъ жителей, сочувствовав-
шихъ моему предпріятію, собрались на шкуну помолиться,
вмѣстѣ со мной, за благополучный исходъ дѣла. Чистосер-
дечныя желанія благополучнаго и удачнаго окончанія мое-
го предпріятія давали мнѣ, такъ сказать, новыя силы къ
предстоящему труду на пользу общую. Наконецъ шкуна
tronулась, и съ берега слышались слова моихъ добрыхъ зна-
комыхъ: «Будьте счастливы, здоровы, благополучны и проч.». Мы
вышли на средину Иртыша, голосовъ уже не было
слышно, а только виднѣлись развѣвавшіеся платки, вѣтеръ
крѣпчалъ и вскорѣ Тобольскъ скрылся отъ насъ.

Признаюсь, что радушные проводы людей, сочувствую-
щихъ моему предпріятію и понимавшихъ пользу, какую
оно можетъ принести краю, произвели на меня самое отрад-
ное впечатлѣніе, неоставлявшее меня во все время пла-
ванія.

Итакъ 9 іюня отправился я въ путь. Противные вѣтры
и извилистое русло Иртыша замедляли мое плаваніе и я
едва 28 іюня достигъ до села Саморова (въ 500 вер. отъ
Тобольска). Иртышъ—одна изъ большихъ сибирскихъ рѣкъ;
ширина и глубина его дѣлаютъ его очень удобнымъ для су-
доходства; теченіе его на $1\frac{1}{4}$ узла. Опасныхъ мѣсть по-

Иртышу нигдѣ нѣтъ, грунтъ земли иловатый, изрѣдка песчаный. Лѣвый берегъ Иртыша низменный, поросшій тальникомъ и богатый хорошими сѣнокосными лугами, правый же гористый и покрытъ густымъ лѣсомъ, состоящимъ изъ ели, кедровъ, сосенъ и березъ. По берегамъ Иртыша расположены русскія и татарскія селенія, разбросанныя одно отъ другаго на 30 и болѣе верстъ; подъѣзжая къ Самарову, встрѣчаются заселенія и остыцкія. Приирѣчные жители занимаются преимущественно рыбными и звѣриными промыслами, а также собирають кедровыхъ ореховъ, мелочной торговлей и извозомъ. По Иртышу и берегамъ его, гдѣ только нѣтъ заселенія, мертвенная тишина, поражаютъ только дикость, однообразность, и необозримыя незаселенные пространства, да изрѣдка попадаются пароходы, идущіе въ Томскъ и изъ Томска. Глядя на шумные и горделиво скользящіе по водѣ пароходы и сравнивая ихъ съ нашей тихой шкуной, у меня невольно рождалась мысль, что путь этихъ шумящихъ гордецовъ ограниченъ. они въ безопасности снуютъ между Тюменью и Томскомъ, тогда какъ наша смиренная шкуна идетъ далеко, на сѣверъ, въ страну почти неизвѣстную, и что на пути ее ожидаетъ, можетъ быть, много опасностей. Проѣзжая мимо деревень, пострадавшихъ отъ наводненія, тяжело было видѣть бѣдность ихъ жителей: они вездѣ встречали меня печальными рассказами о своихъ несчастіяхъ и просили подаянія.

Но вотъ я миновалъ Иртышъ и 28 июня выѣхалъ въ Обь. Обь очень широка, теченіе ея болѣею частію прямое, а крутые берега съ обрывами, съ нависшими надъ водою деревьями, придаютъ ей какую-то особенную картинность. На Оби и шкуна мой какъ будто бы повеселѣла; очень часто, распустивъ всѣ паруса, мчались мы съ такой быстрой, что берега, казалось, убѣгали отъ насъ. Широта рѣки давала шкунѣ полное раздолѣ и она, лавируя въ разныя стороны, пріучалась къ будущей борьбѣ съ морскими волнами. Матросы мои пріучались мало по малу управлять шкуну и исполняли свои обязанности довольно старательно. Кстати скажу нѣсколько словъ о своихъ матросахъ. Сна-

чала въ Тобольскѣ никто не хотѣлъ заниматься ко мнѣ, опасаясь дальняго и неизвѣстнаго пути. Видя, что рискую остаться безъ матросовъ, я принужденъ былъ испытать послѣднее средство. Послалъ одного изъ служащихъ у меня приказчиковъ искать рабочихъ по кабакамъ и объявлять имъ цѣны въ пять разъ дороже тѣхъ, какія даютъ имъ тобольскіе рыбаки. Мѣра эта оказалась дѣйствительною и въ теченіе 20 дней у меня было уже 16 человѣкъ рабочихъ. Ко мнѣ нанялись сапожники, столяры, шорники, кузнецы, плотники, портные, повара, кучера и проч. словомъ народъ все не простой, а ремесленный, но отставшій отъ работы, а отъ праздности, лѣни и пьянства дошедшій до нищеты. Выдавъ имъ задатки, заплативъ за нихъ подати и одѣвъ ихъ съ головы до ногъ, я передалъ всѣхъ ихъ наблюденію полиції, члены которой были такъ обязательны, что согласились принять ихъ подъ свой надзоръ до 10 іюня. Много хлопотъ мнѣ было съ моими рабочими: всѣ они были большие любители водки, которая часто доводила ихъ до наготы, въ полномъ значеніи этого слова, и я принужденъ былъ по нѣсколько разъ одѣвать ихъ. Когда наступило время моего отѣзда, то полиція, по просьбѣ моей, за два дня собрала ихъ на шкуну и держала подъ строгимъ карауломъ до самаго ухода шкуны изъ Тобольска. Во время плаванія по Иртышу самодѣльные матросы мои ознакомились съ названиеми парусовъ и снастей, пріучились лазить по канатамъ и на мачту, словомъ до того научились обращаться со шкуной, что вынѣсли на Обь, можно уже было командавать ими безъ особыхъ затрудненій. Сильные вѣтры имѣли тоже вліяніе на образованіе моихъ матросовъ, потому что они убѣдились на опытѣ, что спасеніе отъ непогоды зависитъ отъ тщательнаго исполненія матросами своихъ обязанностей. Словомъ я былъ доволенъ своими людьми; пьянство на шкунѣ было невозможно и они, волей-неволей, сдѣлались усердными и расторопными. Къ этому должно прибавить, что, сдѣлавшись по нуждѣ матросами, они не оставляли своихъ ремесль и, на досугѣ отъ работы на шкунѣ, каждый изъ нихъ занимался своимъ дѣломъ. Такимъ об-

разомъ, я смѣло могу сказать, что пословица «бѣда если сапоги начнетъ тачать пирожникъ, а пироги печь сапожникъ» не всегда примѣнна.

Водяной путь по Оби, отъ Самарова до Обдорска не представляетъ рѣшительно никакихъ затрудненій. Рѣдко можно найти рѣку съ подобнымъ фарватеромъ. Теченіе ея по прямымъ плесамъ $1\frac{1}{2}$ узла, а глубины, на разстояніи 1.500 верстъ, менѣе трехъ съ половиной сажень я не встрѣчалъ. Берега Оби имѣютъ общій характеръ всѣхъ сибирскихъ рѣкъ, т. е. правый берегъ возвышенный и лѣсистый, а лѣвый болѣе пологій и луговой. По правому берегу разстилаются густые кедровые лѣса; на кое-гдѣ разбросанныхъ островахъ тоже видныются кедровые лѣса и индѣ небольшія заселенія. Картины лѣсовъ и маленькихъ заселеній довольно живописны, и остыки, снующиѳ тамъ и сямъ въ своихъ вѣткахъ (маленькихъ лодкахъ) придаютъ имъ нѣкоторую жизненность.

Грустно смотрѣть на Обь и на страну сю обмыываемую и видѣть, что человѣкъ не хочетъ воспользоваться богатствами, такъ щедро здѣсь разсыпанными. Ясное доказательство этого—малонаселенность и отсутствіе всякой дѣятельности. Обь для многихъ настоящая мать. Сотни тысячъ людей, даже за предѣлами ея, кормятся ей рыбой; природные жители береговъ ея, остыки и самойды, изъ которыхъ большая часть не ведутъ осѣдлой жизни, до настоящаго времени трудятся только для дневнаго пропитанія, о будущемъ и не думаютъ; причина такой беззечности явно кроется въ неисчерпиаемомъ богатствѣ сѣверной природы. Въ паралель съ Обью, на сѣверѣ съ лѣвой стороны лежатъ Уральскія горы, вершины которыхъ видны съ Оби во время плаванія. Въ Обь впадаетъ множество рѣчекъ судоходныхъ, вытекающихъ изъ Урала. Слѣдовательно мѣстности, проходящія чрезъ Обь и Ураль, могутъ послужить для предпримчивыхъ людей источниками богатствъ при разысканіи въ нихъ разныхъ металловъ и минераловъ. Одинъ изъ такихъ людей, именно Курганскій купецъ Ф. В. Шинкинъ доказалъ уже нѣсколькими попытками о существованіи золота въ этой мѣстности Урала. Въ

настоящее время находятся уже соревнователи г. Шишкину и есть надежда, что кто-нибудь изъ нихъ будетъ счастливѣе г. Шишкина и найдеть золото въ содеряніи возможномъ для разработки въ этомъ отдаленномъ и холодномъ краѣ.

Наконецъ, послѣ благополучнаго плаванія, 10 іюля я прибылъ въ Обдорскъ, который я избралъ для своего мѣсто-пребыванія, какъ центръ между Туруханскомъ и Печорскимъ портомъ, отстояющими одинъ отъ другаго на 2.500 верстъ. Выгрузивъ все, что предназначалось собственно для Обдорска, снарядивъ еще другое небольшое судно подъ управлениемъ осьми человѣкъ инородцевъ, и прискаль подрядчиковъ для перевозки въ зимнее время графита съ р. Таза на Печору, 17 Іюля я отправился съ вожатымъ, оставшимъ старшиною Юриемъ Ранымовымъ въ дальнѣйшій путь. Изъ Обдорска провожалъ меня тамошній участковый засѣдатель г. Мицкевичъ. Готовность помочь моей экспедиціи и предуммотрительность въ распоряженіяхъ г. Мицкевича были такъ велики и важны для меня, что до юртъ Хэ, чрезъ самыя опасныя мѣста Обской губы, дошелъ я безъ малѣшаго затрудненія, потому-что на опасныхъ мѣстахъ вездѣ разставлены были вѣхи. Остяки, встрѣчавшіеся намъ по дорогѣ, не только съ полной готовностью услужить, указывали намъ фарватеръ, но даже добровольно принимались за матросскія работы. Ихъ очень забавляла моя шкуна, конструкцію которой они видѣли едва ли не въ первый разъ. Они лазили на вершину мачты и спускались оттуда по канату съ довольно большой ловкостью. Эта ловкость оставковъ поселила во мнѣ убѣждѣніе, что изъ нихъ можно образовать отличныхъ моряковъ. Убѣжденіе это укрѣплялось во мнѣ еще болѣе, когда остяки и самоѣды, бывшіе въ рабочихъ на маленькомъ моемъ суднѣ, переходили на большое и принимались за матросскія работы. Они были гораздо дѣльнѣе и проворнѣе русскихъ; смѣтливость ихъ удивляла меня, также какъ и любознательность. Я познакомилъ ихъ съ компасомъ, подзорной трубой, термометромъ, барометромъ, секстантомъ и проч. Всё слышанное отъ меня они очень скоро усвоивали и хорошо по-

мнили, такъ-что каждому вновь приходящему посѣтителю моей шкуны передавали все съ величайшей подробностію. Способность съверныхъ инородцевъ къ жизни на морѣ не- сколько разъ наводила меня на мысль о томъ, какъ бы улучшилось ихъ положеніе при развитіи мореплаванія на съверѣ. Такъ какъ правительство видимо заботится объ улучшеніи быта съверныхъ инородцевъ и о распространеніи между пими грамотности, то, мнѣ кажется, было бы полезно въ училіщѣ, имѣющемъ учредиться въ Обдорскѣ, ввести нѣкоторыя науки, необходимыя для мореплаванія и морской промышленности. Тогда морскіе промысла, нетронутые на съверѣ Сибири доселѣ никакъ, обогатили бы инородцевъ и вполнѣ обеспечили бы быть ихъ, а морское образованіе привязывало бы ихъ къ родинѣ и не заставляло бы чуждаться ея, какъ это замѣтно теперь въ каждомъ сколько-нибудь учившемся инородцѣ.

Обская губа начинается съ того мѣста, гдѣ рѣка Обь раздѣляется на два русла: правое,—большую Обь и лѣвое—Хаменельскую Обь. Теченіе здѣсь на пол-узла на ширинѣ 100 верстъ. Безчисленное множество подводныхъ мелей, салмъ *) и острововъ представляютъ много трудностей для плывателя. Но я этого не испыталъ. Божатый мой, старшина Юрій Ранымовъ проводилъ меня чрезъ всѣ эти мѣста очень удачно и подробно объяснилъ мнѣ: гдѣ и какія препятствія можно было встрѣтить. Опину мое плаваніе. Отъ праваго берега устья Оби я пошелъ сначала къ мысу на островъ Яри. Пройхавъ его и дошедши до острова Нанги, повернуль нальво къ мысу на островъ Надылово. Затѣмъ подъ праваго берега этого острова я плылъ до юртъ Сахвельтопугольскихъ. Оттуда уже держаль прямо на югъ и, не доѣзжая острова Юмзина, повернуль нальво, къ востоку и вошелъ въ узкую, но глубокую Мохтаскую Обь. По Мохтаской Оби дошелъ я до юртъ Мохтасковыхъ; оттуда держаль на юго-востокъ и выплылъ съвернѣе рѣки Кутыньюогана на правый берегъ Оби.

---

*) Салма есть глубокая широкая яма на меляхъ Обской губы.

ской губы. Придерживаясь этого берега и минуя юрты Ярынги, дошелъ я наконецъ до юртъ Хэ, къ мысу Орнель, а оттуда, возвлѣ берега, до рѣчки Сугу. Тутъ окончилось самое опасное плаваніе по Обской губѣ и предстоялъ новый отважный трудъ перевалиться чрезъ устье р. Надымъ, во стоять въ ширину, на тотъ же правый берегъ Обской губы, который съ устья Надымъ уже поворачивается къ сѣверу.

Сильный сѣверо-западный вѣтеръ не позволялъ мнѣ рѣшиться на эту перевалку, а незнаніе фарватера ставило меня въ совершенное затрудненіе. Поэтому я остановился на рейдѣ и сталъ дѣлать соображенія: какъ бы приступить къ этому трудному дѣлу. Съ вожатымъ моимъ Ронымовымъ я долженъ былъ здѣсь разстаться. Онъ не зналъ мѣстности и отказывался вести меня далѣе. Когда, при прощаньи, я предложилъ ему денежное вознагражденіе за труды его, онъ оскорбился и отказался на-отрѣзъ принять что-либо, просяль только дать къ засѣданію бумагу, удостовѣряющую, что онъ благополучно довелъ меня до р. Сугу. Разумѣется, я съ удовольствіемъ исполнилъ его желаніе. Спустя часа два послѣ отѣзда Ронимова, приѣхалъ ко мнѣ новый вожатый, надымскій старшина Тялько. Вместо того, чтобы ободрить меня онъ сталъ доказывать, что прямо на сѣверо-востокъ чрезъ Надымское устье перевалить невозможно и что тамъ безчисленное множество мелей. Затѣмъ онъ предлагалъ мнѣ другой путь, именно: сначала плыть противъ теченія Надымъ, возвлѣ лѣваго его берега до первыхъ острововъ, потомъ обогнувъ эти острова, выйти къ мысу Наре, на правый берегъ Надымъ, а оттуда въ Обскую губу, прибавляя, что другаго пути онъ не знаетъ и сѣвернѣе мыса Наре не бывалъ. Изъ разсказовъ Тялько я увидѣлъ все неудобство указываемаго имъ пути и потому прибѣгъ къ Меркаторской картѣ. На ней курсъ плаванія назначенъ быть отъ мыса Жертвы прямо на мысъ Ледензи, при глубинѣ отъ 3 до 4 сажень. По повѣркѣ же этого пути на дѣлѣ оказалось совершенно не то: беспрестанная мели на полутора футовой глубинѣ доказали совершенную невозможность плаванія по оному. Оставалось приняться за изслѣдованія самому. Разыскивая фарватеръ на сѣверъ отъ

моей стоянки; я нашелъ, что глубина Обской губы отъ устья р. Надымъ къ сѣверу постепенно увеличивалась и доходила до 21 фута. Это открытие заставило меня рѣшиться на перевалку чрезъ устье Надымъ, держа курсъ плаванія отъ мыса Жертвъ къ мысу Ныдскому. Когда я сказалъ вожатому моему Тялько объ избранномъ мною пути, то онъ затрепеталъ отъ страха и началъ проситься отпустить его домой. Видя его испугъ, я приказалъ его ободрить стаканомъ вина. Средство мое подействовало и Тялько сталъ смѣлѣ. Тутъ онъ разсказалъ мнѣ, что если я стану держаться принятаго мною направления, то выйду прямо къ рѣкѣ Ныды. Дѣлаясь болѣе и болѣе смѣлимъ, Тялько сказалъ мнѣ наконецъ, что онъ бывалъ и на Ныдѣ и что тамъ кочуютъ инородцы его вѣдѣнія, но не знаетъ—можетъ ли безопасно пройти по предложенному мною пути, потому-что никто изъ инородцевъ не переплывалъ такого большаго пространства въ своихъ маленькихъ лодкахъ. Между тѣмъ вѣтеръ перемѣнился западнѣе; принялъ это не иначе какъ за милость Божію къ моему предпріятію, я ободрился и рѣшился дѣйствовать не теряя времени. Меньшее судно я приказалъ взять на буисиръ, поднять паруса и отправился въ путь. Перевозка началась въ 5 часовъ утра 27 іюля. Въ 10 часовъ я не видѣлъ уже береговъ, постепенно успившійся юго-западный вѣтеръ мчалъ меня съ необыкновенною быстротою.—Бросаемый лотъ измѣрялъ быстроту моей шкуны отъ 6 до 7 узловъ въ часъ. Голоса матросовъ, стоявшихъ на лотѣ и кричавшихъ: 14 фут., 15 фут., 16 фут. и 19 фут., успокоили меня на счетъ надлежащей глубины. Въ это время я, на радости, подозвалъ къ себѣ Тялько, далъ ему стаканъ водки и спросилъ: нравится ли емуѣздить на шкунѣ? Тялько отвѣчалъ, что мыѣдемъ очень скоро и ему дѣлается что-то страшно и потому просилъ подать ему еще стаканъ водки. Когда просьба его была исполнена, Тялько повеселѣлъ и подѣлѣть вѣтра стала напѣвать какую-то пѣсню. Матросы-инородцы тотчасъ же услышевъ вокругъ него на палубѣ и съ особеннымъ удовольствиемъ прислушивались къ его пѣнію. Я спросилъ у матросовъ-инородцевъ, что такое поетъ Талько.

ко. Они отвѣчали мнѣ, что онъ разсказываетъ былину о Надымской странѣ. Я позвалъ толмача и услышалъ слѣдующій переводъ слово въ слово:

Око, око хае ири, ири совой та, сыри. Тамаленгана нарсан-салена теда ияута хару, Тамаленгона неро иэувы. Нэумиръ баергадась саленгарда хеуна ха-зuanъ харта ервона елевы, хабиеру хеуна. Луце понгона тамаленгана парауда ейга серъ не. А тюки нена танясь око татебе, пуда нэдаптадась тюки татебена яитингана, номдачъ ем-ня хунена хази іелестпы амеа хазу о пенгана таня іи гылына, я мюмне. Тюки татебена сари тэуы венекона ияды ияю. Тюки татебена ядермы ияяу ияю хазуо понэна, Маньянин табеда ибись сыри силчъ, тюки симни омгари потелимку іенемалена эда-ранмидась икканы, тада пуны патамбидась падеркана пякочена. Пуда синна хоробтадась, ху-не хурка янгеу хаида маня ом-ге сятни еюрельшида, хунены амгы якучи таремъ пуда ядовы надль баериадась гаобтенаяняю. Миль таялъ піусъ, мани сесна хаясь мань мадомъ ями малъ номдагуда маен тына таляре пянгуда тына тараню хадабіучъ пуда Емня соммолянъ ты опной хадамъ. Хазейня обсеръ ты оур-надась ябъ іи баериадась тазей хунагы ияря іи нэувы. Тюки Ненчею арка татебе Неувы не-

Много, много прошло лунъ, а съ ними и лѣтъ и зимъ. Въ то время на мысу Жертвы нынѣшнія толстая лиственицы были кустарниками, ясакъ собирали не въ Обдорскѣ и самойды управлялись своими родоначальниками, а не остяцкимъ княземъ. У русскихъ была тогда ханомъ бѣлая женщина; у этой женщины было много знахарей и она посыпала ихъ вездѣ, чтобы узнатъ, гдѣ кочуютъ самойды и что у нихъ есть въ водѣ и на землѣ. Вотъ эти знахари пріѣхали зимою, на собакахъ и въ Надымское мѣсто. Они ъздили по Обской губѣ въ самойдской одеждѣ, приказывали намъ рубить проруби и въ проруби на ниткѣ пускали что-то въ воду, и потомъ писали на бумагѣ деревянной палочкой. Они разспрашивали насть: куда какой берегъ поворачивается, гдѣ какая рѣчка, и такъ шли и ъзали далеко къ морю. Но самойды имъ правды не говорили, боясь, чтобы они, узнавши мѣста въ тундрѣ, не захватили оленей, которыхъ и безъ того убивали имъ каждый день по пяти на пищу. Да и самойды съ ними ъзли оленей и пили вино ихъ желтое и красное. Эти люди были большіе зна-

най іидъ ябеі сертабедась, тю-
ки аккама хазей нерпидаась. Ха-
зей арконо пюлидаась, хурка ам-
гары мятерцана поіебись. Хуп-
тэ, хупте пуда унгина іэмъ, ха-
зена сей пеялмы татебена та-
тебернаась хәна хороптабедась.
Луцэ сія танамта, тюки еккана
ингупта. Татебе пеизяръ лада-
бидась, харта пудомда маттеде-
дась моттургада. Темаленгана
Ортикъ хә таремъ мамы, тада
пуны соо вона еленгуда ода юрь
ты хададе Нядинъ салена, тю-
ки вади пуны лано вонда серъ
хази юрь ты хадида. Тюки ма-
ленгана, тюки Нядинъ-сале. На-
расан-симга нюмdedа, тада пу-
ны тенда темаленгугна татебе
табеда ванда ееръ. Элеть ты
хадабю. Тюки сале тенда лэтабида.
Харта нина геуна хибири
багринаась няды я науна модась,
пуды низи гиедерамбидась та-
лирче баергада, сыри серъ плы-
бидиа тюки хеуна арка хади ба-
ернаась, хартанина темамнгина
харовита теда ядерептвода алі-
гарти восво ну ніухомбидиа тада
пуны тюки табедавы хидачъ ты-
на хаберта луце еркарада ніу-
ядерциди. Тякуна мани мамыу
луце талибена емгурцъ пяга ху-
не ныда хесига. Тада пуны лу-
цена таромдайду, тюки силена

хари: изъ воды дѣлали вино *)
и имъ поили самойдовъ. Само-
йды очень боялись ихъ и дава-
ли имъ разные подарки. Долго,
долго, они жили въ тундрѣ и
самойдамъ сдѣлалось страшно.
Шаманы ворожили имъ и спра-
шивали шайтановъ, — слѣдуетъ
ли обманывать русскихъ и бу-
детъ ли имъ отъ этого хорошо.
Шаманы били въ бубенъ, рѣ-
зали и кололи свое тѣло.—Тог-
да Ортикъ **) сказалъ имъ, что
они будутъ счастливы, если при-
несутъ въ жертву сто оленей
на Надымскомъ мысу.—Жертва
была принесена, и мысь съ то-
го времени названъ мысомъ
Жертвы, каковыя приносятся на
немъ и понынѣ. Этотъ мысь ка-
раулить и кто бы ни пытался
прощать чрезъ Надымское устье
въ самойдскія тундры, онъ не
пускаль, подымая лѣтомъ силь-
ные вѣтры, а зимой снѣжные
бураны. Самойды же бѣдили, но
вѣтровъ и бурь никогда не ви-
дали. Съ того времени никто
чужой не вѣзжалъ въ тундры,
и русскіе знахари стали хво-
рать и умирать. Но когда рус-
скіе узнали силу мыса Жертвы,
то стали заѣзжать въ Надымскую
сторону съ рѣки Полуя. И Ор-
тикъ наказалъ самойдовъ, что

*) Вѣроятно пуншъ.

**) Обожаемый идолъ на р. Харовѣ. Ортикъ—остацио слово, въ переводѣ съятъ луны; у нихъ самый старшій идолъ называется Мастерко, потомъ младшій Ортикъ, послѣ Ялманъ.

ны, ядерцъ пайду няды я наю. Ортикъ хэ нензими тюки екка-на амгы нидиеертайду ларь яги геуна абтерче пухару хазаль-мы, выпъ пя сялмы. Ты хась пайду унзе опойтена илибемалъ, Тюки хауы тыда хазу о уни-сурга, хунены неначь омда тю-ки неначь хангут. Тюки иерня терге серъ янгусь ты хаситы, тюки еккана Ортикъ хэ тара-харуась хазуо сурманда емни лазуана малъ вой еле пайду елибе сялмы, ты малъ янгума нарсана хада ты янгумы. Ха-зина луцени хеувы, лузма мем-зерацъ пайду. Нянъ омцъ пайду, оной Нумъ янго-геува хаура пайду. Хабиеру ерва хазей ервоги хаѣ сю елена хазуо янгума хи-берта вой елена, хазуо шу яу-лимбида. Хазуо теда талибида тамаленгина ты унзе толиби..... ги ги ги ги ги.

они не поставили ему мыса Жерт-
вы съ полуйской стороны. Листв-
енницы стали сохнуть, тундры
сдѣлались голыми. Олени стали
дохнуть не поодинакѣ, а ста-
дами. И дохлыхъ оленей не ъли
самоѣды,—кто пойсть, тотъ ум-
реть. А прежде такъ не было.
Олень издыхалъ, потому-что Ор-
тикъ хотѣлъ, чтобы самоѣды сѣѣль
его. Самоѣды обѣдали, не ста-
ло у нихъ оленей на жертву.
Самоѣды стали дѣлаться рус-
скими, заниматься къ нимъ въ
работы, ъесть хлѣбъ и покло-
няться одному Богу, а осяцкій
князь сдѣлался самоѣдскимъ
княземъ. Богатыхъ самоѣдовъ
не стало; не кому теперь кор-
мить бѣдныхъ. Самоѣды нынѣ
считываютъ оленей, а прежде и
счету имъ не знали. Кожъ оле-
ниихъ не продавали, а отдавали
бѣднымъ на одежду. Теперь про-
даютъ кожи русскимъ за вино.
А вино вкуснѣе мяса: какъ
напьешься, такъ и разбогатѣешь.
У тебя вдругъ появится много
оленей и дѣлаешься купцомъ. А
какъ проснешься, такъ узнаешь,
что бѣденъ и что пропилъ по-
слѣдняго оленя.

Эту былину Тялько рассказывалъ на-распѣвъ, почти всю
ночь.

28 юля, въ шестомъ часу утра мы увидѣли спящій-
ся вдали мысъ. Когда мы подошли ближе къ этому мысу,
то изъ воды выказались еще два мыса и одинъ изъ нихъ,
по словамъ Тялько, былъ Ныдской. Я направилъ шкуну

свою на этотъ мысъ и въ 6 часовъ по полудни мы благополучно достигли его. Бросивъ якорь, первымъ дѣломъ нашимъ было възблагодарить Бога, что онъ дозволилъ нашему маленькому судну благополучно проплыть такое большое пространство въ открытомъ морѣ. Матросы вышли на берегъ и занялись ито ловлей рыбы, ито сбираньемъ ягодъ мороники, растущей здѣсь въ большомъ количествѣ. Между тѣмъ я послалъ прикащица своего Мамбѣва для разысканія пастуха съ оленями, который, по разсчету времени, въ концѣ іюля долженъ быть со стадомъ на р. Ныдѣ. Чрезъ нѣсколько часовъ стадо было разыскано и выгнано къ берегу для повѣрки числа оленей. Но повѣркѣ, я приказалъ пастуху подвигаться со стадомъ далѣе къ р. Тазу.

29 іюля погода была ясная и стоялъ штиль. Этотъ день я хотѣлъ посвятить работѣ и занялся опредѣленіемъ с. ш. мѣста при р. Ныдѣ и, сдѣлавъ съемку праваго берега Обской губы, положилъ ее на карту. Температура 27 іюля у мыса Жертвы была $+12^{\circ}$ по Рейн., по мѣрѣ же приближенія нашего къ сѣверу, пониженіе температуры было очень рѣзкое. При совершенно тихой погодѣ, въ мѣстѣ нашей стоянки, при Ныдѣ, 29 іюля утромъ въ 4 часа было $+8^{\circ}$, въ 12 часовъ дня $+10^{\circ}$, а въ 12 часовъ ночи $+6^{\circ}$. Отъ мыса Ориель замѣчается уже постепенное уменьшеніе растительности. У мыса Наре замѣтно еще небольшое количество лиственичнаго лѣса, у Надымскаго уже гораздо менѣе, далѣе же къ сѣверу лѣсъ совершенно исчезаетъ. Видныются только голые берега и тундры, покрытыя въ низменныхъ мѣстахъ небольшою травою, а въ высокихъ оленыими мхомъ. Фарватеръ Обской губы отъ р. Сугу до р. Ныды глубиною отъ 14 до 17 футовъ, вездѣ ровный, песчаный, съ типой. Правый берегъ ея довольно возвышенъ, лѣваго же берега, по причинѣ дальняго разстоянія, видно не было. Здѣсь я распрошался съ моимъ возжатымъ Талько, другаго вожатаго для дальнѣйшаго слѣдованія я пріискать уже не могъ. Кочующіе у р. Ныды самойди отзвались незнаніемъ мѣстности и я долженъ былъ отирваться далѣе безъ вожатаго, предавая себя вполнѣ волѣ Божией. По Меркаторской карте 1734 г., посланной мнѣ для

руководства, я никакъ не могъ держать курсъ плаванія. Она оказалась совершенно неправильною,—вѣроятно ее составляли тѣ знахари, о которыхъ разсказывалъ вожатый мой Тялько.

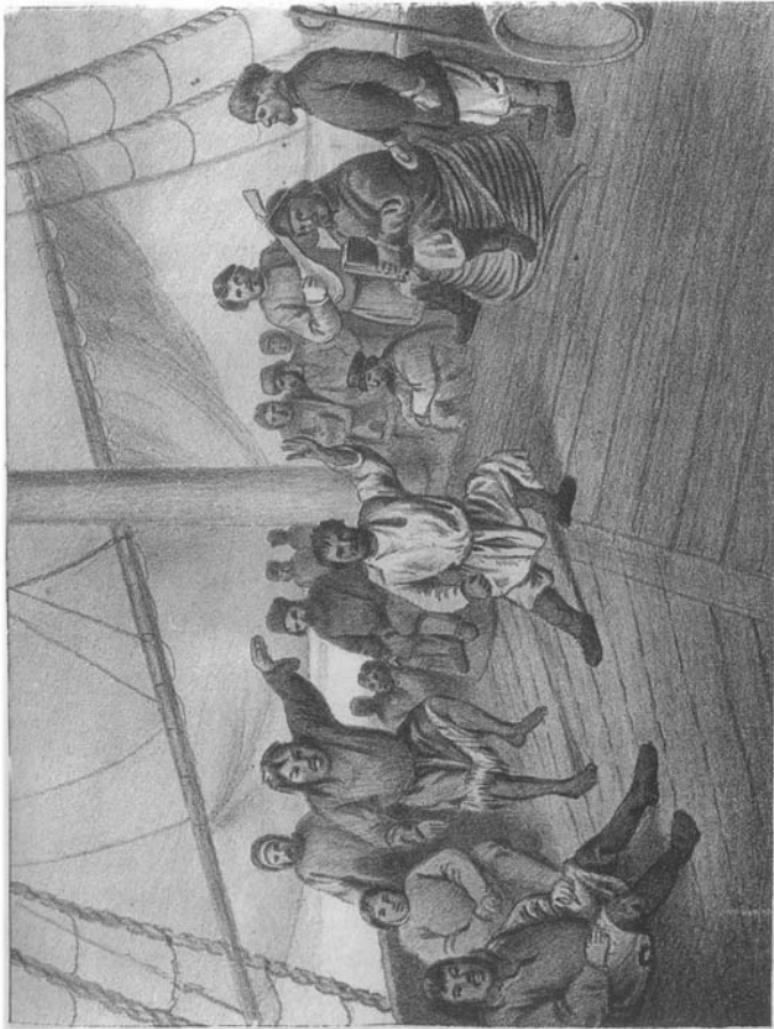
Въ шестомъ часу вечера подуль небольшой западный вѣтеръ, я снялся съ якоря и пустился далѣе въ путь. Ныдскій и Осетровый мысы мы миновали благополучно; но послѣ этого вѣтеръ опять затихъ и мы принуждены были стоять на рейдѣ до 1 августа. Недостатокъ рыбы вызвалъ у матросовъ желаніе отправиться на берегъ съ неводомъ и попробовать счастья. Неводъ былъ сажень въ тридцать. Въ первую же тоню поймано было шесть осетровъ. Эта удачная ловля такъ разохотила матросовъ, что съ тѣхъ поръ, впродолженіе всего пути до устья р. Таза, осетрина не сходила со стола ихъ; они ёли ее и вареную, и сырную, и соленую. Однимъ словомъ, вездѣ по нашей дорогѣ былъ такой обильный уловъ рыбы, что еслибъ у насъ былъ большой запасъ соли, то изъ этой ловли можно бы сдѣлать небольшую снекуляцію. Этотъ же недостатокъ соли и заставлялъ матросовъ ёсть осетрину свѣжую. Такъ какъ рыба ловилась, по мѣрѣ надобности, къ столу, то матросы, часто смѣясь другъ съ другомъ, говорили: «А что, г. поваръ, осетрины на варю хватить, али нѣтъ? если нѣтъ, то мы сейчасъ пойдемъ въ свой садокъ и принесемъ осетриковъ, сколько вашей милости потребуется. Вотъ-то ихъ здѣсь благодать какая, столько же, какъ и воды! Вѣрно потому здѣсь много воды и осетровъ, что некому здѣсь воду пить и осетровъ ёсть.» Такое мнѣніе составили мои матросы о богатствѣ здѣшняго осетроваго промысла. Но вскорѣ появившіеся довольно часто на Обской губѣ большиими табунами дельфины (блѣлок) убѣдили матросовъ, что и безъ нихъ есть кому ёсть рыбу. Присутствіе дельфиновъ объясняетъ обиліе рыбы у береговъ. Дельфины, преслѣдуя рыбу по срединѣ губы, отгоняютъ ее къ берегамъ и тутъ, по мелководью, не могутъ уже далѣе гнаться за ней. Рыба же, найдя у берега затоны и безопасность отъ дельфиновъ, успокаивается и плыветъ далѣе уже возлѣ береговъ. Постоянныя луинные приливы и отливы, дѣлающіеся болѣе замѣтными отъ р. Ныды къ

съверу, сбивая путь рыбы, производили слѣдующее явленіе. Въ противность закона природы, заставляющаго рыбу плавать, для ловли корму, противъ воды, она, придерживаясь теченія приливовъ и плавая взадъ и впередъ, оставалась почти на мѣстѣ. Постоянныя съверные вѣтры имѣютъ большое влияніе на приливы въ Обской губѣ. Отъ нихъ вода подымается надъ обыкновеннымъ уровнемъ до 12 фут., отливы же въ то время дѣлаются почти незамѣтны и увеличиваются только по мѣрѣ затиханія вѣтра. Самоѣды называютъ приливы вѣтреной водой, т. е. водой, приносимой вѣтромъ.

Съ 1 по 7 августа плаваніе мое не имѣло ничего особынаго. Погода была перемѣнная, Утренніе туманы усиливались и температура понизилась до $+4^{\circ}$ по Реомюру.

Путь свой я держалъ съ мыса на мысъ и, подѣзжая къ каждому изъ нихъ, давать имъ названія. Отъ Осетроваго мыса, минуя мысы Досады, Преображенья и Послѣдній, добрался я до Круглого мыса. Здѣсь юго-восточный вѣтеръ побезпокоилъ меня, сорвалъ шкуну съ якоря и унесъ, черезъ Тазовскую губу, на правый берегъ. Вѣтеръ былъ такъ силенъ, что держаться на якорѣ не было никакой возможности. Минуя Тазовскую губу, меня понесло, вдоль праваго берега, по Обской губѣ, прямо къ съверу, хотя я не имѣлъ никакого желанія познакомиться съ Ледовиднымъ моремъ и его бѣлыми медвѣдями и моржами. Это невольное путешествіе продолжалось съ 4-хъ часовъ утра до 9 часовъ вечера. Послѣ этого вѣтеръ утихъ и я, пользуясь луннымъ приливомъ, возвратилъся оцѣть въ Тазовскую губу. Но справедлива пословица, что нѣть зла безъ добра. Вѣтеръ уносилъ меня, какъ я полагаю, подъ 72° с. ш., хотя при облачной погодѣ я не могъ ездить точныхъ наблюденій, но близость Ледовитаго моря доказывалась появленіемъ моржей, морскихъ зайцевъ и тюленей, и даже вода при приливе не имѣла обыкновеннаго прѣнаго вкуса. Между тѣмъ я удостовѣрился, что въ той мѣстности, куда доходила моя шкуна и дальше оной, сколько только можно было усмотрѣть въ зрительную трубу съ высоты мачты, сплошнаго и плавающаго льда въ Обской губѣ вовсе не было.

Тазовская губа гораздо уже и мельче Обской. Лѣвый берегъ возвышенный, а правый низменный, а фарватеръ, глубиною отъ 8 до 14 футовъ, лежитъ почти по срединѣ губы, въ виду береговъ, отстоящихъ одинъ отъ другаго верстъ на 50. Почва фарватера иловатая и индѣ песчаная. Ближе къ устью р. Таза есть на ней и острова. Берега губы покрыты мхомъ и нигдѣ не видно почти никакой растительности. Изрѣда только видныяются на низменныхъ мѣстахъ небольшие, но густые кусты маленькой искривленной березки и тальника; волнистые холмы и песчаныя норы дополняютъ картину этой пустынной страны. Тазовская губа образуется изъ слиянія двухъ большихъ рѣкъ Пура и Таза, раздѣленныхъ отчасти возвышенною горою, оканчивающеюся вдавшимся въ губу мысомъ Нарсан-Сале. Въ устье р. Пура съ лѣвой стороны впадаетъ рѣчка Яловая, а съ правой, у устья р. Таза, тремя устьями рѣчки Мяцо и Хорута. На устьѣ рѣкъ Пура и Таза есть множество острововъ, съ безрыбными озерами, куда самойды выпускаютъ добытыхъ ими осетровъ; острова эти покрыты очень густымъ, но небольшимъ тальникомъ. На нихъ цѣлое царство дикихъ гусей и утокъ. Въ самомъ дѣлѣ, ихъ здѣсь такъ много, что, кажется, они слѣдѣлись съ цѣлой Азіи. Пройзжая Тазовскую губу, первыхъ самойдовъ встрѣтили мы у мыса Кочующій. Шкуна была на довольно большомъ разстояніи отъ этого мыса, но самойды, замѣтивъ насъ, тотчасъ же усѣлись въ свои небольшія лодки и подплыли къ намъ. Трудно описать ихъ радость и удивленіе при осмотрѣ моей шкуны и, въ особенности, когда они встрѣтили на ней матросовъ, такихъ же самойдовъ, какъ и они сами. Отъ гостей своихъ я узналъ, что устье р. Таза уже недалеко. При извѣстіи себѣ этомъ радость овладѣла моими матросами; мы бросили якорь и, принарядивъ свою наружность, ударили въ колоколь къ молитвѣ. Поблагодаривъ Создателя за сохраненіе во время пути и за то, что, миновавъ всѣ трудности, увидѣли себя снова между людьми, матросы мои усердно поздравляли меня съ успешнымъ и скорымъ окончаніемъ дѣла. Тутъ пошло у насъ угощеніе гостей, вѣстниковъ нашего счастія, и самихъ хозяевъ. Пѣсни матросовъ, сопровождаемыя барабана-

Пиръ на шкуре «Тазъ», близъ мыса Коучюкъ въ Тазовской губѣ.

ми, гармоникой, бандурою и разнаго рода побрякушками, привели самойдовъ въ восторгъ. Подвеселѣвшіе матросы пустились въ пляску и отъ ихъ лихаго казачка эадрожала и затрецала шкуна. Пляска, пѣсни, посвистыванья, стрѣльба изъ штуцеровъ и громогласное «ура!» сливались въ одинъ какой-то радостный гулъ. Мені подстреканья: «валай, ребята, веселись!» возбудили въ смѣльчакахъ моихъ еще большую охоту къ веселости и такъ симпатически подействовали на панихъ гостей-самойдовъ, что и они, въ своеи рубицѣ, босикомъ, на тоненькихъ ножкахъ, тоже пустились отплясывать трепака. Наконецъ ударили въ колоколь на отдыхъ,— все затихло и черезъ нѣсколько минутъ всѣ покоились крѣпкимъ сномъ. Это празднованіе наше происходило 12 августа, въ 9 часу вечера. Когда все уснуло кругомъ, я остался одинъ на ночной вахтѣ. Измѣряя палубу взадъ и впередъ первыми шагами, я находился въ такомъ тревожномъ состояніи, что не зналъ, что съ собою и дѣлать—разныя радостные мысли роями толцѣлись въ моей головѣ; такъ я провелъ всю ночь. Часу въ 4-мъ утра шкуна моя проснулась и снова начались поздравленія меня со скорымъ достиженіемъ желаемаго. Поблагодаривъ всѣхъ и каждого за ихъ усердные труды, я послалъ два катера,—одинъ осмотрѣть Шурскіе острова и разузнать какіе тамъ живутъ инородцы, о существованіи которыхъ мы извѣстились отъ нашихъ гостей, а другой—измѣрять фарватеръ по направлению къ устью р. Таза. Самъ же легъ спать. Черезъ нѣсколько часовъ катера моя возвратились и съ ними наѣхало множество самойдовъ съ разныхъ острововъ Обдорскаго и Туруханскаго отдѣлений. Лоцманъ сказалъ мнѣ, что на одномъ изъ острововъ, назанныхъ мною «Находка», онъ нашелъ остатковъ Бульнастинскаго рода, которые не видали никогда русскихъ, не записаны въ ревизію и не платили никогда ясака и повинностей, и что остатки эти приѣхали повидаться со мной. Увидѣвъ ихъ, я сталъ внушать имъ, что они пехорошо дѣлаютъ, что по настоящее время остаются неизвѣстными правительству. Я убѣждалъ ихъ подчиниться законной власти. Недавніе примѣры строгихъ наказаній надъ самойдами Баули, Нали,

Садомы и другими за грабежи, буйства, разбои и неповиновение властямъ не имѣли почти никакого нравственного вліянія на этихъ дикихъ дѣтей природы. Внушенія же мои видимо на нихъ подействовали. Не говоря ни слова, отправились они на свой островъ и, возвратясь оттуда, привезли трехъ лисицъ въ ясакъ за три года. Сверхъ сего привезли съ собой рыбьяго жиру и ворвани для продажи, съ тѣмъ, чтобы заплатить за себя и повинности. Желая помочь имъ, я все это купилъ у нихъ и далъ имъ, по желанію, денегъ, табаку, ржаной муки и холста. Получивши все, деньги 17 р. 50 к. они мнѣ возвратили, поясняя при этомъ: «царскія деньги отдай царю на повинности». При этомъ они дали мнѣ слово, что будутъ каждый годъ сами пріѣзжать для положенія ясака въ Обдорскъ. Полученный мною ясакъ и деньги, съ поясненіемъ всего въ особой запискѣ, я отославъ, по возвращеніи въ Обдорскъ, къ обдорскому засѣдателю для представленія въ казну.

Инородцы Туруханскаго отдѣленія стали упрашиввать меня, чтобы ихъ перевести съ острова на устье р. Таза, потому-что они въ своихъ маленькихъ лодкахъ не смѣются съ семьями пуститься чрезъ такое далекое разстояніе. Они объяснили мнѣ, что если они останутся па островахъ и за ними не пріѣдетъ никто изъ самойдовъ (что бываетъ очень нерѣдко), то, не имѣя теплой одежды и дровъ, при наступающихъ холодахъ, всѣ замерзнутъ. О помощи этой они просили настоятельно и потому еще, что съ ними случилось въ нынѣшнее лѣто несчастіе: осетры,пущенные ими въ озера (въ трехъ озерахъ до шести сотъ штуку) подохли отъ затхлой воды и они остались безъ запаса для пищи. При этомъ они говорили, что если въ настоящее время попадутъ въ устье Таза, то успѣютъ еще наловить себѣ рыбы въ запасъ до весны. По желанію ихъ я далъ имъ катера для перевозки ихъ семействъ и 15 августа шкуна моя, наполненная бѣдняками, быстро мчалась въ устье Таза. Съ 14 числа температура быстро перемѣнилась. Сдѣлалось холодно и испепель дождь со снѣгомъ (Небольшая озера подъ 68° с. ш., на 14 августа, покрылись тонкимъ льдомъ.)

Во время плаванія моего съ турханскими инородцами я узналь отъ нихъ, что весною 1863 г. у нихъ былъ голодъ. Они принуждены были питаться березовой губой и мхомъ, что изъ рода хулиныхъ; съ голоду умерли инородцы Метти, Тангимъ, Тэзима и крещеный Василій Полинъ, да и всѣ они едвали не умерли бы съ голоду, еслибъ появившаяся весною птица—гуси и утки не спасли ихъ отъ голодной смерти. Когда я спросилъ ихъ—отчего они не постарались достать себѣ хлѣба изъ тазовского магазина, то они отвѣчали, что хлѣба въ то время въ магазинахъ не было, вышелъ; привозится же онъ только зимнимъ путемъ. Бѣдность тазовскихъ турханскихъ инородцевъ поразительна; не знаю съ чѣмъ ее и сравнить,—они хуже каждого нищаго, потому-что имъ не къ кому и руки протянуть за подаяніемъ. Рыбные промыслы по р. Тазу и въ особенности въ устьѣ этой реки такъ богаты, что я нигдѣ не встрѣчалъ имъ подобныхъ. Такъ, мои рабочіе закидывали свой маленький неводъ и вытаскивали за-разъ по 90 нельмъ икряныхъ, въсомъ каждая не менѣе 15 фунтовъ. О моксунахъ же, чирахъ и щукахъ удивительной величины и говорить нечего. Между тѣмъ тамошній инородецъ не въ силахъ завести себѣ невода ~~и~~. Нужда заставляетъ ихъ дѣлать невода изъ тальникова лыка, и, не смотря на это столь неудобное и непримѣнительное средство, они налавливаютъ рыбы и на дневное пропитаніе и въ запасъ. Одна только продолжительная холодная весна заставляетъ ихъ голодать и даже часто умирать съ голоду. Невольно приходитъ мысль: когда придетъ то счастливое время, что инородцы получать средства и возможность извлекать и сбывать богатства, которыя разсыпаны въ ихъ благодатной странѣ?

15 августа погода была довольно свѣжая, усилился сѣверный вѣтеръ и термометръ падъ до точки замерзанія. Но я уже находился въ это время въ всякихъ опасностей въ устьѣ р. Таза, куда привезъ и моихъ бѣдныхъ пассажировъ. Желая сколько-нибудь помочь ихъ горю, я поставилъ одного изъ служащихъ у меня съ большими запасами на р. Тазѣ, съ тѣмъ, чтобы онъ на какой-нибудь рѣчкѣ, впадающей съ пурской стороны въ р. Тазъ, гдѣ больше лѣсу, выстроилъ

избу для печенья хлѣба и кормилъ имъ инородцевъ. При этомъ ему приказано было отъ меня надѣлять этихъ бѣдняковъ, по возможности, средствами для промысла рыбы и звѣря. Самъ же я на небольшомъ катерѣ отправился вверхъ по р. Тазу, къ самой дамъ, кочующимъ невдалекъ стъ часовни Василія убѣниаго. Вскорѣ за мной пришла туда и шкуна, и 17 августа мы благополучно высадились у помянутой часовни. Этимъ окончилась моя вторая экспедиція. Прилагаемая при семъ карта изображаетъ въ подробности весь курсъ моего плаванія.

Рѣка Тазъ всюду судоходна. Глубина ея отъ 22 до 40 футовъ, фарватеръ ровный, безъ мелей и переговоръ, но довольно извилистый. Р. Тазъ имѣть особенное свойство,— вода въ ней, какъ говорится въ полярной странѣ, не замираетъ зимою и потому рыба держится всю зиму. Словомъ «замирать» здѣшніе обитатели приписываютъ рѣкамъ Надыму, Оби и другимъ, способность воды ихъ соединяться зимою съ ржавчиною, отчего она дѣлается буро-красною.

Во время слѣдованія моего по р. Тазу, остики безпрестанно пріѣзжали на шкуну, осматривали ее и, удовлетворивъ свое любопытство, почти тотчасъ же спрашивали: не продаю ли я вина, муки и табаку. Желая узнать, по какимъ цѣнамъ продаются у нихъ вино, я сказалъ, что уменя все есть и спросилъ какую цѣну они мнѣ дадутъ за требуемые предметы? Остики отвѣчали, что за бутылку вина они платятъ обыкновенно отъ 15 до 20 бѣлокъ, за пудъ ржаной муки 15 бѣлокъ и за фунтъ табаку 10 бѣлокъ. А такъ какъ бѣлка у нихъ темная, а иногда попадается чернохвостка и стоить недешевле 10 кон. сер. за штуку, то выходитъ, что за бутылку вина платить они отъ 1 р. 50 до 2 руб. сер. Убѣдившись лично, какъ дорого продаются инородцамъ предметы первой потребности, а также и вино, до которого они такъ лакомы, не смотря на частыя гибельныя послѣдствія пьянства, я старался разъяснить имъ, что впредь всѣ товары и припасы они будутъ получать отъ меня по самымъ дешевымъ цѣнамъ, бромъ вина, которымъ я торговатъ не намѣренъ.

Не доѣзжая часовни Василія убіеннаго, встрѣтился съ нами неожиданно священникъ Тазовской церкви от. Іоаннъ. Велика была наша радость при этой встречѣ. Вмѣстѣ съ нимъ мы доѣхали до часовни и тамъ усердно благодарили Бога за благополучно совершенное путешествіе. Отецъ Іоаннъ поздравилъ меня съ прїездомъ, убѣдительно просилъ уступить ему сколько-нибудь ржаной муки, которой у него нетъ съ іюля, такъ что онъ съ семействомъ сидитъ безъ хлѣба. Я отвѣтилъ ему, что съ удовольствіемъ подѣлюсь съ нимъ не только мукою, но и всѣми запасами, какіе имѣю, и что миѣ особенно приятна возможность помочь ему. На это почтенный священникъ сказалъ мнѣ: «Съ хлѣбомъ съ солью и молитвою Богъ принесъ васъ въ эту страну, для того, чтобы накормить алчущихъ и избавить ихъ отъ голодной смерти. Съ этимъ же Богъ и возвратить васъ отъ насъ, грѣшныхъ.»

Изъ рукописи, находящейся въ Троицкомъ тунгусскомъ монастырѣ, извлечено мною слѣдующее преданіе о часовнѣ Василія убіеннаго. На мѣстѣ, где теперь эта часовня, назадъ тому 260 лѣть, былъ городъ Мангазея, сожженый тазовскими самоѣдами, причемъ и всѣ жители его были перебиты. Продолжаю словами рукописи. «За нѣсколько лѣть до этого несчастія, у одного купца въ Мангазеѣ жилъ въ услуженіи семнадцатилѣтній юноша Василій, сынъ ярославскаго мужа Феодора и имѣль отъ хозяина своего довѣріе перепродавать товары. Но нѣкогда, бывшему ему Василію во церкви, на утреннемъ моленіи, хищники врученное ему имѣніе изъ лавки покрали, за что онъ преданъ былъ суду отъ хозяина своего, яко сообщникъ ворамъ, и мученъ воеводою Пушкинымъ на разныхъ розыскахъ до смерти. Мертвое же тѣло его христіанскаго погребенія не сподоблено, но аки ожесточеннаго злодѣя и нераскаяннаго грѣшника, брошено съ поруганіемъ въ гробъ и закопано въ болотистое грязное мѣсто. Но оттуда невидимою силою оно выходило на ружу земли». Это было поводомъ, что тѣло Василія перенесли на кладбище, похоронили по христіанскому обряду и надъ могилою построили часовню, которая поддерживается и понынѣ. Да-лѣе рукопись говоритъ: «Въ 1652 г. при воеводѣ Корсаковѣ

начали отъ него, Василія, быватъ чудеса всѣмъ съ вѣрою притекающимъ къ нему.» Разумѣется, народъ сталъ чтить его память. По разореніи Мангазеи гробъ и тѣло Василія были перенесены въ Троицкій Тунгусскій монастырь настоятелемъ этого монастыря Тихономъ, где находятся и нынѣ. По преданіямъ, перевезеніе тѣла Василія было тоже сопровождаемо чудесами.

Осматривая мѣстность бывшаго города Мангазеи, я нашелъ очень еще замѣтные слѣды нѣкогда существовавшихъ зданій, а у обрушающагося берега р. Таза пависшій надъ водою огромной величины гробъ изъ лиственныхъ досокъ. Любопытство заставило меня посмотретьъ, что за останки велика-на покоятся. Человѣческій оставъ лежалъ во весь гробъ, въ немъ истлѣвшая уже пелена, въ которую онъ былъ обернутъ, заставила думать, что это останки какого-нибудь монаха, такъ какъ мнѣ сказали, что монаховъ хоронятъ спеленанными. Удовлетворивъ любопытство, я приказалъ людямъ моимъ обрушившееся мѣсто у гроба укрѣпить рѣжемъ, засыпать пескомъ, обложить дерномъ и поставить на немъ крестъ.

Хотя я былъ физически измученъ трудами, однакожъ, не предаваясь отдыху, снова принялъся за работу. Лѣниться и отдохать было некогда. Оставивъ шкуну и матросовъ у часовни на р. Тазѣ, самъ я въ небольшомъ катерѣ отправился вверхъ по рѣкѣ, къ Тазовской церкви, отстоящей отъ часовни на 300 верстъ. Это было 22 августа. Чрезъ 6 дней я приѣхалъ къ Тазовской церкви и прожилъ тамъ до 3 сентября, пріискивая вожатыхъ и рабочихъ, съ которыми могъ бы добраться до Туруханска. Наконецъ нанялъ пять человѣкъ, купилъ небольшую вѣтку *) и отправился въ дальнѣйшій путь. Отъ церкви поплыли мы внизъ по Тазу и, отѣхавъ 20 верстъ по правому берегу Таза, повернули въ р. Худо-сено, каменистую и быструю. Изъ нея двинулись влево въ рѣчку Покадку и ея притокъ, и такимъ образомъ дошли до

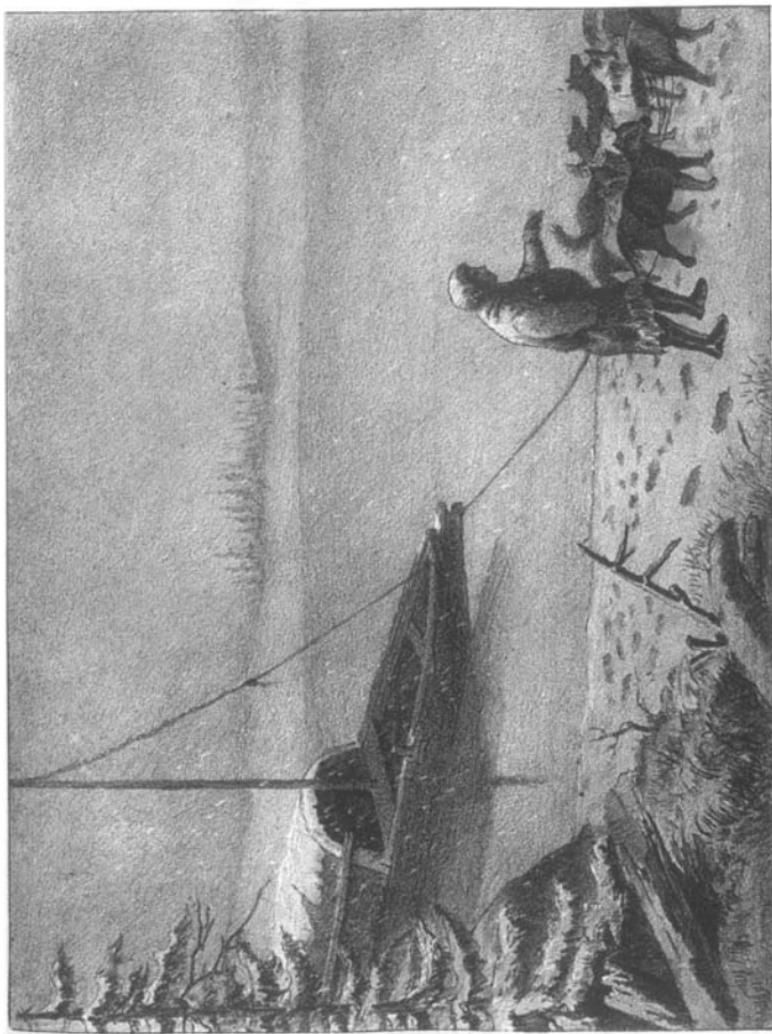
*) Лодка, въ родѣ нашихъ душегубокъ.

озерь, покрывшихся уже тонкимъ льдомъ. Прорѣзавшись чрезъ ледъ озеръ и перетащивши вѣтки чрезъ два болотные волока, пришли мы къ довольно большому озеру, версты съ три длиною, тоже покрытому льдомъ. Здѣсь проводники мои—остяки измѣнили мнѣ. Вѣроятно, они боялись, что по случаю сильныхъ морозовъ не возвратятся домой и потому, воспользовавшись моимъ сномъ, убѣжали. Остался со мной одинъ, очень крѣпко заснувшій оставя «Николка», какъ называли его товарищи. Это было 10 сентября. Мнѣ предстояла голодная смерть, потому что я былъ оставленъ почти безъ помоши на срединѣ пути, т. е. въ 500 верстахъ отъ Тазовской церкви и въ столькихъ же отъ Туруханска. Мѣстность была совершенно пустынная, съ непроходимыми лѣсами; кромѣ дикихъ утокъ на озерѣ и медвѣжьихъ слѣдовъ на сушѣ ничего не попадалось. Медлить было невозможно, жилыхъ мѣсть вблизи не было, между тѣмъ морозъ, усиливаясь болѣе и болѣе, грозилъ смертью. Спустившись вѣтки на озеро и вооружившись длинными шестами, мы стали прорѣзываться чрезъ ледъ, бывшій уже въ вершокъ толщиною. Трудившись такимъ образомъ цѣлый день и почти выбившись изъ силъ, достигли мы до противоположнаго берега озера и вѣхали въ быструю, узкую и еще пезамерзшую протоку. По ней дошли до р. Нижней Баюхи и, приставши къ берегу, выбрали развесистую ель для ночлега, развели огонь и уснули. На другой день мы снова усѣлись въ свои вѣтки и, плывя довольно быстро по теченію, вошли въ р. Верхнюю Баюху. Наконецъ 15 сентября вѣхали въ р. Туруханъ и высадились на берегъ у избушки вахтера Даурскаго. Здѣсь, отдохнувъ немнога и нанявъ новыхъ рабочихъ, я въ тотъ же день, для переговоровъ съ повѣреннымъ по дѣламъ графитнымъ Н. Е. Амосовымъ, отправился въ Туруханскъ, куда и доѣхалъ 18 сентября весь измученный и разслабленный отъ тяжелаго пути.

Въ Туруханскъ я просилъ тамошняго засѣдателя Назарецкаго дать мнѣ открытое предписаніе на свободный проѣздъ отъ Туруханска до Енисейска и, получивъ оное, отправился въ почтовой лодочкѣ въ Енисейскъ. На Енисей стала уже

подниматься шуга, увеличиваясь день-ото-дня больше и больше, потому путешествие мое было довольно трудно и опасно. Вообще переход мой до Енисейска был чрезвычайно разнообразенъ: то везли меня въ лодкѣ бичевою на собакахъ, то бѣхалъ я по берегу Енисея верхомъ на лошади, то шелъ нѣсколько станцій пѣшкомъ, и такъ далѣе, съ разными варіаціями; могу сказать, что только-что не леталъ, а то испыталъ всевозможные способы передвиженія. Переплывая черезъ Енисей изъ деревни Осиновой въ деревню Ворогову, при сильномъ вѣтре, я чуть не утонулъ. Жители дер. Вороговой, видя мою, почти неминуемую бѣду, вышли, по мѣстному обычаю, съ образами на берегъ и молились до тѣхъ порь, пока я благополучно переправился. Отъ Вороговой поѣхалъ я уже на саняхъ по лѣвому берегу Енисея. 5 октября, желая поскорѣе добраться до деревни Назимовской, я рѣшился, по совѣту ямщиковъ, перейти чрезъ Назимовское озеро, чтобы попасть прямымъ путемъ въ деревню. Только-что начали мы переходить, ледъ подъ нами обломился и я, съ своими людьми, нырнулъ въ воду. Недоставая ногами дна, мы стали хвататься за лѣдины и, ухватившись за брошенныя оставшимся на берегу ямщикомъ возки, успѣли кое-какъ вылѣзти на берегъ. Не имѣя перемѣнного платья, я принужденъ былъ въ этомъ же, сначала мокромъ, а потомъ замерзшемъ, сѣть на лошадь и ночью въ лѣсу пробираться въ деревню кругомъ озера на разстояніи 20 verstъ, по кривой тропинкѣ, едва проходимой для лошади. Дотащившись до деревни, я велѣль везти себя на квартиру, чтобы обсушиться и, взявъ по бланкѣ лошадей, отправиться дальше. Съ лошади меня сняли полуживаго, правая рука и нога, бывшія на подвѣтренной сторонѣ, окоченѣли. Кое-какъ меня оттерли. Баня и отдыхъ въ теплой квартирѣ возстановили мои силы. Проживъ три дня у доброго хозяина моего, крестьянина Ивана Назимова, и поблагодаривъ его за радушныя услуги, 8 октября я пустился дальше въ дорогу и 14 былъ уже въ Красноярскѣ, гдѣ, окончивъ что было нужно, я 29 октября отправился обратно въ Туруханскъ, куда добрался 9 декабря. Дорога была дурна и опасна, вездѣ то-

Путешествие вверх по р. Енисею.

росы *) вышиною съ добрую гору, и наледь. Того и гляди, что изъ торосовъ попадешь прямо подъ ледъ. Въ Туруханскъ прожилъ до 28 декабря, и отправился на р. Тазъ. По дорогѣ отъ Туруханска до Таза всего только два жилья. На 95 верстѣ Баюхинскій-станъ, пебольшая избушка, въ которой живеть вахтеръ, находящійся при казенномъ хлѣбномъ магазинѣ съ 300 пуд. ржаной муки, и на разстояніи 270 верстъ—Яновъ-станъ, избушка одного торгующаго мѣщанина. Эта послѣдняя тѣмъ для меня замѣчательна, что въ ней, во время моихъ страпствованій по сѣверу, мнѣ въ другой разъ довелось встрѣтить новый годъ. Всякій можетъ представить удовольствие этой встречи, вдали отъ людей. Но я былъ доволенъ и этой избушкой, въ ней было тепло и можно было отдохнуть и пойти. А это, право, роскошь въ то время, когда большую часть ночей доводится проводить подъ открытымъ небомъ, при счастии подъ густою елью, а больше въ сугробахъ снѣга. 3 января я доѣхалъ благополучно до р. Таза, къ пристани. Здѣсь была построена мною довольно порядочная изба, въ которой жиль мой прикацикъ съ семействомъ. Тутъ уже встрѣтилъ я некоторый комфортъ, рѣдкій на такомъ глубокомъ сѣверѣ. Вкусная кулебяка съ осетриной, уха изъ щекура, слоеные пирожки съ вареньемъ и замороженные сливи, подаваемыя нарубленными кусочками, какъ сахаръ,—составляли мой столъ. Шумящій большой самоваръ и стеариновое освѣщеніе производили какое-то особенно приятное чувство и заставляли забывать, что находишься въ пустынѣ. Сильные морозы и бураны не дозволяли намъ тотчасъ же пуститься въ дальнійшій путь, въ Обдорскъ. Усталость же отъ хлопотъ и путешествія, теплый пріютъ и желаніе отдохнуть расположили меня такъ, что я невольно прожилъ на Тазѣ четверо сутокъ. Въ это время я распорядился обѣ охраненіи и сбереженіи отъ весеннихъ льдовъ шкуры, лежащей тамъ на зимовкѣ, и обѣ отправилъ ея, когда вскроются рѣки, въ Обдорскъ, съ грузомъ графита. Послѣ

---

*) Большие наносы осеннаго льда, покрытые снѣгомъ.

всего этого, 8 января отправился внизъ по Тазу до избушки Мамѣева, куда и прибылъ 10 числа. Не думая пробыть здѣсь долго, я прожилъ двое сутокъ по слѣдующей причинѣ. Негостепріимные волки сыграли съ нами очень непріятную штуку. Ночью на 11 число они напали на нашихъ оленей, которые паслись невдалекъ отъ избушки, и, испугавъ ихъ, заставили разбрѣжаться въ разныя стороны. Къ счастію, два оленя не могли сорваться съ привязи и съ ихъ только помошью можно было разыскать остальныхъ. Изъ числа 20 оленей 2 были зарѣзаны волками, остальные же до того измучились, спасаясь отъ волковъ, что едва тащили нарты, когда мы отиравились въ дальнѣйшій путь. Путешествіе могло бы быть крайне медленно, но къ нашему благополучію, не доѣзжая р. Ныды, мы встрѣтили чумъ самойда Лабари, съ многочисленнымъ стадомъ оленей. Оставивъ у него своихъ оленей, мы наняли свѣжихъ, Лабари, по старой пріязни со мною, велѣль запречь рысаковъ, а чтобы выказать большее уваженіе, приказалъ подобрать бѣлыхъ и убить, для угощенія нашего, жирнаго оленя. Услугу Лабари я не зналъ какъ и цѣнить,—у меня начала развиваться цынга въ ногахъ, потому одинъ только скорый перѣездъ до Обдорска давалъ мнѣ належду на выздоровленіе. Олени мчали насъ съ неимовѣрною быстротою. Лабари велѣль вести насъ въ сѣдній чумъ, кочевавшій за р. Надымомъ, гдѣ мы могли нанять опять свѣжихъ оленей. Такимъ образомъ, перѣѣзжая отъ чума до чума, 15 января благополучно добрались до Обдорска. Возвратившись въ Обдорскъ, я первымъ долгомъ счелъ благодарить Господа Бога за то, что онъ сохранилъ меня въ пути и дозволилъ счастливо окончить мое трудное предпріятіе. Потомъ хотѣлось было отдохнуть среди добрыхъ знакомыхъ. Теплый и даже роскошный домъ, ласковый и привѣтливый уходъ за мною, довольство жизни и пріятныя сбыточныя надежды въ будущемъ, кажется могли бы скоро изгладить непріятное разстройство отъ путешествія на маленькой нартѣ. Кстати разскажу, какъ ёздить на подобныхъ нартахъ. Помѣщаются обыкновенно въ сидячемъ положеніи, поджавши правую ногу подъ себя, а лѣвую выставивъ на

ружу, чтобы поскомъ ея можно было придерживаться за копылья наарты у самыхъ полозьевъ. Сверхъ того въ лѣвой руکѣ необходимо держать длинный 10-ти-аршинный шестъ, чтобы понуждать оленей, а въ правой возжечку отъ передоваго олена для управления имъ. Я думаю всякий согласится, что ъзда эта не совсѣмъ удобна.

Разсчитывая на отдыхъ, я ошибся: проклятая цынга вычернила мнѣ ноги до колѣнь и мучила три мѣсяца. Вылечилъ я себя средствами, которыя едвали известны докторамъ, потому и считаю нужнымъ упомянуть обѣихъ. Бѣль сырую свѣжую рыбу и такое же оленье мясо, а ноги натиралъ тинс. аспіса, и болѣзнь миновала. Нѣкоторые въ Обдорскѣ употребляютъ вместо арники, по совѣту инородцевъ, кислый рыбий жиръ, или кислую ворвань, а во время опухоли—припарки изъ конскаго кала съ примѣсью оленьяго мѣха, и получаютъ облегченіе. Употребленіе вина въ этой болѣзни свѣрной страны чрезвычайно вредно и производить пагубныя послѣдствія. При развитіи цынги во рту, здѣсь пьютъ обыкновенно по два стакана въ день теплой оленьей крови и єдятъ сырную рыбу. Это средство самое цѣлебное, не подлежащее почти никакому сомнѣнію.

ЭКСПЕДИЦІЯ III.

Наконецъ, съ наступленіемъ весны сего года, я сталъ поправляться въ здоровьѣ и приготовлять экспедицію на Уральскія горы, для пріисканія удобнаго лѣтняго пути чрезъ Уралъ отъ р. Оби къ р. Печорѣ; открытие это я считалъ послѣднимъ и необходимымъ дѣйствіемъ для окончанія моего предпріятія, т. е. проложенія пути отъ Енисея къ Печорѣ.

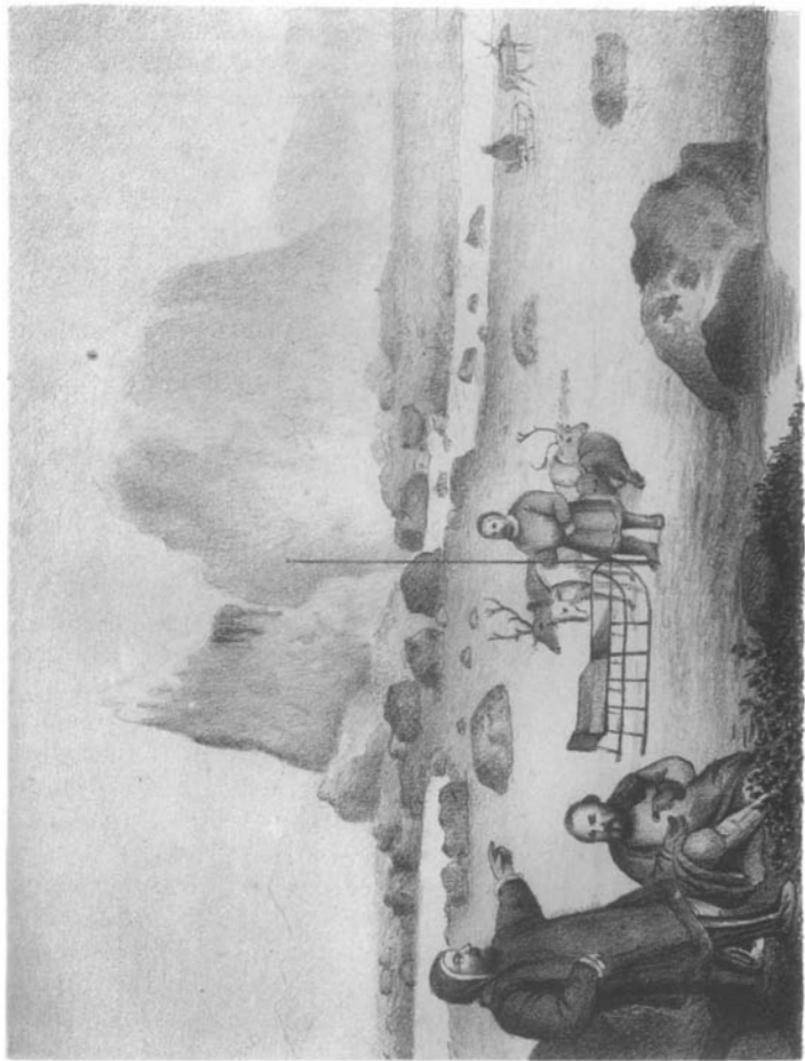
Купивъ небольшую лодку, нанявъ рабочихъ, заготовивъ състѣнныхъ припасовъ, я 10 июня отправился въ путь, вверхъ по Оби, и благополучно достигъ р. Войкара. По дорогѣ

на р. Войкарѣ я дѣлалъ вездѣ промѣры и нашелъ, что отъ устья до юртъ Югангорскихъ глубина $7\frac{1}{2}$ футовъ, а оттуда до р. Милькей, на разстояніи 70 в., отъ 5 до $3\frac{1}{2}$ фут. Дно Войкара песчано-каменистое, въ немъ есть и валуны, подѣлавшіе довольно большие переборы, отъ которыхъ теченіе Войкара усиливается. Между переборами образуются большие плесы, умѣреннаго теченія, на $2\frac{1}{2}$ узла. Берега Войкара не высоки, песчаны и покрыты нестроевымъ лѣсомъ. Чтобы сдѣлать Войкаръ судоходнымъ, къ чему способствуетъ ширина (60 саж.) и глубина его, необходимо только разобрать восемь переборовъ, а какъ на немъ образовались острова и много русль, то оставить одно только русло, которое шире другихъ и глубже, прочія же запрудить. Не говоря уже о томъ, что вблизи Войкара есть много озеръ, которыхъ легко соединить съ нимъ, эта рѣка имѣть еще то достоинство, что послѣ каждой ненастной погоды вода въ ней прибываетъ очень быстро, такъ-что при устьѣ Милькей доходитъ въ нѣсколько часовъ до 7 футовъ, сбываешь же медленно. При рѣчкѣ Милькѣ дожидался меня подрядчикъ съ оленями и вожатые изъ зырянъ. Погода стояла ясная и тихая. Величественный Ураль казался испещреннымъ черными и бѣлыми пятнами отъ таявшаго снѣга. Цѣнь его, то возвышаясь, то понижаясь, танулась на необозримое пространство къ сѣверу. Дымящіяся вершины Урала образовали надъ собою сплошной облачный темносѣраго цвѣта покровъ, который безпрестанно волновался вѣтромъ. У подошвы горы разстидалась необозримая долина, каменистой почвы, покрытая разнаго рода мхомъ, ягодникомъ, багульникомъ и вообще очень бѣдной флорой, съ небольшими перелѣсками лиственничнаго и еловаго лѣса. По долинѣ вились ручейки и, соединяясь между собой вершинами, образовывали небольшія озера, на которыхъ безбоязненно плазали лебеди.—Я долго смотрѣлъ на эту картину и удивлялся сочетанію дикости и красоты природы въ одно изящное цѣлое.

Однако сколько ни восхищала меня картина Урала, но вскорѣ сухая существенность заставила обратить все свое вниманіе на другое,—на пріисканіе удобнаго мѣста, съ ко-

тораго можно было бы начать изслѣдованія для предполагаемаго пути. Въ первыя минуты Уралъ казался мнѣ недоступнымъ. Я развернулъ карту Строжевскаго и прочиталъ въ изданномъ имъ Пайхой путешествіе его по Уралу. Уныніе овладѣло мною при чтеніи: вездѣ описывались утесы, кратеры и величайшія препятствія въ путеслѣдованіи. Мысль, что я не найду удобнаго мѣста для дороги, ложилась свинцомъ мнѣ на душу. Такъ какъ это было уже не первое препятствіе, встрѣчаемое мною во время странствованій по сѣверу Сибири, то хладнокровно сѣвъ на нарту, запряженную чистеркой лихихъ оленей, пустился въ путь. Олени, какъ бы сочувствуя моему желанію достигнуть какъ можно скорѣе цѣли, помчали меня во весь духъ и черезъ полчаса я былъ у подошвы Урала. Здѣсь я сталъ осматривать ущелья при рѣкахъ Милькѣ, Ларьюганѣ и другихъ, и нашелъ, что одна изъ вершинъ рѣки Войкара, прорѣзавъ Уралъ, у береговъ своихъ образовала ровную долину, довольно возвышенную надъ уровнемъ воды. Слѣдя этой долиной, заросшей пебольшимъ лиственичнымъ лѣсомъ, я выѣхалъ на площадку, по которой вилась рѣчка, названная мною Лирой. Переѣдя эту рѣчку и площадку и достигнувъ одной изъ вершинъ Войкара, бѣжалъ я берегомъ этой рѣки до таѣ-называемаго большаго Урала, покрытаго въ иныхъ мѣстахъ снѣгомъ. На большомъ Уралѣ не видно было никакихъ слѣдовъ произрастанія. Голыя утесистыя скалы гранита и сеянита то соединялись въ сплошныя массы, то, группируясь отдельно, образовывали кряжи съ коническими фигурами, въ родѣ башень, возвышающимися одна надъ другого и достигавшими своими вершинами облаковъ.—Дно Войкара усыпано гальками кремнеземной породы и въ особенности кварца, сланцовъ яшмовой породы и обломковъ гранита и сеянита. Слѣдя прямо на западъ, дошелъ я до двухъ небольшихъ озеръ, изъ которыхъ бѣжали въ противоположныя стороны маленькие ручьи, одинъ на западъ, а другой на востокъ. Эти озера показали мнѣ, что я былъ на срединѣ Урала. Желая убѣдиться въ этомъ еще болѣе, я залѣзъ на вершину одного изъ самыхъ высокихъ пиковъ и оттуда разсмотривалъ мѣстности пройденнаго мною

и предстоящего пути. Къ западу увидѣлъ я необозримую площадь, усыпанную небольшими собками, между которыми извивалась рѣчка Кокыла. Рѣчка эта вытекала изъ вышеупомянутыхъ озеръ и, перерѣзывая, на разстояніи двухъ верстъ, небольшой кряжъ, продолжала теченіе по ровной долинѣ и впадала въ р. Тумболову, а сія въ р. Нагангу.— Шагаяга, проходя по этой же долинѣ, впадала въ Ленву, а сія послѣдняя—въ Уссу. Черезъ всю эту мѣстность очень удобно проложить дорогу, которая отъ Милкея до Уссы будетъ имѣть почти незамѣтную покатость на твердой каменистой почвѣ, что мною осознательно дознано при перѣѣздѣ. На р. Ленвѣ подрядчики подготовили мнѣ лодку, на которой проѣхавъ около 20 верстъ по теченію, я достигъ до р. Уссы,—главнаго и окончательнаго пункта моихъ изслѣдованій, чѣмъ и окончилъ мѣсячный трудъ для проложенія дороги черезъ Ураль. Рѣка Ленва, отъ устья р. Пааги до своего устья, камениста, имѣть отъ $3\frac{1}{2}$ до 5 футовъ глубины и 420 ф. ширины, удобна для судоходства; берега ея покрыты нестроевымъ лѣсомъ. На р. Уссы купилъ я большую лодку и отправился по теченію къ р. Печорѣ. Объ Уссе, известной уже удобствомъ къ судоходству, я умалчиваю; при рѣкѣ Уссе, возлѣ горы Адакъ, состоящихъ изъ известковыхъ и глинистыхъ сланцевъ и песчаника, найдено мною мѣсторожденіе синей фарфоровой глины, удивительно маслянистаго свойства. Изъ глины этой я вылѣпливалъ тончайшія пластинки, которые очень легко полируются, и когда высохнутъ, то издаются стеклянній звукъ и дѣлаются прозрачными. У этихъ же горъ нашелъ сѣрный ключъ, съ безчисленнымъ множествомъ родниковъ, изъ которыхъ, какъ изъ бутылки шампанскаго, била и пузырилась чистая сѣрная вода. Едва вода эта выходила наружу, какъ тотчасъ же разлагалась, издавая непріятный запахъ гнильихъ яицъ и обращалась изъ чистой въ мутную, какъ бы мыльную. Оболо отверзтій родниковъ и на разстояніи двухъ аршинъ по теченію ключа образовался чрезвычайно болѣй, пѣнистый осадокъ изъ сѣрнаго цвѣта (*fl. sulphuri*). По берегамъ рѣки Печоры, Уссы и Юняги, находились разныя окаменѣлости по большей части въ из-

На Уральскихъ горахъ Войкарская долина, раздѣленная системы
рѣкъ Обскихъ и Печерскихъ.

вестковыхъ массахъ и формациі каменного угля и антрацита. Кроме того, возлѣ горы Адакъ, по берегамъ Уссы, замѣчено въ валунахъ безчисленное множество такъ называемаго чортова пальца, что поневолѣ заставляло думать, что въ этомъ мѣстѣ какъ будто бы поставлена мишень для ударовъ молніи. Мѣстами, по берегамъ, находили мы кусочки бурой охры и слюдистый колчеданъ. Магнитная стрѣлка, во все время путешествія моего по Адаку, уклонялась въ разныя стороны отъ компаснаго полюса, что было несомнѣннымъ признакомъ присутствія въ этихъ горахъ обильнаго количества металловъ.

На Уралѣ, по случаю упадка оленей, съ величайшимъ трудомъ нашли мы подрядчиковъ и 25 и 26 августа благополучно перѣехали чрезъ него. 29 августа я прибылъ въ Обдорскъ и тамъ засталъ мою шкуну «Тазъ», благополучно прибывшую по вновь открытому пути съ грузомъ 4.100 пудовъ графита. Вообще, могу сказать, что давнишняя мысль о соединеніи Сибири съ Печорскимъ портомъ осуществлена и вѣнчаная торговля въ настоящее время дѣлается доступною для Сибири, что можетъ послужить къ быстрому ея развитію во многихъ отношеніяхъ. мнѣ остается только желать, чтобы кто-нибудь изъ благомыслящихъ коммерческихъ людей принялъ на себя трудъ лично убѣдиться въ истинѣ сдѣланныхъ мною открытій и, по своимъ соображеніямъ, примѣнить ихъ къ дѣлу. Я же достигъ своей цѣли и по открытымъ мною путямъ графитъ перевозится благополучно.

Въ заключеніе моихъ записокъ о экспедиціяхъ скажу нѣсколько словъ о тѣхъ мѣстностяхъ, въ предѣлахъ которыхъ я производилъ свои изысканія для открытія удобныхъ сообщеній на сѣверѣ Сибири. Уральскія и Саянскія горы между 63° и 73° с. ш., направляясь почти параллельно къ сѣверу, окончностями своими доходятъ до прибрежья Ледовитаго моря. Въ этой параллели образуется площадь на 1.500 верстъ, разсѣкаемая вдоль рѣками Обью, Воксаркою, Сугу, Надымомъ, Сандыбеемъ, Ныдою, Пуромъ, Тазомъ, Гыдою, Енисеемъ и многими другими не такъ значительными рѣчками, изобилующими рыбами. Въ нихъ водятся осетры,

стерляди, нельмы, моксуны, сырки, сельди, пыжьяны, щекуры, ерши, таймени, и другія. Между этими рѣками оть 63° до 66° и $44'$ с. ш. почва земли черноземная и индѣ встречается песокъ, глина, тина и напослѣдокъ голышіи. Тутъ растутъ густые непроходимые лѣса: сосна, ель, лиственица, пихта, изрѣдка кедръ и береза и находятся небольшія моховые тундры, въ которыхъ множество ягодъ (брусника, черника, черная смородина, малина, морошка и княжника) и грибовъ разныхъ сортовъ (грузди, рыжики, обабочки, красноголовки, опенки, мухоморы и проч.). Встрѣчаются и болотные, луговые мѣста съ бѣдной вообще флорой, большія озера, изобилійные рыбой, и незначительные, вытекающія изъ этихъ озеръ, рѣчки. Въ лѣсахъ водятся много звѣрей следующихъ породъ: соболи, горностаи, куницы, лисицы различныхъ родовъ, въ томъ числѣ и черныхъ, бурундукъ, бѣлки, волки, рыси,rossomахи, медвѣди, дикие олени, лоси и пѣццы. Птица постоянная въ этой мѣстности: тетери, глухари, бѣлыя куропатки, рябчики, вороны и сороки; а прилетные: галки, синици, лебеди, гуси, утки, кулики, чайки, рыболовки, воробы, синички, ласточки и другія. Отъ $66^{\circ} 41'$ до $68^{\circ} 35'$ почва земли песчаная съ тиной, глиной, графіемъ, круглыми и гладкими кусочками гранита и голышей. Растительность значительно уменьшается. На необозримыхъ моховыхъ тундрахъ индѣ только видныются лиственичные и еловые перелѣски, въ особенности при берегахъ рѣкъ и около болотистыхъ мѣсть. Отъ $68^{\circ} 35'$ до Ледовитаго моря почва состоитъ изъ песку и глины, заключающихъ въ себѣ тину и кости допотопныхъ животныхъ (мамонтовъ и друг.) въ глинистыхъ или известковыхъ массахъ. На необозримыхъ тундрахъ видныются довольно возвышенные волнистые холмы съ заносными камнями гранита, песчанаго сланца и раковинного известняка. Индѣ встречаются и каменно-угольные формациі. Однимъ словомъ, въ этой мѣстности можно довольно явственно различать формациі начала и конца нептуническихъ образованій, что очень интересно для любознательнаго геолога. На этомъ обширномъ пространствѣ не быть никакой растительности: вездѣ голыя тундры, покрытые

мхомъ; только у болотистыхъ мѣстъ и на берегахъ рѣчекъ и безрыбныхъ озеръ растетъ густой, невысокій тальникъ и тоже маленький искривленный и почти стелющійся по землѣ верескъ. Лѣтомъ заливаются сюда лебеди, гуси и утки и въ особенности утка гага *); песецъ, волкъ и дикий олень—постоянные обитатели этой страны, съ властелиномъ своимъ — самоѣдомъ. Могильная тишина изрѣдка нарушается вѣтрами, особенно западными, усиливающимися здѣсь, на просторѣ необозримыхъ тундръ, до невѣроятности. Лѣтомъ тучи комаровъ и москвичъ разныхъ породъ унылыми пѣснями своими какъ бы оплакиваются дикость природы. Но ихъ пѣсни здѣсь непродолжительны: стоитъ только подуть сѣверному вѣтру и голодный комаръ затихаетъ, падаетъ на землю и скрывшись за какую-либо былинку, замираетъ отъ холода. Въ этихъ мѣстахъ природа властвуетъ надъ всѣмъ и всѣми и бороться съ нею почти невозможно. Веселья и радости здѣсь, кажется, не существуетъ. Одинокій самоѣдъ влачивъ молчаливо свою жизнь, также какъ и разрывной другъ его—олень. Для него восьмимѣсячная зима, съ ея сорока-градусными морозами, есть какъ бы неотъемлемая принадлежность дѣятельности. Вотъ онъ несетъся на легкой нартѣ, при свѣтѣ луны или сѣверного сиянія, нападаетъ на слѣдъ звѣря, слѣдить его, пагоняетъ и, послѣ очень непродолжительной борьбы, побѣждаетъ, какъ бы въ доказательство того, что онъ—единственный властелинъ подполюснаго царства, и все должно ему подчиняться.

Нелишнимъ сказать нѣсколько словъ объ Уральскихъ горахъ, изслѣдованныхъ мною отъ р. Ляпы до острова Вайгача, т. е. отъ 62° до 71° с. ш. Ураль, имѣя направление отъ юга къ сѣверу, достигаетъ Ледовитаго моря. Потомъ, проходя по дну Югорскаго шара, появляется небольшими возвышеностями на островѣ Вайгачѣ и, прорѣзываясь по дну Матушкина шара, достигаетъ Новой Земли. Ураль,

*) Гагачий пухъ добывается изъ гнѣздъ утки гаги. Онъ очень дорогъ.

въ описываемой мною с. ш. находится между рѣками: съ правой стороны Обью, а лѣвой р. Лемвой и Уссой. Мѣстности, находящіяся между Ураломъ и означенными рѣками, образуютъ подошвы его. Уралъ съ восточной стороны отъ вершинъ р. Щучей разливается, по направлению р. Щучей, достигаетъ полуострова Ялмала, гдѣ, постепенно понижаясь, скрывается совсѣмъ съ поверхности земли, давая мѣсто сплошнымъ массамъ нептунической формаций, которая, кое-гдѣ образовали волнистые холмы. Вообще же полуостровъ Ялмалъ представляетъ изсякшее море, весь покрытъ круинами морскимъ пескомъ, мелкими раковинами, заносными камнями и конгломератами. Въ вѣдрѣ своемъ сохраняется кости допотопныхъ животныхъ мамонтовъ. Кое-гдѣ, а въ особенности возлѣ Юробейскихъ озеръ, попадаются на большомъ пространствѣ турфянники и болота съ узкими прошлаками твердой почвы и такового же свойства островами, въ родѣ оазисовъ, на которыхъ въ лѣтнее время кочуютъ самоѣды. Таянья земли на Ялмалѣ, въ самое жарчайшее лѣто, не болѣе какъ на $1\frac{1}{2}$ ф. Онъ представляется собою пустыню въ полномъ значеніи слова. Изъ царства растительнаго на немъ—олений мохъ, искривленная, карловатая березка, таковой же черный тальникъ въ 2 фут. вышины, моховики, ягодники и багульникъ. Подъ 72° с. ш. на Ялмалѣ и этой растительности не замѣчается. Одинъ олений мохъ, а въ логахъ вѣчные снѣга. Островъ Бѣлый, находящійся не вдалекѣ отъ сѣверной оконечности Ялмала, представляетъ тотъ же видъ. Часто проливъ, находящійся между Ялмаломъ и ос. Бѣлымъ, затирается льдами, которые стоять по нѣсколько лѣтъ неподвижно, образуя ледяной мостъ. По немъ путешествуютъ во множествѣ табуны дикихъ оленей, а за ними съ лукомъ и винтовкой вѣчный врагъ ихъ—смѣлый самоѣдинъ. У сѣверныхъ береговъ Ялмала образуются дюны изъ измельченного льда, а со стороны Карского моря въ бухты Ялмала нерѣдко заходить пловучіе острова полярнаго льда съ неотъемлемыми обитателями своими—бѣлыми мѣдвѣдями и случайно забравшимися на нихъ любопытными щесцами. Издали эти острова представляютъ видъ городовъ съ башнями

куполами и на нихъ есть озера съ пресною дождевою водою. Во время сѣверныхъ сіяній, которыя въ описываемой мною странѣ бывають очень часто съ сентября по мартъ мѣсяцъ, путешественникъ за свое любопытство и рѣшимость посмотрѣть эти страны вполнѣ можетъ быть вознагражденъ картиною сѣверного сіянія. Нѣть генія, умѣвшаго описать его, нѣть художника, которого кисть могла бы изобразить что-нибудь подобное! Сѣверное сіяніе, соединивъ горизонтъ Ледовитаго моря съ небесами и зенитомъ наблюдателя, представляется ему освѣщенными: море и плавающіе льды, которые сверкаютъ блесками разныхъ дорогихъ камней. Отъ дрожанія столбовъ сѣверного сіянія и качки моря, упоминаемыя блески, соединяясь въ радужныя ленты, опоясываютъ въ разныхъ направленіяхъ льдины, среди которыхъ показывается голова прозорливаго бѣлаго медведя съ выпученными кровяными глазами, какъ двумя фонарями. Но финалъ картины сѣверного сіянія превосходитъ всю прелестъ, какую только можетъ создать себѣ воображеніе человѣка. Изъ столбовъ сѣверного сіянія, прежде багровыхъ, послѣ золотисто-серебристыхъ цветовъ, формируется корона; она, какъ бы сорвавшись съ небесъ, понижается; отдѣляющееся отъ нея электричество, въ видѣ искръ, сверкаетъ кругомъ нея; потомъ корона изъ рѣзкихъ формъ освѣщенія переходитъ постепенно въ менѣе свѣтлыхъ, наконецъ исчезаетъ вовсе, образуя на томъ мѣстѣ, где была, огненную пебольшую точку, которая тоже въ одинъ моментъ уничтожается и оставляетъ послѣ себя дымокъ, переходящій отъ тонкой струи въ расширяющуюся, постепенно блѣднѣющій, наконецъ разжижается до нѣть и взору зрителя представится то же голубое звѣздное небо, которое онъ видѣлъ за чашъ передъ сѣвернымъ сіяніемъ. Тогда-то наблюдатель, прида въ нормальное состояніе, неохотно разстается съ очарованіями едва испытанными, скоро проходящими и оставляющими, для утѣшения что-то мечтательное и едва уловимое для памяти. Нерѣдко я, сидя на скалѣ Урала, одинокій, восхищался подобными картинами сѣверного сіянія, и каждый разъ въ сердце мое врывались неисповѣдимыя чувства къ Богу—что тотъ Его можетъ понять, что Онъ есть и Единый, кто можетъ созерцать Его

мірозданіе, всѣмъ нравящееся, всѣхъ поражающее и вмѣстѣ съ тѣмъ никому непонятное!....

Отъ вершинъ р. Уссы, отроги Уральскаго хребта двинулись болѣе къ западу и, вдавшись въ Ледовитое море, образовали на немъ много небольшихъ острововъ въ сосѣдствѣ острова Вайгача. Теченіе морской струи въ Югорскомъ шару, отъ з. къ в. очень быстро на 6 узловъ. Въ Матушкиномъ шару *) теченіе обратное, едва замѣтное отъ в. къ з.; этотъ воротъ возлѣ острова Вайгача дѣлаетъ то, что Югорскій шаръ часто затирается льдами, образуетъ ледяной мостъ, по которому самоѣды перегоняютъ на лѣтнія кочевья стада своихъ оленей. При моемъ посѣщеніи Вайгача, на немъ кочевала самоѣдская ватага Найны.

Матушкинъ шаръ всегда проносный, полярные льды въ немъ не останавливаются. Описанное мною теченіе моря дѣлаетъ еще и то, что южная часть Карского моря до Байдарцкой губы бываетъ часто покрыта плывучими ледяными островами, въ которыхъ въ 1862 г. затерло шкуну Крузенштерна, предпринявшаго путешествіе изъ устья р. Печоры въ Енисейскую губу. Неудача вся состояла въ томъ, что г. Крузенштернъ не избиралъ пути черезъ Матушкинъ шаръ, — давно известный. По немъ мезенскіе поморы, нерѣдко въ своихъ карбасахъ, достигали Бѣлаго острова и сѣверо-западныхъ береговъ Ялмала, гдѣ промышляли очень счастливо моржей и бѣлага медвѣдя.

Восточную сторону Урала туземцы, остыки и самоѣды, раздѣляютъ на два Урала: *Малый и Большой*. Первый, по роспѣй лѣсами, растительность которыхъ, приближаясь къ Ледовитому морю, постепенно скучаетъ и исчезаетъ вовсе. Большой Уралъ, возвышаясь надъ Малымъ въ значительной высотѣ, виднѣется съ дальн资料ия въ видѣ тучи облаковъ. Голыя скалы его съ снѣженымъ покровомъ предстаиваютъ назидательному геогносту старца — свидѣтеля всѣхъ

*) На Матушкиномъ проливѣ я не былъ, а разсказъ обѣ нѣмъ поимѣша со словъ самоѣдовъ и мезенскихъ поморовъ.

катастрофъ мірозданія, прожившаго многіе вѣка и пережившаго многихъ и многое. Эти-то дѣды, птиціи благодѣтели міра сего, они-то прикрыли вѣчную огненную пучину расплавленного земляного зерна; они скопили воды въ моря, озера и рѣки, образовали земляную сушь, предоставивъ гостить на ней всѣмъ веществамъ и существамъ; сами же, созерцая съ высоты народъ человѣческій, награждаютъ его своими богатствами и вмѣстѣ съ тѣмъ предлагаютъ ему изучить науку, заключающуюся въ натурѣ,—названную нами естественной исторіей. Что же сдѣлалъ человѣкъ? Съ той минуты, какъ принялъ за изученіе природы, находя многое для себя непонятнымъ и блуждаясь въ сокровенностяхъ, оставляетъ точное разузнаніе всего въ удѣль своему по-томству. Такъ проходили дни и годы, а дѣды-то не перестаютъ трудиться и незамѣтно, уничтожая одно, созидаютъ другое. Человѣкъ же на все это смотритъ, осязаетъ даже и все-таки не понимаетъ дѣдовскаго труда, а созналъ только ту одну для своей жизни усладу, что начало всему есть Мудрость—Богъ!

Западная сторона Урала не имѣть Малаго Урала, отъ Большаго переходить къ покатостямъ, образующимъ подопыты горъ съ небольшими холмами пептуническаго образованія, среди обширнѣйшихъ долинъ, поросшихъ, возлѣ многихъ рѣчекъ и озеръ, нестроевымъ лѣсомъ изъ лиственицы, ели и тальника.

Описываемыя мною Уральскія горы состоять изъ слѣдую-
щихъ каменныхъ породъ:

а) *Огненной коры.* Гранитъ; въ немъ очень рѣзко развиты кристаллы полеваго шпата, зеленовато-блѣднаго цвѣта; но попадается шпать блѣдно-краснаго и бѣлаго цвѣтовъ. У подошвы гранитныхъ скалъ, на Большомъ Уралѣ, а именно тамъ, где берутъ начало рр. Войкаръ, Ларюганъ, Нилкей, Кокыла, Нижняя и Верхняя Хорови, Щучья и друг., видныются щебни изъ разрушенного гранита, съ отдѣлившимися кристаллами полеваго шпата, зернами кварца и слюды. Въ гранитныхъ трещинахъ нерѣдко замѣчаются граниты, въ которыхъ кварцы расположены сквозными жилами въ полевомъ

шпатъ въ различныхъ направленияхъ, въ родѣ іероглифныхъ знаковъ. Самоѣды обожаютъ эти граниты тѣмъ больше, если въ ихъ узорахъ находятъ знаки, похожіе на ихъ тамги, которыми клеймятъ своихъ оленей и татуируютъ себя на рукахъ—подобный гранитъ они называютъ «тамга камень» и онъ составляетъ у нихъ талисманъ. Равнымъ образомъ остатки обожаютъ граниты самые возвышенные, отдѣлившіеся отъ сплошныхъ массъ, и которые представляютъ собою башни. Возлѣ этихъ башенъ они приносятъ жертвы, ставятъ своихъ идоловъ, стрѣляютъ на вершины изъ луковъ, и котораго стрѣла залетить на вершину, тотъ считаетъ себя счастливымъ, ибо, на промыслѣ звѣря, если станетъ стрѣлять, то зарядъ всегда будетъ оставаться въ звѣрѣ, какъ стрѣла на гранитной башнѣ. Гранитные камни, обожаемые остатками, очень легко узнать: возлѣ нихъ лежитъ множество поломанныхъ стрѣлъ и вблизи на кусточкѣ навѣшано много лоскутовъ разноцвѣтнаго сукна, мѣдныхъ колецъ, мѣдныхъ денегъ, набросанныхъ въ камни.

Въ гранитныхъ горахъ очень часто попадается погреба, въ которыхъ каменные самоѣды и остатки, ведущіе пастушескую жизнь, прячутъ свои богатства. Въ погребахъ я находилъ топазы, аквамарины, аметисты и даже хризоберилы; послѣдній мною найденъ величиною въ старую мѣдную копейку, а что важнѣе—безъ трещины. Стѣны погребовъ изрѣдка украшены призмами кристалловъ топаза и блѣднаго аметиста. Бенисовъ, малиноваго шерла, которыхъ такъ много на Уралѣ въ широтахъ екатеринбургскихъ, на Сѣверномъ Уралѣ мнѣ не случалось видѣть. Въ вершинахъ же р. Щучей, между гнейсами найденъ мною альмандинъ, цвѣтомъ очень близкій къ рубину, но послѣднимъ рѣжется. Изрѣдка попадаются кристаллы прозрачнаго полеваго шпата и разныя кварцовыя породы некристаллическія: ониксы, агаты, яшмы разноцвѣтныхъ лентъ и полу-опалы и проч.

Сплошныя массы сіенита расположены вездѣ по сѣверу Урала, но ихъ, при тщательномъ разсмотрѣніи, можно только отличить отъ гранита. Роговая обманка вкраплена столь узкими и короткими кристаллами, что едва ее замѣтно.

Слѣдуетъ еще пояснить о сіенитѣ особенность, что въ масахъ его, разспоженныхъ ближе къ Ледовитому морю, меньше роговой обманки; въ южныхъ же массахъ роговой обманки кристаллы больше и слюда вкраплена въ полевой шпатъ серебристыми тончайшими пластинками.

Вылившійся мѣстами порфиръ, а въ особенности въ вершинахъ рр. Кары и Щучей, составляетъ единственное украшение Урала. Порфиръ въ этихъ мѣстахъ состоитъ изъ зеленої роговой обманки и мелкозернистъ. Тальковаго сланца на восточной сторонѣ Урала—множество; онъ всегда почти находится въ соединеніи съ полевымъ шпатомъ. Въ разрушенныхъ грудахъ его попадается колчеданъ сѣрный, мѣдный и желѣзнякъ темно-бураго цвѣта. Въ тѣхъ же мѣстностяхъ находятся отдѣльными группами хлористые сланцы и отдѣльными глыбами мраморной змѣевикъ и мраморъ.

б) *Водяной поры.* На Маломъ Уралѣ, а преимущественно на западной сторонѣ Урала, находятся известняки, песчаники, глины. По берегамъ р. Уссы пуденги, конгломераты и породы метаморфическія, которые часто попадаются подъ вылившимися порфирами.

Кто любопытенъ, пусть, путешествуя по рр. Усѣ и Печорѣ, выйдетъ на берега этихъ рѣкъ: онъ найдетъ въ выносахъ много разныхъ окаменѣостей.

Окисленныхъ рудъ на сѣверномъ Уралѣ очень мало. Изъ рѣдка попадается магнитный желѣзнякъ, красная желѣзная руда и бурый желѣзнякъ. На отрогѣ Уральского хребта, по рѣкѣ Усѣ, съ лѣвой стороны, на такъ-называемыхъ Адакскихъ горахъ, попадается сѣрный колчеданъ и сѣрные родники, образующіе небольшія рѣчки, впадающія въ р. Уссу, по срединѣ которой образовался небольшой островъ изъ сплошнаго кварцита.

Въ заключеніе моего описанія обѣ Уралѣ, я долженъ еще упомянуть о томъ, что изъкоторые гг. геогности, путешествуя по сѣверному Уралу, упоминаютъ о видѣнныхъ ими потухшихъ кратерахъ. При всѣхъ своихъ усилияхъ, изслѣдуя Ураль отъ р. Ляны до Вайгача, нигдѣ я не находилъ кратеровъ. Незначительныя же воронко-образныя отверстія, до

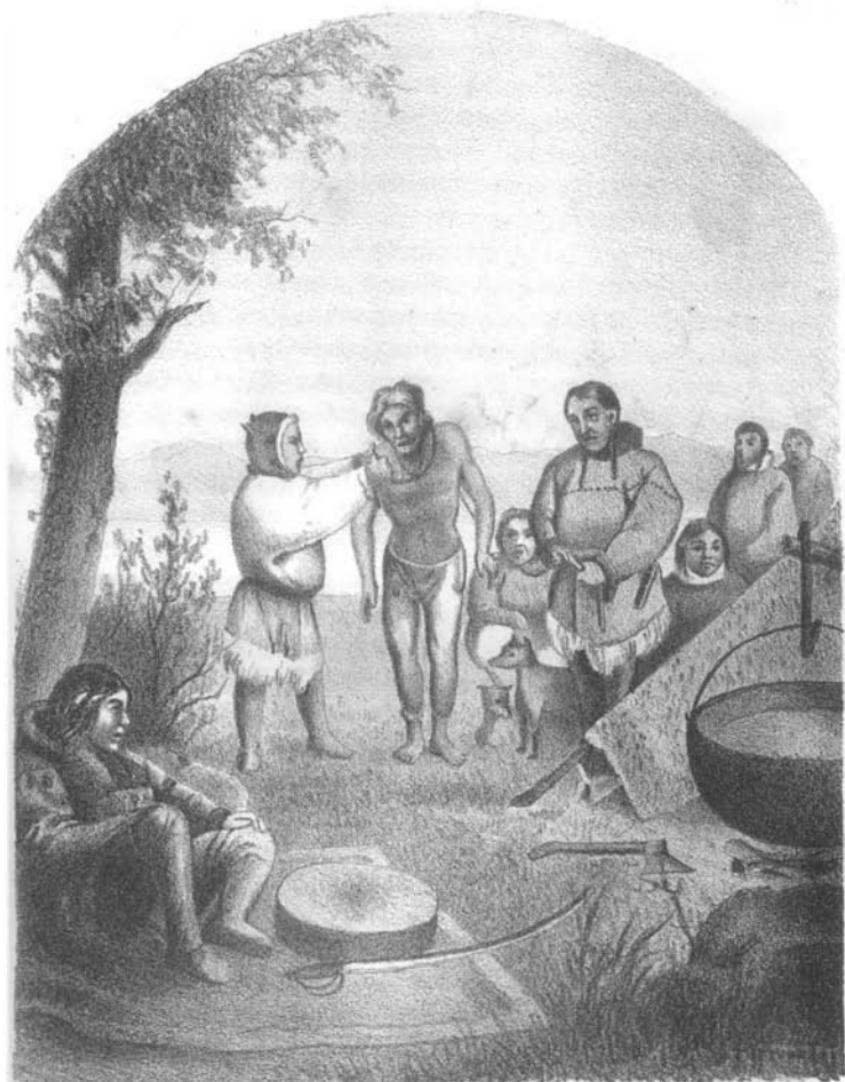
12 фут. глубины, видѣнныя мною на возвышенностяхъ Урала, если и находятся и во многихъ мѣстахъ, то они произошли, какъ полагаю, не отъ потухшихъ волкановъ, а отъ слѣдующаго дѣйствія расщавленного зерна: въ различныя эпохи существованія земли, плутоническая кора расплавленнымъ зерномъ подымалась, воздымалась, гдѣ выющимися, а гдѣ складочными грядами. Индѣ, вылившися гряды расли въ высоту. При такомъ процессѣ хрупкія горныя породы расщелялись, а дождевыя и снѣговыя воды, разъѣдая трещины горнаго хребта и смывая верхніе пласти коры, надѣлали въ однихъ мѣстахъ углубленія и воронко-образныя отверстія, а въ другихъ—обнажили вершины стержней въ разныхъ видахъ: развалинами, башнями, зубцами, куполами. Отъ этого произошло и то, что верхнія части Урала состоять изъ толщи первороднаго гнейса, гранитовъ, сіенитовъ, грюнштейновъ и порфировъ, т. е. изъ породъ плутоническихъ. Низменныя же части этихъ возвышенностей состоять изъ пластовъ разныхъ породъ нептуническихъ, косвенно къ горизонту поднятыхъ, которые, до поднятія ихъ расплавленнымъ зерномъ, составляли первородную водяную кору и прикрывали собою таковую же плутоническую. Возлѣ упомянутыхъ воронко-образныхъ отверстій нигдѣ не находилъ я волканическихъ образованій, то есть туфовъ изъ кусковъ трахита, лавъ, пензы, что и доказываетъ отсутствіе кратеровъ, а напротивъ гнейсы, выдвинутые, при воронко-образныхъ отверстіяхъ, въ гребни горъ, по большей части состоять изъ одного слюдистаго состава въ вывѣтренномъ и разрушенномъ видѣ, что также убѣждаетъ, что эти воронки вовсе не кратеры, ибо гнейсъ лежить у самого расплавленнаго зерна, а потому разъ вылившись, образовали гребни горъ плутонического свойства, а не волканическаго, отъ котораго потоковъ бываютъ породы губчатаго вида и тѣмъ отличаются отъ породъ вылившихся горъ.

Нѣкоторые естествоиспытатели, обращая вниманіе свое на климатическія условія съверной Сибири, давали вопросъ:— отчего произрастенія на одной и той же с. ш., при разныхъ долготахъ, имѣютъ неодинаковую растительность? а именно:

въ западныхъ долготахъ на материкѣ, окружающемъ Карское море, Обскую и Тазовскую губы подъ 68° с. ш. нѣть лѣсовъ, а на восточныхъ долготахъ, на материкѣ возлѣ Енисейской губы даже подъ 70° с. ш., есть лѣса. Нѣкоторые предполагали, что голѣстромъ, обогнувъ восточную сторону Новой Земли, достигъ Енисейской губы и, проходя подъ землею, согрѣваетъ почву и тѣмъ способствуетъ растительности и существованію лѣсовъ. Эти убѣжденія давали даже мысль—открыть морской путь изъ Нечорского порта кругомъ восточной стороны Новой Земли въ Енисейскую губу. Доказывать, что это такъ, или нѣть—оставляю болѣе компетентнымъ испытателямъ; я же долгомъ поставляю сдѣлать известнымъ о моихъ метеорологическихъ наблюденіяхъ, произведенныхъ мною въ Обдорскомъ отдѣленіи на западной и восточной сторонѣ Урала подъ 66° с. ш.—Высота Урала, въ упоминаемой с. ш. надъ площадью страны Азіи—до 4.000 ф.;—со стороны Европы—до 4.500 ф.—Средняя высота Европы надъ моремъ равняется 630 ф., а Азіи 1.080 ф. Помѣщаю эти вычисления съ тою цѣлью, чтобы назидательные представить причины появленія, въ зауральской полярной странѣ Азіи, западныхъ вѣтровъ столь сильныхъ, часто временныхъ и холодныхъ, во всякое время года, что противъ ихъ устоять невозможно. Вѣтры эти, по поистотамъ Урала, сдвигаютъ съ мѣста довольно большие камни и катятъ ихъ къ подножью горъ. Олени, во время сильныхъ западныхъ вѣтровъ на Уралѣ, падаютъ на землю, придерживаясь обѣихъ рогами, или собираются въ кучи, лежа одинъ возлѣ другаго. Когда эта катастрофа находится въполномъ дѣйствіи на восточной сторонѣ Урала, часто съ дождемъ, снѣгомъ даже въ лѣтніе мѣсяцы, на западной сторонѣ его едва подуваетъ теплый вѣтерокъ. Это происходитъ отъ слѣдующихъ причинъ: теплые западные вѣтры, дойдя до Урала, подымаются по означенной высотѣ его, къ вершинамъ, гдѣ находятся вѣчные снѣга, тамъ охлаждаются, дѣлаются болѣе упругими, сдавливаются текуче-жидкими слоями вѣдуха; потомъ выбившись на восточную сторону Урала, какъ зарядъ изъ пушки, съ необыкновеннымъ стремлениемъ, со

свистомъ, шумомъ, грохотомъ, падаютъ съ вершины Урала на долину, находящуюся между рр. Обью и Тазомъ, съ дождемъ и холодомъ. Отъ этихъ-то урагановъ растительное царство полярной страны, во время знойнаго лѣта, едва украсить себя зеленью, какъ въ то же время желтѣеть. Долина, находящаяся между Обью и Тазомъ, имѣя пространство до 1.000 верстъ ширины, давая просторъ западнымъ вѣтрамъ, своею широтою вмѣстѣ съ симъ отнимаетъ силу ихъ, такъ-что вѣтры эти, приближаясь къ сѣверной странѣ р. Енисея, дѣлаются обыкновенными, и холоднѣе европейскихъ вѣтровъ на столько, на сколько высота Европы ниже Азіи надъ моремъ и сѣверная широта ихъ ближе къ полюсу. А что только подобныя климатическія условія имѣютъ вліяніе на растительность царства Азіи, а не гольстремъ, это еще доказывается и тѣмъ, что степень замерзанія и таяніе земли подъ однѣми с. ш., а разными долготами сѣверной Обской и Енисейской страны—одинакова. Не лишнимъ считаю еще пояснить и то, что образовавшійся съ восточной стороны Малый Ураль, котораго нѣть на западной, произошелъ отъ упомянутаго мною выше западнаго вѣтра, способствующаго силою своею разрушенію плутоническихъ породъ Большаго Урала, которая, стремясь по направленію западнаго вѣтра на востокъ, образовали Малый Ураль пентуническихъ формаций, что продолжается и въ настоящее время.

Эта-то страна была мѣстомъ моей дѣятельности и для нея-то впродолженіе шести лѣтъ я потратилъ много силъ и здоровья. Инородцы часто спрашивали меня: для чего яѣзжу по ихъ рекамъ, горамъ и тундрѣ и чего я ищу, когда въ ихъ земль ничего нѣть? На это я отвѣчалъ имъ, что ишу труда для себя и для нихъ. И въ самомъ дѣлѣ на первый взглядъ кажется ничего нѣть въ ихъ странѣ, но нельзя сомнѣваться, что лишь только трудолюбивая и мощная рука человѣка коснется ея, то вдругъ обнаружить богатства, спрятанныя въ ея недрахъ. Уральскія и Саянскія горы, находящіяся въ означенной здѣсь сѣв. широтѣ, носятъ на себѣ несомнѣнныя признаки горъ первозданныхъ и, до настоящаго времени, были предметомъ однихъ описаній,—

Самоъдинъ, удрученный лѣгами, передаетъ себѣ въ жертву, при ма-
нистѣ, дѣтамъ своимъ, для счастливѣйшаго ихъ быта на землѣ.

рука же человѣка не дотрогивалась до нихъ; нынѣ же въ этихъ горахъ найдены кладовыя богатствъ, тщательно сбереженныя въ награду тому, кто не пожалѣлъ труда для извѣданія ихъ. Огромная площадь между означенными горами есть какъ бы преддверіе къ этому богатству, съ путами сообщенія и съ обилиемъ звѣрей и рыбъ, предназначенныхъ Богомъ тому же человѣку, для поддержанія его жизненныхъ потребностей.

Сделавъ краткій обзоръ страны самоѣдовъ, поставляю долгомъ продолжать повѣствование свое о ихъ житьѣ-бытьѣ въ частности, съ поясненіемъ развитія теологической и политической ихъ жизни и всего того, что мню лично замѣчено и узнано было впродолженіе 6-ти лѣтняго пребыванія въ ихъ сѣверной странѣ.

Жителей глубокаго сѣвера, ведущихъ бродячую жизнь по необозримымъ тундрамъ близъ береговъ Ледовитаго и Карского морей, называютъ самоѣдами. Въ бесѣдахъ съ самоѣдами, я спрашивалъ ихъ: отчего имъ дали такое название? Единогласно почти всѣ отозвались, что это не название ихъ, ибо ихъ зовутъ хозово (человѣкъ), а что самоѣдинъ—слово бранное, которымъ ихъ предковъ побосили русскіе! Остяки называютъ самоѣдовъ орхой (дикій человѣкъ). Въ преданіяхъ самоѣдовъ и остяковъ еще, по настоящее время, сохранилось въ памяти слѣдующее обыкновеніе самоѣдскихъ предковъ: «Удрученный лѣтами самоѣдинъ, когда чувствовалъ себя неспособнымъ къ промысламъ иѣздѣ на оленяхъ, тогда жизнь свою считалъ въ тягость себѣ и своему потомству. Вследствие этого и вслѣдствие убѣжденія, что въ загробной жизни онъ можетъ быть купцомъ, приказывалъ себя убить въ честь счастливой жизни своего потомства, а тѣло свое сѣсть.» Этотъ обрядъ стѣубійства исполняли дѣти при шаманствѣ съ особеннымъ благоговѣніемъ и тѣло сѣдали. Остяки, видя такое ихъ варварское обыкновеніе, назвали самоѣдовъ орхой, дикимъ человѣкомъ, и во время оно, когда остяки вѣзжали къ нимъ въ тундру для торговли, то приказывали самоѣдамъ, при встрѣчѣ съ собою, надѣть на колѣни, бланяться въ землю и не смотрѣть на себя до тѣхъ поръ, пока не позволятъ. Входя въ самоѣдскіе чумы, приказывали постилать себѣ подъ ноги олены кожи и по нимъ входили. Не дотрогивались къ самоѣдской одеждѣ и къ вещамъ ихъ, а если которыхъ брали изъ рукъ ихъ, то чрезъ огонь. Обкуривали вещи бобровою струею, которая, по понятію остяковъ, очищаетъ все, отъ всѣхъ нечистотъ.

Въ преданіяхъ остяковъ сохранилась еще быль, какъ одного казачьяго сотника Какаулина, пріѣхавшаго къ самоѣдамъ за сборомъ ясака, самоѣдскій старшина, желая угостить прилично, позвалъ къ себѣ въ чумъ и при Какаулинѣ приказалъ своей младшѣй дочери раздѣтъся, показалъ ему тѣло ея, которое было жирное и бѣлое. Послѣ этого тотчасъ убиль дочь свою и, отрѣзавъ у нея груди, вынувъ сердце, положилъ то и другое въ котель и сталъ варить на тотъ предметъ, чтобы этимъ лакомствомъ поподчывать Какаулина, но тотъ, испугавшись, уѣжалъ изъ чума и болѣе къ самоѣдамъ за сборомъ ясака не пріѣзжалъ, а поручилъ таковой производить остицкому князцу.

Изъ этихъ преданій можно заключать, что самоѣды получили название свое отъ русскихъ казаковъ собственно потому, что сами себя ёли, и неудивительно, что они считаютъ это слово браннымъ. Еще недавно быль случай: лѣтъ 15-ть тому назадъ, самоѣдъ, руководясь убѣжденіемъ своихъ предковъ, сѣѣлъ свою мать, старую и неспособную къ трудамъ, за что судился и въ наказаніе содержался въ тобольскихъ арестантскихъ ротахъ. Преслѣдованія начальства давно искоренили между ними это варварство, и въ настоящее время самоѣды стали опасаться самоубийствъ, которыхъ для нихъ прежде были нипочемъ; задавить же себя, въ случаяхъ неблагопріятныхъ, они и нынѣ не считаютъ порокомъ, или, поймавъ вора, изувѣчить его до полусмерти считаютъ даже необходимымъ. Такъ недавно старшина Пячи, поймавъ съ родовичами своими отъявленнаго разбойника Пани, выломали ему ноги и руки и такимъ представили его начальству въ Обдорскъ. Когда же спрашивали ихъ, для чего они безчеловѣчно поступили съ Пани? то объяснились тѣмъ, что это сдѣлали потому, что Пани имѣеть связи съ діаволомъ и ни одна веревка, какой бы толщины она ни была, не удержитъ Пани связаннымъ, а потому онъ могъ бы всегда убѣжать и отомстить имъ за поимку; чтобы не случилось этого, они выломали у Пани руки и ноги, и были спокойны, везя его чрезъ тундру къ начальству въ Обдорскъ. Было нѣсколько примѣровъ, что самоѣды, будучи взяты за преступленія

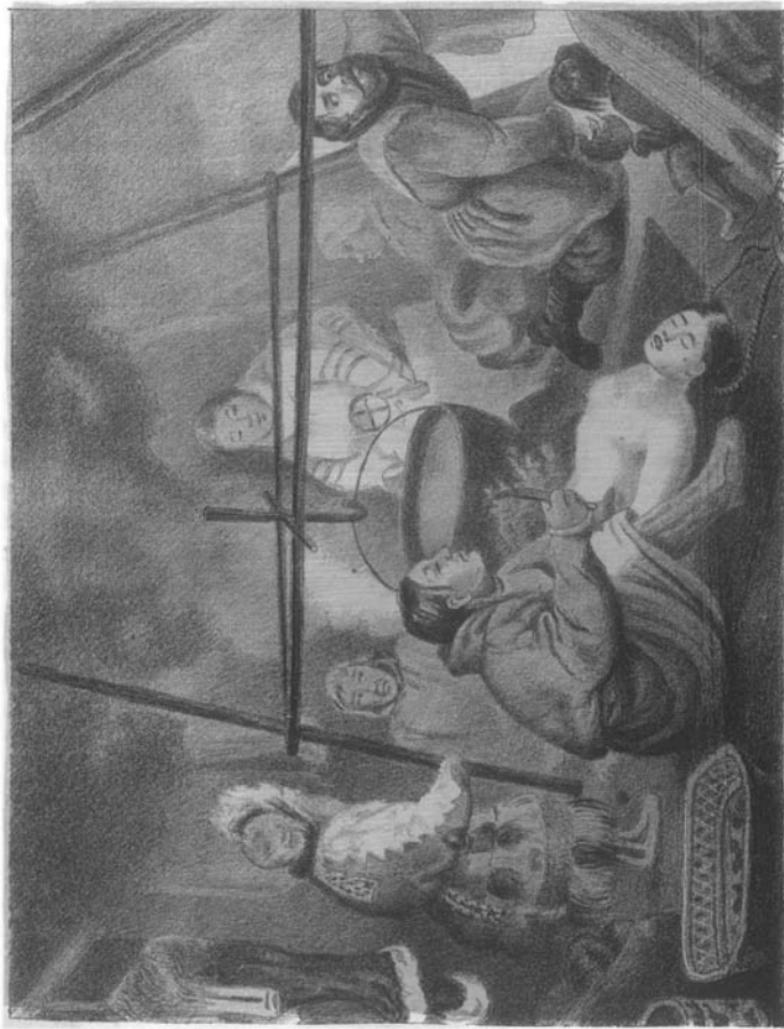
подъ арестъ, отъ страха давились, рассказывая объ этомъ своеимъ намѣреніи роднымъ раньше, убѣждая ихъ только тѣло по смерти увезти въ тундру и тамъ похоронить. Родные, зная намѣренія преступника, никогда никому объ этомъ не скажутъ, и признаютъ въ несчастныхъ случаяхъ самоубийство необходимымъ, лишь бы только оно было исполнено чрезъ задавленіе, ибо жертва давленная, по ихъ понятію, Богу пріятна, и послѣ подобной смерти въ загробной жизни самойдѣ будетъ счастливѣе. Молодая дѣвица, если по принужденію родныхъ выходить за мужъ за старика, то непремѣнно до з. мужества себя задавитъ, надѣясь, что, послѣ подобной смерти, получить такого жениха, о какомъ мечтала. Были еще недавно случаи, что самойдѣнъ, убѣдившись, что жена родила ему дитя не имъ прижитое, убивалъ его и выбрасывалъ на същеніе собакамъ.

Наконецъ не лишнимъ считаю разскaзать объ одномъ случаѣ, доказывающемъ, что самойды дѣйствительно сами себя съѣдали и что поэтому и название имъ дано русскими казаками «самоѣдъ»—правильно. Остяки и самойды долго между собою враждовали и ходили другъ на друга воиню. Но когда самойды убѣдились, что остяковъ не въ состояніи были прогнать изъ своего отечества, то смирились предъ ними и въ клятву вѣчного мира и признанія надъ собою владычества остяковъ, исполнили слѣдующій обрядъ: изъ среды своей, по жребію, избрали одного самойда, убили его, сварили и съѣли. Послѣ срубили у лиственицы вершину и на оставшемся отрубѣ поставили то корыто, изъ котораго фли человѣческое мясо. Этотъ обрядъ былъ вѣрнымъ ручательствомъ вѣчного между ними согласія, и эта лиственица еще по настоящее время существуетъ недалеко отъ Пашерцовыхъ юртъ и с. Обдорска.

Самойды не имѣютъ рѣшительно никакихъ до-историческихъ легендъ о нашествіи предковъ своихъ на сѣверную, занимаемую ими страну. По теологическому преданію доказываютъ, что предокъ ихъ хозово (человѣкъ) сотворенъ былъ нумомъ (Богомъ) на сѣверѣ и для того они считаютъ себя коренными жителями сѣвера. Нѣть былинъ у нихъ, какъ

самоубийств", родонаучальникомъ.

Угощенье Сотника Кокакулина

они до-историческихъ временъ, отъ разбойничьей охотничей жизни перешли въ пастушеской оленей жизни. Въ сказкахъ ихъ упоминается только о людоѣдахъ съ прибавлениемъ разныхъ миѳическихъ приключений. Но что они издревле, до-историческихъ временъ, были раздѣлены на роды и образовали изъ себя ватаги, то это сохранилось у нихъ въ потомствѣ, въ преданіяхъ, и этимъ доказывается то, что, для защиты своихъ личностей во время междоусобныхъ распрея, принуждены были самоѣды группироваться въ отдѣльныя общества, чтобы поставить этимъ сильный оплотъ противъ нападающихъ, или самимъ торжествовать въ грабежахъ и разбояхъ. Далѣе преданія ихъ гласятъ: когда же къ ихъ родственной враждѣ присоединилась борьба съ племенемъ остяцкимъ, которое сдѣлало на нихъ нашествіе изъ вершинъ рѣки Оби, тогда самоѣды принуждены были бросить междоусобія свои и сплотиться противъ враговъ своихъ—остяковъ, грабившихъ ихъ вездѣ. Много пролито было крови съ обѣихъ сторонъ. Много остяками было заграблено у нихъ рыбныхъ и звѣриныхъ промышленныхъ мѣсть, стадъ, захвачено женъ и дѣтей. Не видя спасенія, самоѣды стали собирать всѣ роды свои въ одно ополченіе и избрали себѣ радоначальника (князца) надъ всѣмъ самоѣдскимъ племенемъ, и общими силами стали прогонять остяковъ изъ своихъ тундръ. Война съ того времени для самоѣдовъ была удачнѣе. Остяки были отогнаны за устье р. Иртыша, но, къ несчастію самоѣдовъ, на нихъ изъ-за Урала начали нападать вагулы и пустозеры, а впослѣдствій и зыряне. Много перетерпѣли самоѣды отъ этихъ нападеній: стада оленей были распущены, бродячая жизнь, разобщая ихъ даже семейство, не давала возможности держаться въ одной массѣ и противостоять врагамъ; принуждены были смириться предъ остяками, признать надъ собою ихъ власть и платить имъ яакъ. Съ кочевьями же своими подвинулись къ сѣверу къ р. Сосѣвѣ и Козыму. Наконецъ наступило новое нашествіе—монголы, вытѣснивъ остяковъ изъ вершинъ р. Оби, Біи и Катуши, пре-слѣдовали ихъ до р. Томи. Остяки, удалившись къ устью р. Иртыша, думали, что спасли себя отъ лютѣшаго врага,

но не тутъ-то было. Преслѣдованія татаръ, послѣ непродолжительного времени, застигли остяковъ и на устьѣ Иртыша. Остяки не могли съ ними справиться, признали надъ собою владычество монголовъ, вообще съ самоѣдами, и за-одно платили имъ ясакъ оленными шкурами и соболями. Пораженіе остяковъ сдѣлало то, что они разсѣялись по всѣмъ рѣчкамъ, впадающимъ въ р. Обь до Обдорска, а самоѣды распространили свои кочевья вдоль береговъ Ледовитаго моря, отъ устья Печоры до устья р. Енисея. Нападенія пустозеровъ сдѣлали то, что самоѣды перенесли свои кочевья къ р. Карѣ, где довольно удачно защищались противъ непріятеля. Богульское племя, будучи подавлено остяками, приняло надъ собою ихъ владычество и поселилось своими кочевьями на рѣчкахъ, впадающихъ въ р. Обь изъ уральской стороны.

Въ такомъ-то положеніи существовали дѣла съверныхъ инородцевъ, когда Ерманъ Тимофеевичъ, разгромивъ монголовъ, покорилъ Сибирь. Вслѣдъ за симъ наступило примиреніе пустозеровъ и зырянъ съ самоѣдами, появились взаимныя торговыя отношенія. По тундрамъ сталиѣздить разные торговцы отъ бѣлаго царя (новгородскіе купцы), и на съверѣ появились два торговые пункта—с. Пустозерское и с. Тазовское, куда стекались купцы разныхъ націй для торговли съ инородцами. Выпѣозначенные селенія скоро заселились русскими торговцами; даже Ледовитымъ моремъ чрезъ Карское море по р. Мутной, Обской губѣ и р. Еловой новгородскіе купцы доѣзжали до устья Пура, а оттуда по р. Тазу до с. Тазовскаго. Съ этого промыщенаго переворота въ самоѣдахъ стали смягчаться ихъ нравы, искоренялись людоѣды, пастушеская жизнь пришла къ полному своему развитию, оленей размножилось безчетное количество. Безропотно самоѣды повиновались русскому начальству, добровольно, чрезъ остяцкаго князя, вносили ясакъ оленными шкурами и пещами. Но корыстолюбивые виды остяковъ становились для самоѣдовъ годъ отъ году тяжелѣ, и они, желая себя освободить отъ этого ига, ополчились противъ остяковъ. Война продолжалась очень долго; тогда русское войско, казаки, были

Миръ заключенный между Самоѣдами и Остиками, посѧ продолжительной войны.

посланы въ помощь осякамъ, какъ племени, способствующему русскому правительству для введенія въ сѣверной странѣ административнаго порядка, а въ особенности для защиты русскихъ промышленниковъ. Къ этому времени, т. е. къ XVI вѣку слѣдуетъ отнести основаніе крѣпости Обдорска. Самоѣды были покорены, признали надъ собою власть русскаго правительства и остались въ подчиненіи осяцкаго князя Тайшана. Въ началѣ этихъ междоусобій пало жертвою лютости самоѣдовъ с. Тазовское: оно было сожжено и жители его перебиты. Самоѣды по настоящее время въ сказкахъ своихъ о разграбленіи с. Тазовскаго упоминаютъ о томъ страхѣ, какой они носятъ въ свое мѣсто сердцѣ чрезъ выжиданіе наказанія отъ русскаго правительства за свое своеволіе, и повторяютъ, что рано или поздно, а настѣль накажутъ.

До 1864 года осяцкіе князья постоянно держали самоѣдовъ въ свое мѣсто подчиненіи; но правительство, убѣдившись во вредномъ вліяніи осяцкаго князя на самоѣдовъ, по просьбѣ сихъ послѣднихъ, лишило потомка Тайшиныхъ этой власти и разрѣшило имъ избрать своего родоначальника, чѣмъ и положило прочное основаніе избирательному управлению и угодило самоѣдамъ до восторга въ защиту ихъ личной свободы и имущественной собственности.

Илемя самоѣдское было очень многочисленное: они считаются, что ихъ предковъ было тысячу тысячей, раздѣленныхъ на 100 родовъ; но бродячая жизнь ихъ въ полярной странѣ, которая обусловливается только холодъ, голодъ и движение, какъ выразился одинъ ученый, есть трата силъ въ борьбѣ за существование до вымирания. И действительно, самоѣды, испытывая отъ падежей скота, голода и свирѣпствующихъ болѣзней: осипы, гнилой горячки и подарковъ, занесенныхъ къ нимъ русскими—сифилиса, упадка нравственныхъ и физическихъ силъ, скоро разстались съ своимъ многочисленнымъ племенемъ. Въ настоящее время скитаются ихъ по Обдорскому отдѣленію только до 2.000 семействъ, и то на половину пораженныхъ сѣверной проказой, каростой и сифилитическимъ худосочиемъ.

Торговыя отношенія самоѣдовъ съ русскими имѣли въ

ихъ политическомъ развитіи большое вліяніе. Они въ настоящее время очень хорошо понимаютъ, что кромѣ пастушеской жизни, рыболовства и звѣроловства, они могутъ поддерживать себя и другими средствами, и многіе изъ самойдовъ занимаются уже торговлею вина и разныхъ мелочныхъ товаровъ, необходимыхъ для ихъ жизни въ своихъ тундрахъ, не отставая отъ бродячей жизни.

Само́йды средняго роста, тѣлосложенія мускулистаго, станъ довольно стройный, круглая голова, скулистое круглое лице, приплюснутый носъ, широкія и толстыя губы, бѣлые зубы, узкие черные глаза, вдавленный узкій лобъ, черная бровь и ресницы, но малыя; черные волосы, небольшія уши, отдѣляющіяся отъ головы, походка качающааяся, но легкая, ноги выгнутыя, тонкія, маленькия руки и стопы, вообще тѣлодвиженіе пророчное и смѣлое, голосъ сильный, пронзительный и негармоническій, разговоръ быстрый—въ посѣ. Сила умѣренная, терпѣливые, скрытные къ стороннимъ, молчаливые, постоянные въ словѣ; неопрятные, лѣнивые, обжорливые, невоздержные, способности не развиты, но не лишены здраваго смысла, довольно сострадательны къ нуждамъ ближняго, но расчетливые, корыстолюбивые, завистливые, властолюбивые и мстительные; въ женщинахъ замѣтна наружная скромность, па словахъ же и въ обращеніи онѣ довольно нескромны. Мужчины нравственнѣе ихъ. Привязанность къ дѣтямъ велика; но взрослыхъ дѣти очень мало почитаютъ своихъ родителей; жены въ отношеніи мужей своихъ—рабы; братя съ своими сестрами обходятся такъ же и смотрять на нихъ какъ на вещь, которая можетъ быть продана, тѣмъ больше, если нѣть въ живыхъ родителей и сестры остались подъ покровительствомъ братьевъ.

Одежда у само́йдовъ дѣлается изъ кожъ оленыхъ, несѣныхъ, бобовыхъ и собачьихъ, и шьется нитками, приготовленными изъ оленыхъ жилъ. Изъ оленыхъ полугодовыхъ телятъ, называемыхъ исплюями, шьютъ малицы въ родѣ мышка съ отверстиемъ вверху, какъ пролезть головой съ рукавами и пришитыми къ нимъ рукавицами съ однимъ пальцомъ. Къ отверстию пришиваются трюшокъ, который дѣлается изъ пышки (выпорки изъ выкидышей оленыхъ). Малица надѣвается шерстью къ тѣлу, и обшивается кругомъ подола кундой (собачьей кожей), бѣлой, длинношерстной, въ родѣ бахрамы. Тамъ, где кунда пришивается къ подолу, проводятъ красную полоску сурикомъ. Надѣвъ малицу, опоя-

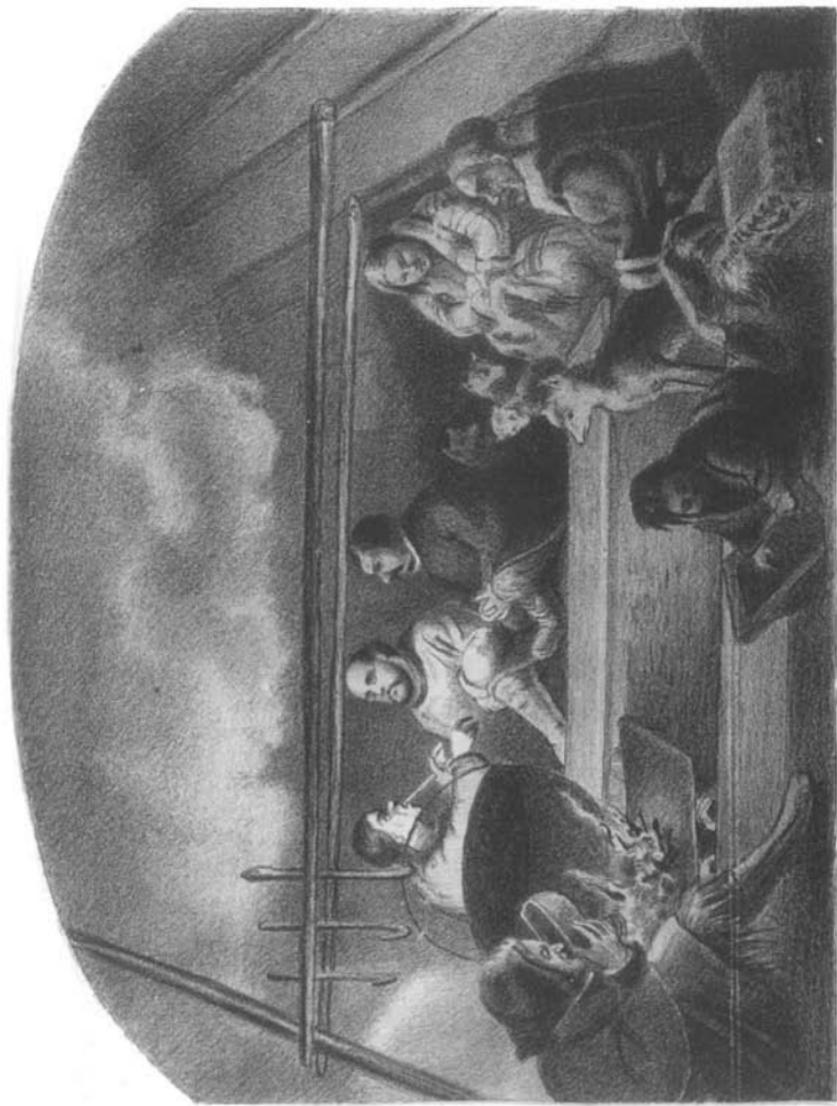
сываются широкимъ ремнемъ, украшеннымъ разными пуговицами. Къ поясу привѣщаются съ лѣвой стороны ножны съ ножомъ, украшенныя мѣдными полосками, а съ правой ножны съ оселкой; сзади, по срединѣ пояса, прицѣпляютъ въ родѣ портмоне, мѣшочекъ, украшенный пуговицами: въ немъ прачутъ трутъ, огниво, кремень, нитки, иголки и волчій зубъ. Надѣвъ малицу и опоясавшиясь, самойда надѣваются на себя послѣ парку, которая отличается отъ малицы тѣмъ, что дѣлается безъ рукавицъ и изъ темныхъ одношерстныхъ неплюевъ, а у богатыхъ изъ пестрыхъ; ниже къ подолу пришиваются узорчатыя баймы, сдѣянныя изъ кусочковъ разношерстныхъ оленыхъ кожъ и разноцвѣтнаго сукна, а самая кунды вверху обшиваются бобровыми полосками; тріупокъ дѣлается изъ тѣхъ же кожъ, что и парка, и принаравливается такъ, чтобы кожа головы оленя съ ушами приходилась на головѣ самойда. Парка надѣвается шерстью вверхъ. Гусь—та же парка, дѣлается изъ толстыхъ неплюевъ безъ кунды и бобра, надѣвается шерстью вверхъ, и то во время сильныхъ морозовъ. На ноги надѣваются замшевые штаны; чулки (чижи) дѣлаются изъ толстаго неплюя, а на нихъ пимы (самойдескіе пестрые сапоги, которые дѣлаются изъ кожи оленыхъ ногъ съ длинными голяшками за колѣни, голяшки привязываются юемешками къ штанамъ, а ниже колѣна обвязываются шерстянымъ цвѣтнымъ пояскомъ). На ночь надѣваются длинныя ягушки, въ родѣ халата, сдѣянные изъ тонкихъ неплюевъ, на подкладѣ изъ песцоваго и бѣличьяго мѣха. Женская одежда у самойдовъ состоитъ изъ ягушки, сдѣланной изъ полосокъ неплюевъ, собачьей бѣлой и черной шкуры, бобра и разноцвѣтнаго сукна; къ рукавамъ прицѣпляются разныя мѣдныя побрякушки, бубенчики, колокольчики и длинные кусочки разноцвѣтнаго сукна. На голову надѣваютъ шапку съ бобровымъ околомъ, или же съ околомъ изъ песцовыхъ и лисиныхъ хвостовъ; тулейка у нея дѣлается изъ полосокъ разноцвѣтнаго сукна. Къ шапкѣ сзади прицѣпляются двѣ косы, оплетенные разъ возлѣ разу шерстяными тоненькими поясками; къ этимъ косамъ прицѣпляютъ разные мѣдные кружечки, колокольцы. Опоясываются шерстянымъ пояскомъ, къ

которому вместо пряжки прикрывается большой медный кругъ, раздѣленный двумя хордами. Къ ушамъ привѣшаются мѣдные серьги въ родѣ пуговокъ. На пальцахъ носятъ множество мѣдныхъ колецъ. Волосы заплетаются въ двѣ косы, какъ мужчины, такъ и женщины, и оплетаются ихъ шерстяными малиновыми поясками. Женщины, чтобы рѣзче выказать на лбу проборъ, выдергиваютъ на немъ волосы. Нѣкоторые мужчины стригутъ волосы и голову подбираютъ кругомъ. Штаны, какъ мужчины, такъ и женщины дѣлаются изъ оленьей замши. Одежда ими надѣвается всегда на голое тѣло; рубашекъ и подштанниковъ не носятъ. Имущество самойскія принадлежности очень нероскошны; онъ бываютъ слѣдующія: чумъ, передвижной домъ; онъ имѣть коническую фигуру, дѣлается изъ 25 и болѣе жердей въ 3 сажени длины; вверху эти жерди смыкаются всѣ въ кучу, а нижніе концы разставляются кругообразно по землѣ и образуютъ кругъ на 2 сажени и болѣе въ діаметрѣ. Поставивши жерди снаружи, прикрываютъ ихъ нюгами, т. е. покрывалами, спицами изъ оленьей кожи. Одну кожу кладутъ шерстью внутрь, а другую—шерстью вверхъ, оставляя вверху чума отверзтие для выхода дыма; а чтобы нюги не могъ сдернуть вѣтеръ, обвязываютъ чумъ кругомъ веревками, а внизу обсыпаютъ на аршинъ снѣгомъ и утаптываютъ его. Одинъ конецъ нюги изъ подвѣтренной стороны не привязываютъ и онъ свободно откидывается и закидывается, и это отверзтие служитъ имъ входомъ въ чумъ; противъ этого отверзтія внутри, по срединѣ чума кладутъ на полѣнахъ жестянной листъ, на которомъ разводятъ огонь, и это служить имъ очагомъ; надъ очагомъ на 1½ аршина къ верху къ чумовымъ жердямъ противъ входа привязываютъ къ обѣимъ сторонамъ входа по концу двухъ длинныхъ палокъ такой величины, которая хватили бы чрезъ весь чумъ; противоположные концы этихъ палокъ сводятъ вмѣстѣ и, завѣшивая въ паралель, къ очагу привязываютъ тоже къ чумовой палѣ противоположной входу. На этихъ перекладинахъ завѣшиваютъ передъ огнемъ котлы, сушатъ свою одежду, колятъ мясо и проч. По обѣимъ сторонамъ очага кладутъ на землѣ въ длину чума по двѣ ши-

рокія доски, которая и служить имъ столомъ; за этими досками устраиваютъ себѣ логовище такимъ образомъ: на землю кладутъ ковры, связанные изъ тальничныхъ прутьевъ, на нихъ постилаютъ ковры, связанные изъ пучковъ длинной высущенной травы, и все это сверху прикрываютъ невыдѣланными олеными кожами. Подъ голову кладутъ лишнюю одежду и прикрываютъ ее неплюями. У входа передъ очагомъ складываютъ дрова, а на другой сторонѣ очага ставятъ котлы съ водою, ведра, разныя корытца, мясо и проч. свою хозяйственную утварь. Чумъ складываютъ и разбираются въ четверть часа: онъ очень удобенъ для бродячей ихъ жизни, и когда поддерживается умѣренный изъ сухихъ дровъ огонь, тогда въ немъ очень тепло въ сильнѣйшіе морозы.

Нарты (сані). Они дѣлаются для обоза на высокихъ конильяхъ и больше, чѣмъ для легкихъ разѣздовъ; полозья у нихъ широкія, не толстыя, чтобы свободно могли держаться на снѣгу; сѣдище устраивается на задней части полозьевъ; полозья спереди круто загибаются, почти шарообразно, и къ концамъ ихъ прикрѣпляются блоки (ендели), въ которые вдергиваются ремни отъ упряжи; одною рукою очень свободно можно нарту поднимать и въ снѣгу онъ не вязнуть.

Куромы (въ родѣ дровень); ихъ устраиваютъ для привоза дровъ и перевозки чума. Оленья сбруя очень несложна: она состоитъ изъ уздечекъ и лямокъ; къ лямкамъ привязывается длинный ремень, который пропускается чрезъ блоки, привязанные къ носу полозьевъ нарты, и служить въ родѣ оглобель; этотъ ремень пропускается между ногъ оленя. Одна вожечка привязывается къ уздечкѣ къ переднему оленю, которой править; опоясывается олень выше брюха въздѣ переднихъ лопатокъ подпругой, и къ этой подпругѣ привязывается поводъ уздечки другаго оленя. Понуждаются оленей длиннымъ шестомъ въ 3 сажени, который дѣлается въ коническомъ видѣ; на тонкомъ концѣ этого шеста прикрѣпляютъ плоскую круглую косточку, а на толстомъ—желѣзное копье, тонкимъ концомъ колютъ оленей въ задъ, а копьемъ убиваютъ звѣрей и придерживаются о землю во время Ѣзы, когда нарты закатываются при поворотахъ. Винтовка, лукъ

Внутренний балтъ Самоѣдовъ въ чумѣ.

со стрѣлами, пороховница, топоръ, широкій и узкій ножъ въ родѣ толстаго шила, которымъ колютъ оленей и долбятъ въ деревѣ дырки, сверло, трубка изъ мамонтовой кости съ крошечнымъ чубучкомъ, рожокъ для илюхательнаго табаку и тынзянъ (арканъ), которымъ ловятъ оленей (см. 71 стр.) Вотъ и все имущество самойда, которымъ онъ довольствуется; богатство и довольство жизни его заключаются въ оленяхъ и кожахъ пушнаго звѣря.

Обдорские само́йды по настоящее время ведут жизнь бро-
дячую, занимают своими кочевьями весь съверный берегъ
Ледовитаго и Карского Моря, отъ р. Кары до р. Енисея.
Во время кочевьевъ распредѣляютъ временемъ такъ: лѣтомъ
бродятъ вблизи моря, на возвышенностяхъ Уральскихъ горъ
и ихъ покатостяхъ, называемыхъ Пайхой, на полуостровѣ
Ялмалъ, между Барскимъ моремъ, Байдарацкою губою и Об-
скою губою, на полуостровѣ между Обскою и Тазовскою гу-
бою отъ устья р. Еловой и р. Пура, и на полуостровѣ между
Обскою и Тазовскою губою отъ устья р. Мяцо къ вершинамъ
ея и р. Енисея и Енисейскою губою. Съ приближенiemъ осе-
ни, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, само́йды подходятъ со своими стадами
къ южнымъ частямъ Обской, Тазовской губы и р. Оби. Тутъ
у береговъ этихъ водъ дожидаются замерзанія ихъ и, какъ
только станеть ледъ въ сентябрѣ, тотчасъ переходятъ на
противоположный берегъ, гдѣ уже находятся небольшиe пе-
релѣски, и чѣмъ сильнѣе дѣлается морозъ, тѣмъ скорѣe ста-
раются попасть въ густые лѣса и среди ихъ и находящихся
между ними тундръ распространяютъ свои кочевья все юж-
нѣе и южнѣе отъ вершинъ рр. Табъюгана, Ныды, Полуя,
Казима, до предѣловъ Сургутскаго участка. При перекочев-
кѣ изъ пустыхъ тундръ въ лѣсныя мѣста само́йды отѣляютъ
отъ своихъ большихъ стадъ часть оленей, почти самыхъ
быковъ. Изъ нихъ формируютъ небольшое стадо и съ лег-
кимъ чумомъ (безъ обоза) подкочевываютъ въ декабрѣ къ с.
Обдорску для положенія ясака, для продажи своего товара
и покупки хлѣба, муки и разныхъ принадлежностей на об-
дорской ярмаркѣ. По окончаніи ярмарки, въ январѣ возвраща-
ются къ большимъ своимъ стадамъ, гдѣ остаются всю зи-
му до приближенія весны къ апрѣлю мѣсяцу. Во время зим-
нихъ мѣсяцевъ занимаются въ лѣсахъ охотой на дикихъ оле-
ней, лисицѣ, бѣлокѣ, заготовляютъ себѣ всѣ деревянныя при-
надлежности, а особенно приготовляютъ большой запасъ
нартъ, куромъ и полозьевъ, чтобы достало для кочевки на
цѣлое лѣто; ибо само́йды дѣлаютъ лѣтомъ свои разѣзы

Оборона Красной Армии.

тоже на нартахъ, а о камни и песокъ очень скоро стираютъ ся полозья; въ мѣстахъ же лѣтнихъ ихъ кочевьеъ лѣсовъ нигдѣ несть. Съ наступлениемъ весны самойды возвращаются опять въ свои лѣтнія кочевья и по этому, разъ заведенному, порядку бродятъ отъ незапятныхъ временъ до настоящаго времени. Самойды раздѣляются на роды и каждый родъ имѣеть свой путь кочевой жизни. Отъ передвиженій этихъ образовались въ некоторыхъ мѣстахъ, по тундрамъ, переходные, тертыя дороги, очень замѣтныя, которыхъ называютъ аласными дорогами. Дѣйствие передвиженія ихъ чумовъ называется касланіемъ, всю же двигающую массу касланія называютъ аласомъ. Обозъ съ вожакомъ на передней легкой нарте бываетъ безъ клади, а изъ посѣдѣющихъ 6-ти нартъ съ кладью, заираженныхыхъ въ нарту по два оленя, привязанныхъ арканами сзади предъидущей нарты, называютъ аркишемъ. Мѣсто, гдѣ самойды стоять чумомъ, называютъ чугоромъ. Развѣжая по самойдскимъ тундрамъ, часто слышимъ отъ вожаковъ, какъ они говорятъ, что вотъ аласная дорога такого-то и до такой-то считается столько-то аласовъ, а недалеко долженъ быть чугоръ, или вотъ уже онъ скаслалъ, вотъ далеко-далеко виднѣется паръ *) отъ аркишевъ и на пригорокъ вѣхъ первый аркишъ. Когда случаются мятежи и заносятся аласные дороги, то самойды разыскиваютъ кочевья другъ друга по чугорамъ, которые какъ бы ни были занесены снѣгомъ, все же въ какомъ-нибудь мѣстѣ оставлять признакъ своего существованія, какъ-то: олений каль, поломанныя нарты. Найдя этотъ признакъ, самойды ощущую разыскиваютъ—въ которомъ именно мѣстѣ стоялъ чумъ и обозъ, собственно для того, чтобы узнать, въ которую сторону тронулся чумъ съ обозомъ, съ мѣста: по этому-то направлению они и едутъ и находятъ разыскиваемаго; а чтобы узнать, какъ давно изъ чугора скаслали, то самойды ножомъ разрѣзываютъ снѣгъ до земли и по нашествованію снѣга и находящагося въ немъ

*) Во время зимы надъ стадомъ оленей, гдѣ они пасутся, отъ ихъ дыханія, образуется облако, замѣтное издали. Это замѣчается еще рѣзче при касланіи.

оленяго кала опредѣляютъ это время, а именно: чѣмъ калъ ближе находится верхняго напластаванія снѣга, тѣмъ время недавнѣе скасланія, и чѣмъ глубже, тѣмъ дольше. Сверхъ того нѣкоторые самоѣды оставляютъ на чугорахъ нѣсколько палокъ, вотенутыхъ въ снѣгъ наклоненными къ тому направлению, гдѣ долженъ быть ихъ новый чугоръ, и на этихъ палкахъ они вырѣзываютъ свои тамги (знаки), по которымъ и узнаютъ, чей анасъ стоялъ на чугорѣ. Эти тамги находятся у нихъ на каждомъ оленѣ и у самихъ самоѣдовъ татуированы на рукахъ; они бывають слѣдующаго вида:

и проч.; у нихъ есть еще также слѣдующее тавро (клеймо дьявольское) ☠: его кладутъ на оленей, обрѣтенныхъ въ жертву. Тавры дѣлаютъ каждый годъ на бокахъ олена у передней лопатки, выщипывая шерсть или просто вырѣзывая ее ножомъ. Во время моего путешествія по самоѣдскимъ тундрамъ, дѣлаемаго на собственныхъ оленяхъ, а ихъ было до 400 ш., я, чтобы можно было узнать, что эти олени принадлежали мнѣ, приказалъ на каждомъ оленѣ вырѣзать дьявольское самоѣдское и осяцкое тавро въ томъ видѣ, какъ оно показано выше. Рабочіе самоѣды и осяки совѣтовали мнѣ этого не дѣлать собственно потому, что на такихъ оленяхъ, по ихъ мнѣнію, нельзяѣ ѣздить, и что будемъ постоянно блудиться, кружить по тундрамъ, но я на это замѣчаніе не обращалъ вниманія, и, сдѣлавши эти тавры на оленяхъ, имѣть ту выгоду, что если мой олень убѣжитъ и попадется въ чужое стадо, то его сейчасъ же доставляли ко мнѣ и чрезъ это сохранилось мое стадо цѣлымъ; убить же олена съ подобнымъ тавромъ или держать его у себя въ стадѣ самоѣды не рѣшились по той причинѣ, что дьявольскіе тавры кладутся ими на оленей во время своихъ болѣзней и разныхъ несчастій, и олени носятъ ихъ до того времени, пока не выздоровѣетъ большой самоѣдинъ и лишилъ по выздоровленіи его убиваются въ жертву и съѣдаются; если бы это раньше убилъ олена съ подобнымъ тавромъ, таѣь самъ захвора-

етъ тою же болѣзнью, которой затавренъ былъ олень. Нѣкоторые самоѣды нарочно подпускаютъ подобныхъ оленей въ чужія стада, думая, что олень унесеть на себѣ всѣ ихъ несчастія и, войдя въ чужое стадо, оставить несчастіе тому, кому принадлежитъ стадо; это дѣлается ими изъ зависти, и за подобныя продѣлки они вступаютъ въ тѣжбы и жестоко враждаютъ другъ противъ друга.

Бродячая жизнь самоѣдовъ вызвана необходимостью, вслѣдствіе климатическихъ условій самой природы, и не можетъ быть измѣнена безъ потери настоящаго материальнаго ихъ пастушескаго быта. Холодная зима заставляетъ самоѣда для изобилія дровъ находиться въ лѣсахъ, ибо въ ихъ чумахъ зимию, въ сильные морозы, огонь поддерживается почти суточно; кроме того въ лѣсахъ есть небольшія моховые тундры, въ которыхъ олень можетъ быть защищенъ отъ выногъ и непогодъ. Только въ зимнее время шкуры звѣрей имѣютъ настоящее достоинство, и дорогой звѣрь водится болѣе въ лѣсахъ. Пишу же для самоѣда въ зимнее время преимущественно составлять оленье мясо, которое тогда бываетъ жирное, сочistое и несвищеватое. Съ приближеніемъ весны олени начинаютъ телиться; въ лѣсахъ оленоводы не могутъ иметь бдительнаго надзора за телящимися оленями: въ лѣсахъ родившихся телятъ часто убиваютъ вороны, а новотельные самки часто бросаютъ телятъ отъ тороцливости, чтобы не отстать отъ стада во время касланія. Притомъ родовая потуги новотельныхъ самокъ бываютъ часто столь трудны, что самка, отелившись, отъ боли бросаетъ своего теленка; тогда ее ловятъ, привязываютъ и заставляютъ привыкать къ своему теленку. Для наблюденія за всѣмъ этимъ, для тѣхъ, у которыхъ есть большія стада, необходимы открытыя мѣста. Съ приближеніемъ лѣта, тучи комаровъ, мошекъ и паутовъ (слѣпни) не дозволяютъ уже оленямъ оставаться въ лѣсахъ. Отъ нападенія насѣкомыхъ они худѣютъ, свищи одолѣваютъ ихъ до изнуренія, такъ-что нѣкоторые подыхаютъ. Тогда самоѣдъ не Ѳеть оленьяго мяса и принужденъ для себя искать другой пищи, и для того онъ съ оленемъ бѣжитъ изъ лѣсовъ на голыя тундры, которыя чѣмъ ближе къ сѣверу, тѣмъ открытие, а на

высокихъ мѣстахъ холоднѣе. Кромѣ мху и разныхъ травъ и карликоватаго тальника и березки, тамъ нѣть никакихъ дре-весныхъ растеній. На такихъ-то тундрахъ олень, свободный отъ комара, нѣжится, поправляетъ свою худобу и къ осени разжирѣвѣтъ до того, что на спинѣ и груди у него бываетъ на вершокъ сала. Самоѣду тоже предстоитъ новыя занятія: онъ добываетъ по озерамъ, рѣкамъ и возлѣ моря весеннюю птицу, рыбу, морскаго звѣря, заготовляетъ къ зимѣ суш-ную рыбу, извѣстную подъ названіемъ юрока и поземовъ, приготовляютъ варку изъ ожирѣлыхъ частей рыбы, которая жарить въ котлахъ и вмѣстѣ съ жиромъ вышкварки склады-вается въ оленыи брюшины и кожи, сорванныя съ гусей, утокъ и лебедей. А чтобы жиръ не загорѣвъ во время лѣт-нихъ жаровъ, то самоѣды вырываютъ въ земль ямки, и складываютъ варку туда до зимы. Варка сохраняется очень хорошо и составляетъ лакомую пищу съ русскимъ хлѣбомъ или ржаною мукою, разболтанной въ кипяткѣ; это блюдо на-зываются саламатою. Кромѣ того большую рыбу — осетровъ, нельмъ они пускаютъ въ озера и, съ наступленіемъ уже морозовъ, выловивъ ихъ оттуда, привозятъ на продажу рус-скимъ во время ярмарки, и лакомятся сами, зимою съѣдая ее мерзлою. Это кушанье русскіе называютъ строганиной; съ солью и перцемъ она очень вкусна и заключаетъ въ себѣ испытанное гигієническое средство противъ цынги. Оленыя свѣжая кровь имѣеть то же свойство, а потому русскіе, посѣща сѣверное самоѣдское царство, за обязан-ность считаютъ привыкать къ употребленію въ пищу стро-ганины, и тѣмъ спасаются отъ цынги.

Вникнувъ въ обстоятельства, заставляющія самоѣда вести бродячую жизнь, каждый изъ благомыслящихъ людей по-желаетъ ему, какъ человѣку, улучшенія его материальнаго быта, захочетъ сдѣлать его осѣдлымъ, или, по крайней мѣрѣ, кочующимъ; но тогда нужно было бы разлучить его съ боль-шими стадами оленей, между тѣмъ какъ существованіе въ не-обозримыхъ тундрахъ безъ оленя даже немыслимо. Изъ много-численныхъ примѣровъ замѣчено, что самоѣдъ, когда лишит-ся своего стада, что бываетъ съ нимъ нерѣдко отъ падежа

оленей, тогда онъ дѣлается кочевымъ или осѣдлымъ, но въ это время онъ испытываетъ нужду во всемъ. Въ непродолжительное лѣто пропитываетъ себя заработками у русскихъ, съ наступленіемъ 8-ми-месячной зимы голодаєтъ съ своимъ семействомъ, и нерѣдко умираетъ съ голоду. Но едва приобрѣтеть немнога оленей, тотчасъ начнетъ вести свою бродячую жизнь, и обстоятельства его улучшаются. Съ оленями онъ имѣеть вездѣ доступъ къ промысламъ, богатѣть и считаетъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ. Разъѣзжая по самоѣдскимъ тундрамъ, часто случалось мнѣ встрѣчать каюлающихъ самоѣдовъ, имѣющихъ по нѣсколько оленей. Телятъ запрягаютъ въ нарты, сами имъ помогаютъ тащить ихъ, лишь бы не сидѣть на одномъ мѣстѣ. Правда, привычка къ бродячей жизни много дѣйствуетъ на самоѣда, но сама природа его страны заставила его быть такимъ, ибо она у себя такъ все распредѣлила, что въ одномъ мѣстѣ много птицы, въ другомъ рыбы и звѣря: въ одномъ мѣстѣ возможно только жить лѣтомъ, а въ другомъ—зимою, и всѣ эти мѣста находятся на дальнемъ разстояніи другъ отъ друга. Въ лѣтнее время передвиженія еще возможны водою на лодкахъ, но все же не ко всѣмъ мѣстамъ; зимою же безъ олена они не возможны, и потому олень есть единственная для самоѣда необходимость, спокойствие, богатство, утѣшеніе и самая жизнь. Справедливость моихъ уображеній можно еще доказать и тѣмъ, что зыряне и пустозеры, сосѣди самоѣдовъ, ведя жизнь осѣдлую по р. Печорѣ и притокамъ ея, были въ нищетѣ, и когда замѣтили, что оленоводство ихъ обогащаетъ и служить имъ средствомъ, весьма важнымъ къ поддержанію жизни, то стали разводить стада и вести жизнь бродячую, и скоро разбогатѣли, стали улучшать свои морскіе промыслы. Когда же пустозеры лишились отъ сибирской язвы стадъ оленыхъ и размноженные стада зырянъ истребили пищу оленямъ на ихъ тундрахъ, то обѣднѣли и ведутъ одну осѣдлую уже жизнь, довольно бѣдную.

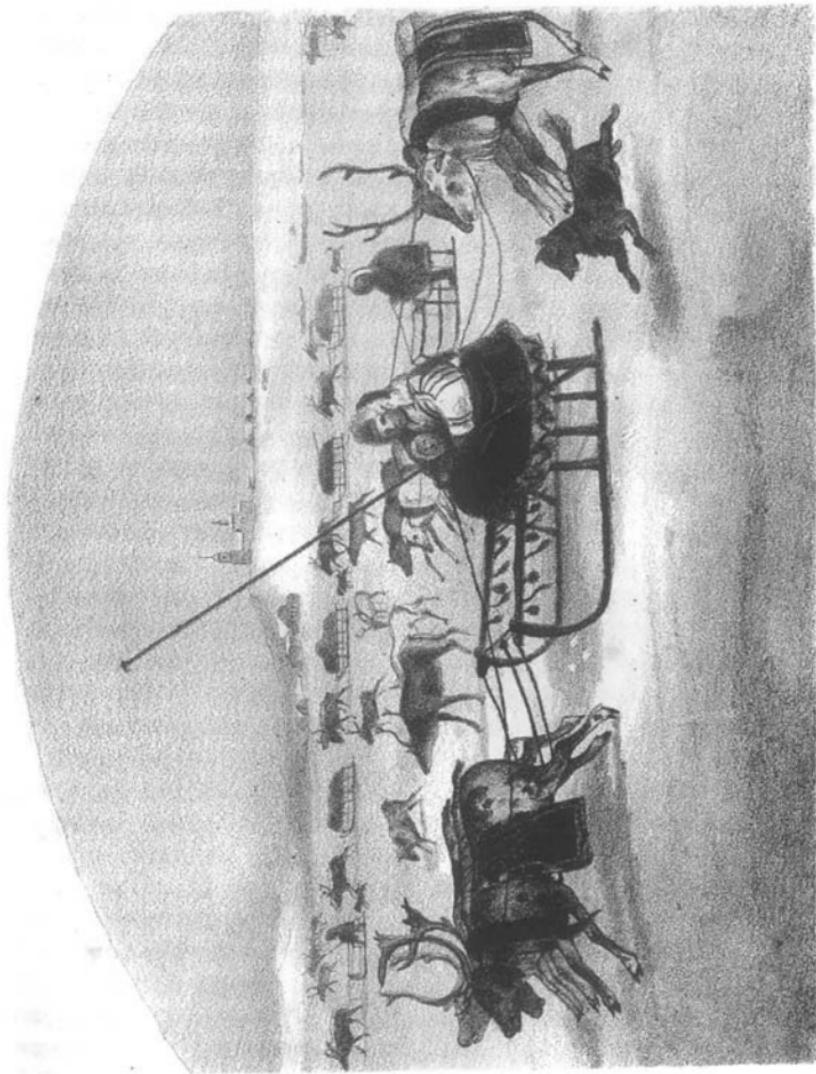
Само́йды, когда собираются каслать, то съ самаго начала паствухи объѣдутъ на легкихъ нартахъ въ два оленя весь чугоръ и сгоняютъ оленей поближе къ чуму; въ этомъ имъ помогаютъ небольшія долгошерстныя собаки, которые такъ отлично пріучены сгонять оленей, что куда бы они ни отлучились—разыщутъ и пригонятъ къ чуму. Собака, гоняясь за оленями, изнуряется до того, что въ изнеможеніи, прибѣжавъ въ чумъ, падаетъ въ непробудный сонъ, и ее какъ дохлую бросаютъ съ места на место. Олени пріучаются къ лаю собакъ: едва засыпать его, тотчасъ сами бѣгутъ опромѣть къ чуму. Созываютъ оленей еще и голосомъ, повторяя протяжно слова: «ого, го, ого, го»! Къ голосу они привыкаютъ еще и потому, что всегда слышать таковой во время нападенія на нихъ волковъ. Бывали довольно частые случаи, что волкъ, подталзывая къ оленю, вдругъ перепугаетъ все стадо, которое, не видя волка, свѣтритъ его приближеніе. Само́йды, замѣтивъ этотъ испугъ оленей, тотчасъ начнутъ созывать ихъ къ чуму; олени, собираясь со всѣхъ сторонъ, окружаютъ волка, а отъ испуга стануть бѣгать вокругъ него одинъ за другимъ, тѣсниться, и тогда затопчутъ волка до смерти. Само́йды, когда лишатся собаки-загоняйки, то сами, обѣжжая кругомъ стадо, авкаютъ наподобіе собакъ.

Когда олени соберутся къ чуму, тогда изъ него выходятъ всѣ: женщины, дѣти и гости—ловить оленей, подгоняютъ ихъ къ нартамъ, поставленнымъ цѣпью одна возлѣ другой въ родѣ забора; къ обоимъ концамъ этого забора привязываютъ веревки, и ими обводятъ кругомъ стада; веревку эту всѣ присутствующіе поддерживаютъ на рукахъ, и когда къ ней приблизится олень и захочетъ выпрыгнуть, то страхиваютъ веревкою и этимъ отгоняютъ оленя въ средину круга, который постепенно уменьшаютъ, и дотого сожмутъ оленей въ одну кучу, что имъ негдѣ попривалиться. Тогда само́йды входятъ въ средину оленей и изъ нихъ выбираютъ такихъ имъ нужно къ упряжи и привязываютъ ихъ за шею

къ той веревкѣ, которой они обведены. Такимъ образомъ, навязавъ столько оленей, сколько имъ нужно, остальныхъ распускаютъ. Этотъ способъ ловить оленей называется неводнымъ. Еще ловятъ оленей тынзянами, въ особенности для жертвы, которые дѣлаютъ изъ коровьей сырой кожи; изъ нея плетутъ длинную круглую бечевку въ 20 и 25 сажень длины: на одномъ концѣ ея прикрепляютъ небольшую продолговатую косточку съ дырочкой, гладко очищенной такъ, чтобы вдернутый въ нее тынзянъ легко скользилъ по ней; съ помощью этой косточки дѣлаютъ петлю, берутъ ее въ одну руку и съ нею набираютъ еще нѣсколько круговъ тынзяна, въ другую руку набираютъ остальную часть его, и съ набраннымъ такимъ образомъ тынзяномъ подходятъ къ оленю и бросаютъ его на него. Петля зацепится за рога или ногу оленя, и такимъ образомъ его поймаютъ.

Приготовивъ, какъ сказано выше, оленей для упряжи, самойскія жены складываютъ разныя вещи въ нарты и обвязываютъ ихъ. Послѣ снимаютъ чумъ и его укладываютъ на куромы. Окончивъ укладку, запрягаютъ въ обозныя нарты по два оленя, а въ ту, на которой сидитъ сама хозяйка—четыре, и такимъ образомъ устраиваютъ аркишъ. Первый аркишъ всегда ведеть сама хозяйка; какъ въ ея нарту такъ и въ обозныя запрягаются одношерстные олени. Сбруя на оленяхъ, запряженыхъ въ нарту хозяйки, бываетъ самая изящнѣйшая,—шлеи на шею дѣлаютъ изъ черной медвѣжини, подпруги пестрыя, шитыя изъ разноцвѣтнаго сукна, уздечки выкрашенныя въ красный цвѣтъ; къ нартѣ прицѣпляютъ нѣсколько колокольчиковъ разной величины. Женская нарта дѣлается шире и выше мужской, такъ, чтобы удобно было въ ней помѣститься маленькимъ дѣтямъ и сѣсть самой хозяйкѣ. Эта нарта прикрывается покрываломъ изъ краснаго или другаго цвѣтнаго сукна, съ разноузорчатыми каймами, сдѣланными изъ лоскутковъ разноцвѣтнаго сукна, и сверхъ того еще прицѣпляютъ къ нартѣ кругомъ лоскутки разноцвѣтнаго сукна, тонко нарѣзанные въ родѣ бахрамы. Однимъ словомъ, чѣмъ богаче самой, тѣмъ изящнѣе формируется аркишъ его хозяйки; оленей подбираютъ

белыхъ или пестрыхъ. За аркишемъ хозяйки следуютъ аркиши взрослыхъ дочерей, неступающіе щегольствомъ, за ними аркиши женъ рабочихъ. Мальчики 7, 8 лѣтъ уже каслюютъ сами на маленькихъ, нарочно сдѣланныхъ нартахъ, и имъ запрягаютъ по два смирные оленя. Взрослые же сыновья, хозяева и рабочіе запрягаютъ для себя по тройкѣ оленей, и обыкновенно впряженіе малоѣзжальныхъ. Когда такимъ образомъ все приготовится, то трогаются съ мѣста иѣлаютъ послѣдній разъ зовъ оленей, которые едва завидятъ, что аркиши двинулись съ мѣста, тотчасъ следуютъ за ними тихонько. День перѣѣзда самойды считаются для себя какимъ-то празднествомъ. Весь этотъ день во время касланія проходить въ оживленномъ разговорѣ, въ смѣхѣ и составляетъ имъ единственное утѣшеніе. Послѣ оставленія чугора, пастухи съ собаками еще разъ обѣдутъ его кругомъ и, убѣдившись, что оленей нигдѣ оставшихся нѣтъ—догоняютъ аnasы и следуютъ цѣлый день вмѣстѣ. Аркиши у богатыхъ самойдовъ и стада ихъ оленей бываютъ во время касланія растянуты на пространствѣ несколькихъ верстъ, и чрезъ которое мѣсто они пройдутъ, то накатаютъ дорогу до того, что она дѣлается скользкой какъ ледъ—въ ширину болѣе 10 саж., каслаютъ съ утра до вечера и весь день ничего не єдятъ. Мѣсто, где нужно остановиться, разыскиваютъ єдущіе впередъ анаса пастухи или самъ хозяинъ, и пріискиваютъ такое, чтобы оно было на ровномъ мѣстѣ, чтобы удобно было на немъ поставить чумъ, нарты, сгонять оленей, чтобы кругомъ чума вездѣ хотя на 2 версты былъ хороший мохъ и въ изобиліи, чтобы былъ лѣсъ для топлива и вода. Пріѣхавши на избранное мѣсто, женщины тотчасъ принимаются за свое хозяйство и въ четверть часа поставлять чумъ, устроить въ немъ весь порядокъ, разведутъ огонь, принесутъ воды, а если ея нѣтъ, то изъ снѣгу натаютъ, навѣсивъ надъ огнемъ котлы. Мужчины, между тѣмъ, поймавъ оленя, задавятъ его, сами пойдуть сырого мяса, а ноги бросятъ для єды въ чумъ женщинамъ. Послѣ этого женщины сварятъ мяса и подчуютъ имъ мужчинъ, когда же ихъ накормятъ, то послѣ и сами найдутся. Мужчины, наѣвшись, сейчасъ же раздѣваются, надѣва-

Виды Обдорска и перекочовка Самоёдова.

ютъ ночную одежду и ложатся спать, а женщины сушатъ ихъ обувь, починяютъ ее и когда все кончатъ, тогда и сами ложатся спать. Въ чумѣ работъ мужчинъ вовсе не видно: все лежить на обязанности женъ. Онъ и дровъ привезутъ и нарубятъ, воды принесутъ, огонь разведутъ и его поддерживаютъ. Въ то время, когда мужчины ёдятъ вареное мясо, женщины, взявъ каждая по одной оленьей ляжкѣ, вырѣзываютъ изъ нихъ жилки, изъ которыхъ дѣлаютъ нитки, вытягиваютъ ихъ зубами, а обрѣзанное мясо съѣдаются сами сырьимъ. Очищенные мозговые кости составляютъ у нихъ особенное лакомство: жены очень наивно разбивъ кость, мозгомъ изъ этой кости подчуютъ своихъ мужей, по кусочку даютъ его и дѣтямъ; если случится гость, то и ему подносять тоже косточку съ мозгомъ—полакомиться. Если ночуетъ у нихъ гость, то женщины за гостемъ ухаживаютъ какъ за своимъ роднымъ, а въ знакъ гостепріимства постелютъ чистую новую оленью кожу, на ноги принесутъ надѣть новые шимы, новую ягушку, накормятъ самыми лакомыми кусочками: оленымъ языкомъ, сердцемъ, грудинкой, саломъ; если есть свѣжая рыба, то и ее парѣжутъ сырой и подчуютъ; также подчуютъ варкой, русскимъ хлѣбомъ, однимъ словомъ, что у нихъ есть лучшаго, все предлагаютъ гостю. Когда же онъ уснетъ, то чтобы ему было теплѣе спать, хозяйка чума снинается съ себя ягушку и прикроетъ ею гостя. Эта послѣдняя услуга очень мнѣ не нравилась, ибо изъ подобной ягушки всегда выползетъ безчисленное множество вшей, и свѣжаго человѣка искусятъ до нестерпимости. Самоѣдскія жены хотя и вылавливаютъ ихъ изъ одежды своей и этой охотой не женируясь занимаются при всѣхъ, кто бы въ ихъ чумахъ ни былъ, но у нихъ разводится ихъ такое множество, что онъ не успѣваютъ всѣхъ истреблять; пойманного вша онъ давять зубами и съѣдаются. Когда я спросилъ, какой вкусъ имѣеть вонь? то на это женщины отвѣчали мнѣ, что длинные вши сладки и противнаго вкуса къ нимъ не испытываютъ. Противно смотрѣть, какъ женщины, выждавъ время, когда улягутся мужчины спать, обступить очагъ и при очагѣ распахнувъ свою ягушку и набросивъ ее на себя внакидку, охотятся

на вшѣй нагими. Самоѣдки не носять рубахъ, а только замшевые штаны, которые, разъ надѣвши, не снимаются до тѣхъ поръ, пока они сами не свалятся съ тѣла; отъ подобной продолжительной носки онѣ бываютъ не совсѣмъ чистоплотны, да сверхъ того штаны застукаются у нихъ мѣсто носового платка, салфетки; женщины всегда вытираютъ о штаны руки, ножъ, которымъ рѣжутъ мясо, рыбу и проч. Женщины тщательно осматриваютъ въ своихъ штанахъ пріплодъ. Операцию эту онѣ дѣлаютъ согнувшись къ огню, и непріятный видъ еще усиливается отъ повисшихъ грудей ихъ, которая похожи на длинные мѣшечки; тѣло у нихъ прегрязное-грязное и издаетъ противный горькій запахъ; онѣ кромѣ лица никогда не моютъ своего тѣла, но считаютъ себя чистѣйшими, по тому только убѣжденію, что носять много колецъ на пальцахъ, пришиваются къ штанамъ также большія мѣдные кольца, а металль, въ особенности желтая мѣдь, по ихъ понятію, очищаетъ всѣ нечистоты, какія бы ни были на человѣкѣ. Во время стоянки на чугорѣ женщины занимаются выдѣлкою кожъ и шитьемъ одежды какъ для себя, такъ и для своего семейства. Мужчины занимаются охотой на звѣря и птицу, ставятъ разныя ловушки на песцовъ, лисицъ, въ озерахъ сѣтями ловятъ рыбу; если же заслышать, что гдѣ-нибудь изъ сосѣдняго чума послали за виномъ, то сейчасъ же отправляются туда въ гости и дожидаются покуда не привезутъ его. Во что бы оно ни обошлось имъ купать и какъ бы много его ни купили—выпиваютъ за одинъ разъ; если же случится, что привезутъ вина къ себѣ въ чумѣ, то они напаиваютъ имъ своихъ женъ и дѣтей, даже грудныхъ. На сколько они падки къ вину, на столько табакъ считаются для себя необходимымъ. Мужчины и женщины употребляютъ его въ носъ, кладутъ за губы. Курятъ изъ особенныхъ трубокъ, сделанныхъ изъ мамонтовой кости. Трубка эта имѣеть видъ ложки съ небольшимъ отверстиемъ по срединѣ, облитымъ свинцомъ, куда кладутъ немного табаку и закуриваютъ; одной трубки въ семействѣ достаточно, чтобы всѣ накурились досыта, притомъ они не курятъ изъ трубки, а сосутъ и глотаютъ дымъ; набравши же въ ротъ дыму столько, сколько возмож-

но, трубку передаютъ товарищу, сами же потихоньку выпускаютъ дымъ чрезъ носъ. Для экономіи въ табакѣ они кладутъ немного тальничьяго дерева или мху. Когда самойдѣ положить въ носъ порядочный зарадъ июхательнаго табаку, то тотчасъ дыры въ носу заткнетъ вотлепомъ и дѣлаетъ это собственно потому, чтобы во время чиханія изъ носа не вылетѣть табакъ. Вотлепъ приготавляютъ они изъ березового или тальничьяго сырого дерева: по снятіи съ дерева коры скоблять его ножикомъ въ длинныя стружки, послѣ эти стружки сушать и прятуть въ запасъ. Вотлепъ употребляется у нихъ вмѣсто утиральника и его приготавляютъ женщины. Случалось мнѣ еще видѣть, что когда у самойда потечетъ изъ носа кровь, то онъ дыры въ носу затыкаетъ вотлепомъ, а кровь изъ носа, попадающую ему въ горло, глотаетъ. Когда же я спросилъ ихъ, для чего они это дѣлаютъ? то получилъ въ отвѣтъ, что жалко крови, если она течеть изъ носа, а еще болѣе жаль было бы, еслибъ она капала на землю и пропадала. Случается, что если кто изъ нихъ обрѣжется ножомъ, то рану высасываетъ до тѣхъ поръ, пока не перестанетъ бѣжать кровь. Послѣ этого завяжетъ рану тоненькой замшой. Между ними очень свирѣпствуешь короста и ни лечатся отъ нея рыбимъ жиромъ, намазывая имъ пораженныя мѣста на тѣлѣ.

Гостепріимство у самойдовъ заслуживаетъ полнаго уваженія. Они не разбираютъ кто у нихъ въ гостяхъ, богатый или бѣдный: каждый изъ нихъ требуетъ себѣ угощенія и хозяева не отказываютъ въ немъ. Встрѣтившись другъ съ другомъ въ чуму, или въ дорогѣ, тотчасъ же поздороваются, протянутъ другъ другу руку и произнесутъ слово: «здраво, здорово». Богатые самойды держать возлѣ своего чума по нѣсколько чумовъ бѣдныхъ самойдовъ, даютъ имъ оленей для Ѣзда, для жертвъ, и хотя требуютъ отъ нихъ вознагражденія, какъ узнаютъ, что они промышляли счастливо за звѣремъ, но бѣдные никогда не въ состояніи вознаградить богатыхъ за сдѣланныя благодѣянія, и для того, находясь при богатыхъ, охотно принимаютъ на себя общіе труды; но какъ только бѣдняки разведутъ у себя немногій оленей, то сейчасъ отѣляются отъ чумовъ богатыхъ и начинаютъ бродить отдельно.

Нѣкоторые оленоводы, т. е. верховскіе остяки, кочующіе по берегамъ р. Оби и ея притокамъ, возлѣ Березова, имѣя небольшія стада оленей, на лѣто оставляютъ ихъ въ лѣсахъ.

Для спасенія ихъ отъ комаровъ и вообще насѣкомыхъ, строятъ большия шалапи, въ которыхъ разводятъ постоянное курево и, загоняя туда оленей, этимъ защищаютъ ихъ отъ комаровъ. Олени выходятъ для корму изъ этихъ шалапъ, когда бываютъ холодные утренники или сѣверные холодные вѣтры. Но когда стадо увеличится, то остяки тоже переходить въ бродячую жизнь, или отдаются своихъ оленей для пастыбы въ стадо знакомыхъ остяковъ. Какъ въ лѣсахъ больше пищи, а особенно есть грибы, къ которымъ олени очень лакомы, то и откармливаются они лучше и ростъ ихъ бываетъ больше и олень дѣлается сильнѣе; но за-то верховскіе олени на ъздѣ не такъ терпѣливы, какъ самоѣдскіе, и не имѣютъ такой быстрой побѣжки. Въ самоѣдскихъ стадахъ и у остяковъ, которые ведутъ бродячую жизнь на подобіе самоѣдамъ, попадаются олени рысаки и иноходцы съ удивительно-быстрой побѣжкой: ни одна лошадь не устоитъ въ соперничествѣ съ ними. Еще есть и то преимущество у олелей противъ лошадей, что на нихъ можно ъздить на большое разстояніе безъ корму, напр. 200 верстъ, останавливаясь только, во время ъзды, каждыя десять или пятнадцать верстъ, на нѣсколько минутъ, чтобы немного провели духъ. — На такомъ дальнемъ разстояніи побѣжка у нихъ не уменьшается. Усталость оленя замѣчается по хвосту; пока на хвостѣ, у самого задняго прохода, есть ожирѣлость, тогда онъ еще силенъ и терпѣливъ, когда же ее потеряетъ, то начнетъ на побѣжкѣ ложиться. Въ такомъ состояніи олена необходимо пустить въ стадо для отдохновенія на нѣсколько недѣль. Крѣпкихъ оленей, терпѣливыхъ и сильныхъ, остяки называютъ юркомбой. Еще между оленями вырождаются скакуны. Они бываютъ изъ нетелящихся самокъ и называются хаптерки. Ихъ въ особенности употребляютъ для зимней легкой и недалекой ъзды, для гоньбы за звѣремъ—волкомъ, лисицей,

песцомъ и для охоты на бѣлыхъ медвѣдей. Хантерки имѣютъ то уклоненіе отъ правилъ природы, что каждомѣсячно совокупляются по разу, и иногда, когда разгорячается при быстрой Ѣздѣ, то вдругъ нападаетъ на нихъ похоть къ соитію и она до такой степени усиливается, что хантерки останавливаются на Ѣздѣ и падаютъ на землю за-мертво. Между оленями вырождаются еще и гермофродиты, но ихъ убиваютъ собственнопотому, что они, выросши, бываютъ очень похотливы во всякоѣ время года, портятъ стельныхъ самокъ и постоянно дерутся съ самцами. — Минеруями называются нѣжжальныхъ, кладенныхъ быковъ, которые держатся для украшенія стада до глубокой старости, до 20 лѣтъ и болѣе. Видъ минеруевъ очень красивъ—огромный ростъ, длинная борода, огромнѣшіе, вѣтвистые рога придаютъ своею величиною ему громадный видъ. Хари, самцы—ихъ держать для приплода, выбиравутъ по шерсти: бѣлыхъ, черныхъ и пестрыхъ. Хари, во время осенней игры, обезсиливаютъ себя до того, что едва ходятъ и издаютъ непріятный запахъ, Ѣдять землю и въ ней отыскиваютъ небольшіе бѣлые корешки, которые усиливаютъ ихъ энергию къ соитію, но когда придутъ въ совершенное изнеможеніе, тогда отпиливаютъ имъ рога. Безъ роговъ противники не допустятъ его къ самкѣ, и чрезъ то укрѣпляетъ онъ въ силахъ. Часто въ стадо домашнихъ оленей, во время игры, набѣгаютъ дикие самцы: оленоводы стараются тотчасъ ихъ убивать или прогонять изъ стада, ибо дознано, что отъ дикихъ оленей рождается потомство съ иоровомъ, слабосилое и не такъ способное къ Ѣздѣ.

Лѣта оленей узнаютъ по рогамъ: чѣмъ старѣе олень, тѣмъ больше у него вѣтвей на рогахъ; у безрогихъ же узнаютъ лѣта по рылу—отъ глазъ до ноздрей: чѣмъ оно дугообразнѣе, тѣмъ олень старѣе. Выгибаться начинаетъ рыло съ 7-ми лѣтняго возраста. Для Ѣзы употребляютъ годовалыхъ и отъ 2-хъ лѣтъ; до 7-ми олень считается въ полной силѣ.

Есть самобѣды, которые имѣютъ такія большія стада оленей, что они не знаютъ имъ счета; тогда бѣдные у нихъ воруютъ оленей, и подобнымъ образомъ разводятъ у себя небольшія стада. Хотя пастухи, объѣзжая стада, всегда узнаютъ: всѣ ли

у нихъ олени, или потеряны, и охотно разыскиваютъ отдѣ-
лившихся оленей отъ стада, зашедшихъ во время касланія
куда-нибудь въ перелѣсокъ, или отъ разгона ихъ волками
на нѣсколько десятковъ верстъ,—но не всегда ихъ поиски
бываютъ успѣши; въ этихъ случаяхъ бѣдные самойды при-
нимають поиски на себя и всегда найдутъ заблудившихся
оленей и часть ихъ перебаютъ, сѣѣдятъ. Если попадутся
олени неклейменые, то оставлять часть у себя, а замѣтныхъ
возвращаютъ хозяину. Въ большихъ стадахъ пастухи обра-
щаютъ вниманіе на старыхъ самокъ, которыя всегда быва-
ютъ при пастьбѣ впереди своего рода, и весь ихъ родъ дер-
жится въ одной кучкѣ и слѣдуетъ всегда за своей прабабу-
шкой, а потому, сколько есть старыхъ самокъ, столько въ
стадѣ формируется отдѣльныхъ кучекъ. Подобныхъ самокъ
не истребляютъ до глубокой старости, хотя онѣ перестанутъ
телиться, но держать ихъ, какъ матерей, для повѣрки стада;
если ея не окажется въ стадѣ, то съ нею не окажется цѣла-
го ея рода, который состоитъ нерѣдко изъ 150 оленей, по
большей части изъ самокъ и нѣвзжалыхъ быковъ.

Добыча звѣря составляетъ для самойда его богатство. Какъ у насъ богачи складываютъ въ шкатулки деньги, такъ самыды въ мѣшки изъ рыбьей кожи складываютъ шкуры пушнаго звѣря, прячутъ ихъ по нѣсколько годовъ и передаютъ въ наследство дѣтямъ. Изъ дорогихъ звѣрей они добываютъ лисицъ: черную, чернобурую, крестоватую, сиводушку и бѣлодушку; первая находится въ дремучихъ, дѣственныхъ лѣсахъ, а послѣднія вездѣ, по тундрамъ, гдѣ есть перелѣски. Самыды доказываютъ: чѣмъ драгоценнѣе шкура лисицы, тѣмъ ее хитрѣе добыть и мясо таковой вкуснѣе. Слѣдовательно, черная и чернобурая лисица составляютъ самойдскую драгоценность и лакомство, и онъ изощряетъ всю хитрость свою, чтобы уловить ее; преслѣдованія же свои длиятъ нѣсколько недѣль; пока побѣдить инстинктивную осторожность лисы. На подобныхъ лисицъ вдругъ не ставятъ ловушекъ, капкановъ и самострѣловъ. Если по слѣдамъ разузнаютъ, что черная лисица появилась въ ихъ лѣсахъ, то прежде прикармливаютъ ее въ одному мѣstu — кусочками рыбы, набрасываемой по слѣдамъ лисицы; когда самойдинъ убѣдится, что лисица каждый день подбираетъ рыбу, тогда онъ подобной приманкой завлекаетъ ее посѣщать такое мѣсто въ лѣсу, гдѣ удобно поставить самострѣль, которымъ ее впослѣдствіи и промыслить. Преслѣдованія эти самыды дѣлаютъ тайно другъ отъ друга, даже скрываютъ передъ родными, ибо коль скоро противникъ узнаеть, что уже есть лисица на приманкѣ,—тогда онъ съ своей стороны начнетъ приманивать ее въ своею самострѣлу, набрасывая вездѣ по пути кусочки мерзлой и сушеной рыбы, и такимъ образомъ уводятъ лисицу за нѣсколько верстъ. Вслѣдствіе сего самойдинъ очень рачительно осматриваетъ каждый день—сѣдѣаетъ ли лисицей бросаемая приманка или нѣтъ? Если остается цѣлой, таѣтъ онъ положительно убѣждается, что у него есть противникъ, и тогда обходить кругомъ лѣсъ и разыскиваетъ по слѣдамъ лисицы мѣсто для ея приманки своего противника; нашедши слѣдъ, ставить на немъ свой значекъ и отправляется сутяжиться съ

противникомъ. Хотя лисица еще не поймана, но по разбира-
тельству старшинъ опредѣляется, кому лисица должна по-
насть на самострѣль и тотъ на нее ставить. Если же слу-
чится такъ, что противнику такъ ловко подойдетъ, что не-
замѣтно промыслить привармливаемую лисицу другими, и
этотъ подлогъ обнаружится, тогда отбираютъ отъ него ли-
сицу, да сверхъ того, онъ еще обязанъ заплатить за рыбу,
употребленную на приманку лисицы, и за потерянное время.
По случаю добычи каждой черной или чернобурой лисицы
бывають жервоприношенія тому фетишу, у которого про-
шено помочи добыть ее, и вслѣдствіе сего самоѣдинъ состав-
ляетъ какой - нибудь особенный миѳъ заклинанія или вѣро-
ванія и на досугъ воспѣваетъ свое терпѣніе и умъ и всѣ хит-
рости добытой имъ лисицы. При продажѣ подобной лисицы
купцу, самоѣдинъ торгуется ею нѣсколько дней, и всякий
разъ пьетъ у покупателя вино, которое и доводить его до
продажи. Если продажа сдѣлана будетъ имъ удачно, и въ
особенности если онъ много дней пилъ у покупателя вино,
то къ своей пѣсни, о добытой лисице, прибавляетъ еще о
продажѣ ея съ поясненіемъ выпитаго вина. Способность же
свою выманить у покупателя лишнюю рюмку вина призна-
еть своею ловкостью и пѣснь свою оканчиваетъ тѣмъ, что
онъ обманулъ лисицу, тѣмъ что ее убилъ, и русскаго поку-
пателя, что выпилъ даромъ много вина. Между тѣмъ на по-
вѣрку выходитъ, что его обманулъ покупатель, ибо лисица
можетъ быть стоила до 100 руб., а онъ ему товаровъ, пече-
наго хлѣба и вина выдавалъ не болѣе какъ на какие-нибудь
10 или 20 рублей.

Прочие сорта лисицъ добываются безъ всякихъ особы-
нныхъ затѣй и составляютъ второстепенную важность. Затѣмъ
следуетъ добыча голубаго песца и розсомахи, волка, песца,
горностая, бѣлки. Добыча черныхъ медвѣдей составляетъ
ихъ вѣрованіе и ихъ шкуру въ продажу русскимъ не пус-
каютъ, а употребляютъ на ламеи для упряжи оленей, что
составляетъ у нихъ щегольство. Шкура бѣлаго медвѣдя хотя
употребляется на тотъ же предметъ, но она въ глазахъ са-
мойда маловажнѣе. Съ промысломъ бѣлаго медвѣдя онъ не

соединяетъ своего вѣрованія и шкуру продаеть русскимъ охотно.

Для промысла звѣря самойды употребляютъ: винтовку и желѣзные капканы, привозимые имъ для продажи зырянами и русскими, лукъ съ стрѣлами, двухъ-конечными желѣзными и тудо-стрѣлами собственно для бѣлки, лука, само-стрѣль курунцесь (слопець) и гоньбу звѣрей на оленяхъ.

Обратимъ вниманіе на сѣверныхъ тундриныхъ мышей: онѣ гораздо больше обыкновенныхъ и не всегда находятся въ тундрахъ, дѣлаютъ нашествіе отъ востока къ западу, переходя Ураль, достигаютъ р. Печоры и обратно. Никакая рѣка не удерживаетъ ихъ; шествіе свое онѣ дѣлаютъ огромнейшими табунами на пространствѣ 200 верстъ между 67 и 68° с. ш. Переплывая рѣчки табунами одна другую въ водѣ поддерживаютъ, хватаясь зубами за хвостъ передней. За ними вслѣдъ появляются враги и истребители ихъ во множествѣ—песцы. Изъ сего выходитъ, что изобиліе мышей предзначаетъ хороший промыселъ на песцовъ. Мыши начинаютъ свое передвиженіе съ начала весны до осени, постоянно стремятся впередъ да впередъ, на пути щенятся; если благополучно лѣто, т. е. теплое, то онѣ вскармливаютъ свое потомство, въ противномъ случаѣ—самцы съѣдаютъ дѣтенышей; этотъ признакъ не слишкомъ приятель самойдину: по немъ онѣ предугадываютъ появленіе песца; чѣмъ скорѣе мыши совершаютъ свой переходъ, тѣмъ промыселъ на песцовъ менѣе, а увеличивается въ томъ мѣстѣ, где мыши щенятся, отъ чего замедляется ихъ путешествіе, а нерѣдко остаются на томъ же мѣстѣ и на зимовку. Переходъ мышей въ Обдорскія тундры замѣчается черезъ два года на третій, когда идутъ съ востока на запад—и черезъ годъ, когда возвращаются съ запада на востокъ. Восточная мышь темна на спинѣ, съ черными полосами, и когда возвращается съ запада, то дѣляется свѣтлѣе. Случается, что табуны восточной мыши попадаются на встрѣчу западнымъ: тогда между ними начинается борьба и много мышей по тундрамъ находятъ дохлыхъ. Эти мыши войны встрѣчаются очень рѣдко. Самойдинъ Озухо, вожакъ мой, отъ рода лѣтъ до 60, насчитываетъ на вѣку своемъ три

случая мышачьихъ войнъ—въ это время и песцы голодуютъ и себя съѣдаются. Подобное мыше-песцовое самоистребленіе предзначаетъ самойдамъ болѣзнь—оспу, а каждое возвращеніе мышей съ запада — болѣзнь на оленей (язву). Близъ береговъ Ледовитаго моря отъ 69° и до 72° с. ш. появляется сѣрая лѣтомъ, а бѣлая зимою мышь, и тамъ, где она водится, олени никогда язвой не поражаются. Причемъ нужно имѣть въ виду, что нѣкоторые олени мышей єдятъ.

Таковое же шествіе имѣютъ и бѣлки; онъ свой путь держать между 62° и 65° с. ш., время перехода и возврата отъ востока къ западу и обратно у нихъ непериодическое. Съ востока бѣлка темная съ чернымъ хвостомъ, чѣмъ ближе подвигается къ западу, тѣмъ дѣлается рыжѣе, а потому не такъ цѣнна. Но мясо западной бѣлки жирное и потому остики имъ лакомятся съ величайшою пріятностью и не негодуютъ, что шкурка не такъ цѣнна.

Всѣ прочіе звѣри постояннѣе и ихъ тамъ больше, где недоступнѣе лѣса и реже посещаетъ ихъ человѣкъ.

Черные медвѣди на лѣто отправляются на высоты, по росшему лѣсомъ Урала, тамъ лакомятся ягодой морошкой, называемой самойдами медвѣжьей-ягодой, и спасаются отъ комаровъ; по осени же переходятъ къ рѣчнымъ лѣсамъ и тамъ на зиму залегаютъ въ берлоги. Если во время лѣта малый урожай ягодъ морошки, то отъ этого медвѣди бывають очень тощіе и зимою высасываютъ свои лапы до крови, а весною если подобныхъ медвѣдей случится самойдамъ поднимать изъ берлоги, то они не въ состояніи ногами опираться о землю, черезъ что ихъ убиваютъ смѣлѣе; впрочемъ самойдинъ никогда не труситъ; когда идетъ на медвѣдя, ибо разить его или самому быть подараненнымъ, по понятію ихъ, есть предопредѣленіе.

Падежи оленей имѣютъ сильное вліяніе на уничтоженіе звѣрей: волки, лисицы и песцы, набившись мясомъ заявленныхъ дохлыхъ оленей, сами пропадаютъ. Самойды нерѣдко находили ихъ дохлыми въ тундрахъ; отъ сего произошло уничтоженіе звѣря и уменьшеніе промысла.

Кстати расскажу какъ охотится лисица на утокъ во

время весны. Лисица, имѣя въ своихъ гнѣздахъ дѣтенышь, рыщетъ повсюду, пріискивая для нихъ кормъ. Для этой цѣли она отправляется къ рѣчкѣ и, замѣтъ, гдѣ много утокъ, погружается въ воду, гдѣ ихъ и давить. Весною въ полярную страну прилетаютъ черные утки, которые вместо обыкновенныхъ утятыхъ звуковъ свищутъ, самка протяжно, а самецъ отрывисто. Во время весны на свистъ самки слетаются отовсюду для игры самцы. Лисица, находясь погруженной въ водѣ, начинаетъ отверзтіями ноздрей дуть въ югти и издавать тоже свистъ, подражая уткѣ-самкѣ. На этотъ свистъ слетаются самцы и по свисту разыскиваютъ самку. Въ то время лисица тѣхъ самцовъ, которые близко къ ней подплывутъ, хватаетъ за горлышко, убиваетъ и несетъ дѣтенышамъ. Самоѣды отличаются лисой свистъ и, видя ее на промыслѣ, не преслѣдуютъ, а стараются подсмотретьъ, куда лиса таскаетъ добычу, на тотъ предметъ, чтобы разыскать ея гнѣздо и захватить щенятъ. Весною почти у каждого самоѣда и остяка вскармливаются щенята лисицъ разныхъ родовъ. Они держать ихъ до зимы, потомъ убиваютъ, и мясо съѣдаются, а шкуры съ нихъ продаются русскимъ торговцамъ. Шкуры эти известны въ продажѣ подъ именемъ кормушекъ. Шерсть на нихъ не такъ пушиста и короче.

Песецъ имѣетъ ту особенность, что онъ очень любопытенъ. Напримѣръ: замѣтить въ тундрѣ какую-нибудь возвышенность или поломанныя наряды, то непремѣнно придется къ нимъ и осмотритъ. Всѣдствіе сего самоѣды ставятъ на нихъ ловушки въ тундрахъ, на такихъ мѣстахъ, которыхъ рѣзко отличаются или своими возвышенностями, или бугорками. Самоѣдинъ если увидитъ въ тундрѣ песца, то, остановившись нарочно, начнетъ рыть снѣгъ и въ то время поставить на песца ловушку. Песецъ, замѣтя самоѣдина и его работу, выжидаетъ, покамѣсть самоѣдинъ не оставитъ того мѣста, где рылся въ снѣгу, и, выждавши, приходить осматривать мѣсто и тутъ же попадаетъ въ ловушку.

Самоѣды, когда гоняются на оленяхъ за песцами, стараются выгонять ихъ на ледъ, гдѣ убиваютъ палками.

Промыселъ самойдовъ на бѣлыхъ медвѣдей довольно рисковый и они убиваются не всегда, когда увидятъ его даже и на ружейный выстрѣль, а въ слѣдующихъ случаяхъ.

Между медвѣдемъ и моржемъ существуетъ вѣчная вражда. Попадется медвѣдь моржамъ въ морѣ, то послѣдніе его всегда поборять; отъ этого медвѣди свои путешествія по морю дѣлаютъ на льдинахъ и хотя живутъ въ водѣ, но всегда возлѣ такого мѣста, гдѣ при первомъ нападеніи моржей можно было бы попасть на сухое мѣсто. За то, если медвѣдь захватить моржей гдѣ-нибудь возлѣ берега моря на сушѣ, куда они во время солнечныхъ дней, а также во время игры выпѣзаютъ и нѣжатся, тогда медвѣдь, схвативши своими лапами за клыки моржа, каждому изъ нихъ свертываетъ голову и, снесши ихъ куда-нибудь на льдину, лакомится тамъ нѣсколько дней не сходя съ мѣста. Самоѣдинъ, примѣтивъ пораженіе моржей, старается всячески отобрать отъ медвѣдя его добычу и по этому только случаю вступаетъ съ нимъ въ борьбу—стрѣляетъ въ него изъ винтовки. Если сразу не убиль, медвѣдь увидитъ на себѣ кровь, тогда онъ бросается на самоѣдина; послѣдній, имѣя при себѣ отличныхъ скакуновъ-оленей, старается уѣхжать и на Ѣздѣ заряжаетъ опять винтовку и, держа ее въ готовности, подпускаетъ медвѣдя на винтовочный выстрѣль, останавливается, стрѣляетъ; если же и за вторымъ разомъ не убьетъ—что бываетъ рѣдко—тогда медвѣдь усиливаетъ свои прыжки, которые бываютъ болѣе сажени, наскакиваетъ на самоѣдина. Въ этомъ случаѣ, самоѣдинъ соскачиваетъ съ нарты, пускаетъ оленейѣхъ на произволъ, а самъ падаетъ на землю. Разсерженный медвѣдь, видя оленей, оставляетъ самоѣдина непримѣченнымъ и гонится за оленями, но никогда ихъ не догоняетъ. Медвѣдь имѣть обыкновеніе возвращаться по тому же пути, по которому гнался за самоѣдина, то послѣднему грозить большая опасность, ибо медвѣдь, дойдя до слѣдовъ человѣческихъ, обнюхиваетъ ихъ и по слѣдамъ розыскиваетъ человѣка, чтобы отмстить за свою обиду; у самоѣдина же винтовка опять заряжена и въ готовности. Онъ стрѣляетъ и убивается на повалъ; но если и въ послѣднемъ случаѣ промахнется, то са-

мойдь спасается еще послѣднею хитростью: снимаетъ съ себя верхнее платье «гусь» и во время нападенія медвѣдя бросаетъ его противъ глазъ медвѣдя на землю. Медвѣдь, засмотрѣвшись на человѣка, никогда не перешагнетъ чрезъ гусь, а потому кругомъ его бѣгаеть за самойдомъ, и этимъ ему даетъ случай опять зарядить ружье или топоромъ дать мѣткій ударъ по норѣ, отъ которого медвѣдь тотчасъ же изыхаетъ. Убивши медвѣдя, самойдинъ отправляется на лыдину за моржами, добытыми медвѣдемъ, и вознаграждаетъ себя за свой трудъ съ избыткомъ, ибо съ каждого моржа добудетъ жиру до 10 пуд. и продаетъ по 1 р. 75 к. за пудъ, да за кожу моржа возьметъ до 2 руб.,—да съ медвѣдя наточить жиру тоже до 5 и 8 пуд., да за кожу возьметъ 3 руб. Самъ вдоволь побѣстъ медвѣдьяго и моржеваго мяса и жира, за клыки моржевые, которые бывають длиной до 8 вер. и не уступаютъ бѣлизною слоновой кости,—также получитъ до 2 руб. Однимъ словомъ, добыча бѣлага медвѣдя всегда обогащаетъ самойдина,—и онъ съ необыкновенною радостью разсказываетъ каждому о своей удали при пораженіи медвѣдя и, подъ пьяное время, воспѣваетъ ее разными неистовыми голосами.

Розсомахъ самойды по большей части добываютъ гоньбой на оленяхъ съ собаками. Розсомаха не имѣть слишкомъ большой побѣжки, и если самойдинъ гонится за ней безъ собакъ, то она вступаетъ съ нимъ въ бой, бросается на человѣка и угадываетъ укусить за среднее мѣсто. Собаки не допускаютъ ее до этой смѣлости, за то и имъ достается не менѣе перенести горя. Розсомаха, во время нападенія на нее собакъ, брызгаетъ на нихъ свою мочею, которая до такой степени бываетъ Ѣдка и смрадна, что собаки, забрызганныя ею, не въ состояніи преслѣдоввать ее. Умныя собаки никогда не нападаютъ на розсомаху съ хвоста, а стараются ухватить ее за горло, ибо розсомахи еще царапаются какъ кошки.

Вспомню здѣсь еще о подкрашиваніи шкуръ низовскими самойдами, позаимствованномъ отъ тунгусовъ. Подкрашиваютъ голубаго песца, лисицу и бѣлеу, дѣлая ихъ темнѣе, а потому и продаютъ дороже; дѣлаютъ такъ: срубаютъ

молодыя лозы тальника, которыя бывають зеленовато-краснаго цвѣта, набравши ихъ пучекъ, нагрѣвають ихъ на раскаленныхъ угляхъ, и горячими, когда подается въ корѣ небольшая мокрота (сокъ), гладятъ противъ шерсти ту шкурку, которую вздумается имъ пофабрить, потомъ завѣшивають ее на недолгое время въ чумѣ въ дымъ, и послѣ вытираютъ легонько снѣгомъ, тертымъ порохомъ, выхлапываютъ—и шкура готова; ее держать въ тѣни, отъ свѣта она линяетъ.

Звѣриныя кожи у самойдовъ имѣютъ постоянную цѣну и ими уплачиваются долги, покупаются товары какъ звонкою monetою. Итакъ

Лисица-бѣлодушка	10	руб. ас.
Песецъ	2	» 50 к.
Лапа лисы	1	» — »
Лапа песцовъ	—	» 10 »

Разсчетъ же для легчайшаго счета ведутъ на песцы и ихъ лапы, напр. положимъ: самойдинъ купилъ сукна на 13 руб. 60 коп. ас., то по самойдскому счету онъ долженъ заплатить 5 песцовъ и 11 лапъ. У русскихъ промышленниковъ въ Обдорскѣ счетные книги тоже ведутся на песцы, а самойды изображаютъ свой торговый процессъ на палкѣ рубежами: также по счету песцовъ. Палку эту раскалываютъ пополамъ, одну половину отдаютъ кредитору, а другую держать у себя. При уплатѣ денегъ складываютъ половинки и если онъ придетъ вѣрно, то производятъ уплату всѣмъ тѣмъ, что имѣютъ, перевода все по счету на песцы. Рубежи срѣзываются по мѣрѣ уплаты долга.

Самойды умѣютъ такъ проворно набрасывать тынзянъ, что никогда не даютъ промаху, какъ бы ни бѣжалъ быстро олень. Пріятно смотрѣть на эту самойдскую удаль, и они гордятся ею. Бывають очень частые случаи, что подобные удальцы ловятъ на тынзянъ дикихъ оленей и волковъ. Правда, что волки часто перекусываютъ тынзянъ, но проворство самойдовъ выручаетъ ихъ отъ этой бѣды. Волкъ едва опомнится, что попалъ въ тынзянъ, какъ вдругъ ему настеснется оленемъ шестомъ столь мѣткой и сильный ударъ

по норѣ, что первымъ же ударомъ убиваетъ его. Самоѣды не считаютъ удальствомъ убить волка и если бы волки не портили у нихъ стадъ, то они и не дотрогивались бы до нихъ, а преслѣдуютъ ихъ только для спасенія своихъ стадъ. Самоѣдамъ часто случается пасти оленей въ такихъ мѣстахъ, где есть волчья нора, тогда волкъ не трогаетъ тѣхъ оленей, которые пасутся возлѣ его норы, а ходить за добычей къ отдаленнымъ оленымъ стадамъ, и самоѣды его тоже не трогаютъ и живутъ очень мирно. Когда же волкъ вскормитъ своихъ щенятъ до того, что можетъ увести ихъ изъ гайна, то съ перемѣнною мѣста прекращается у волковъ дружба со стадами оленей, и тогда самоѣды перебываютъ ихъ всѣхъ и старыхъ и малыхъ.—Для того, чтобы волкъ держалъ дольше своихъ щенятъ въ гайнѣ, самоѣды еще у маленькихъ волчатъ подрѣзываютъ у ногъ жилы, чтобы они не могли бѣгать и убиваютъ ихъ тогда, когда подростутъ до надлежащаго росту.

Дикие олени - самцы разъяряются во время игры дотого, что дерутся съ своею тѣнью до изнеможенія. Тогда очень легко къ нему подойти съ ружьемъ и убить. Еще ихъ убиваютъ такимъ образомъ: на рога домашняго самца надѣваютъ петли ипускаютъ его противъ дикаго, который завида соперника, тотчасъ подскакиваетъ къ нему и начинаетъ дратиться. Въ это время петли зацепляются за его рога, а домашній олень почувствовавъ, что петля захватила за рога дикаго оленя, будучи къ этому пріученъ, ложится на землю; тогда самоѣдинъ приходитъ съ топоромъ, ударяетъ дикаго олена по лбу и добыча пріобрѣтена.

Разсказу еще иѣсколько словъ объ инстинкѣ волка, которыемъ онъ руководился при нападеніи на стадо оленей. Волкъ, если нападаетъ на стадо оленей, то почти никогда не береть первого съ краю оленя, а всегда выбираетъ себѣ подъ заѣзъ изъ средины стада, и, запримѣтивъ оленя, гоняется за нимъ въ стадѣ пока не поймаеть, минуя тѣхъ оленей, которые ему попадаются вблизи и которыхъ очень легко мочь бы убить. Случилось однажды мнѣ самому видѣть, какъ въ чугарѣ у самоѣдина Тайндома, волкъ днемъ погнался за

оленемъ-рысакомъ, разогналъ цѣлое стадо; самойды увида это, тотчасъ поѣхали преслѣдоватъ волка и не дали ему поймать рысака. Когда же измученнаго рысака самойды привели къ чуму, и на встрѣчу къ нимъ вышелъ я со старикомъ самойдиною Таиндомой, то послѣдній, поколачивая руками объ свою грудь, печалился, что рысака нужно убить ему самому, ибо волкъ непремѣнно задавить его въ другое время. Этотъ рысакъ былъ единственный въ его стадѣ, и мнѣ смѣшно показалась увѣренность старика, что рысака непремѣнно долженъ убить волкъ. Почему я предложилъ Таиндомѣ продать его мнѣ, или перемѣниться со мною на моего рысака, находящагося въ упряжи. Мѣновая состоялась, рысака я не приказывалъ отпускать въ стадо, а на длину тынзана привязать къ своимъ нартамъ на ночь, такъ какъ я вздумалъ переночевать у Таиндомы. Что же случилось? Едва мы улеглись спать, волкъ тихонько подползъ къ рысаку у самаго чума и бросился на него; рысакъ испугавшись, налетѣлъ на чумъ; мы выскочили всѣ изъ чума и увидѣли бѣднаго рысака, раненаго въ заднюю лопатку. Въ то время Таиндома, смеясь, сказалъ мнѣ: такъ-то, другъ, ты мнѣ не вѣрилъ, что есть олени, обреченные на ѓду волкамъ; я живу уже 70 лѣтъ и испыталъ это болѣе 70 разъ, — что это такъ, а не иначе. Раны на рысакѣ оказались неопасными, и я не хотѣлъ съ нимъ разстаться, заставивъ его караулить ночью; на другой день хотѣлъ увезти къ себѣ въ Обдорскъ; но Таиндома мнѣ предсказывалъ, что въ этомъ рысакѣ проку не будетъ,—его сѣсть волкъ. Что же дѣлать мнѣ и какъ избавить рысака отъ волка? спросилъ я Таиндома. На это онъ отвѣтилъ: нечего дѣлать, тебѣ рысакъ понравился болѣе, чѣмъ волку; нужно тебѣ, какъ другу, сдѣлать услугу. Послѣ, обратившись къ сыну и рабочимъ, сказалъ: собирайте стадо. Стадо было собрано и, поймавъ изъ него оленей, на четыре нарты по тройкѣ, запрягли ихъ. Въ то время Таиндома сказалъ мнѣ: у меня переночуешь еще одну ночь и можетъ двѣ, если хочешь, чтобы твой рысакъ возилъ тебя; вотъ я и мои ребята ѓдемъ преслѣдоватъ волка, замучимъ мы оленей, но его убьемъ и твоего рысака спасемъ. Теперь пускай

его въ стадо, не бойся, пусть ёсть мохъ, а самъ, если хочешь, такъ поѣзжай со мною, вотъ тебѣ запряжена тройка скакуновъ и у насъ всѣхъ такие же, поѣдемъ. Ребята станутъ слѣдить волез, а мы между ними будемъ держаться средины. Часа три мы ёхали безостановочно, какъ только могли бѣжать олени; напали уже давно на слѣдъ волковъ и отѣхали отъ чума по крайней мѣрѣ за 40 верстъ. Къ вечеру волка подняли съ мѣста; я не могъ дальше ёхать отъ усталости оленей. Замѣтивъ это, Таиндома просилъ слѣдоватъ за нимъ на небольшую сопку, куда вѣхавши, мы увидѣли, что его ребята тихонько ёхали позади волка и направляли ему путь прямо на насъ. Измученный волкъ едва бѣжалъ рысью; тогда старикъ Таиндома вскочилъ на свою нарту, стоя помчался противъ волка и, не доѣзжая, ударилъ шестомъ волка по норкѣ такъ ловко, что тотъ тотчасъ же и растянулся на снѣгу мертвымъ. Къ этому финалу и я пришелъ на мѣсто пораженія. Старикъ и его ребята, осматривая волка, хохотали до упаду, а старикъ повторялъ: «Ну, теперь рысакъ твой будетъ тебя возить; но шкура волка не стоитъ того, сколько изъ-за нея мы мучились; изъ запрѣженныхъ оленей вѣрно нѣсколько подохнетъ отъ перегону. Вотъ другъ, видишь, что лучше было бы зарѣзать твоего рысака и сѣсть, чѣмъ убить волка, потерять нѣсколько оленей и самимъ мучиться». Олени наши дотого устали, что мы принуждены были почевать въ тундрѣ и кормить ихъ. По-утру рано мы встали и начали собираться въ дорогу, и здѣсь къ своему неудовольствію я увидѣлъ, что у сына Таиндома и работника его передовые олени подохли отъ усталости, а старикъ смылся сказать: «Вотъ видишь, что старики не врутъ». Желая чѣмъ-нибудь вознаградить Таиндома за удовольствія и неудовольствія, какія онъ мнѣ доставилъ охотой на волка, я подарила ему погребецъ съ чайнымъ приборомъ. Старикъ принялъ его охотно и, въ знакъ своего расположения ко мнѣ, подобралъ къ моему рысакутройку одношерстныхъ бѣлыхъ быковъ и велѣлъ ихъ запречь въ мою нарту. Прощаясь со мною сказалъ: «Поѣзжай на этихъ оленяхъ прямо въ Обдорскъ; они, не смотря на то, что далеко (около 250 верстъ), довезутъ тебя благополучно; захочешь по-

охотиться на волковъ, такъ пріѣзжай къ намъ. Я у тебя въ Обдорскѣ буду чрезъ двѣ недѣли и за здоровье рысака выпью вина и чаю. Прости, прости!» — Пріѣхавши въ Обдорскъ, я увидѣлъ, что шкура волка тоже положена была ко мнѣ въ нарту.

Рыбопромышленность, по Обской губѣ, по р. Оби и систе-
мѣ ея, для инородцевъ и вообще жителей Березовскаго
округа, а въ особенности для нѣкоторыхъ жителей г. То-
больска, есть главный предметъ занятія и составляетъ до-
вольно важный торговый промыселъ. Едва весна очистить
р. Обь отъ льдовъ, какъ русскіе рыбопромышленники, То-
больской губерніи, нагрузивъ свои дощаники, каюки, лодки
и барки разными товарами, съѣстными припасами и мате-
риалами для ловли и соленія рыбы, плывутъ почти за льдомъ,
въ сѣверныя страны Березовскаго округа. По дорогѣ, начи-
ная отъ г. Тобольска до с. Обдорска, задаются, прибрежнымъ
жителямъ р. Оби, имѣемыя у себя вышеозначенные продук-
ты, подъ учетъ лѣтнаго промысла рыбы, и наконецъ дости-
гаютъ своихъ кортомленныхъ рыбопромышленныхъ мѣстъ у
самоѣдовъ и остыаковъ, где и сами производятъ промыселъ.
Съ приближеніемъ осеннаго времени, промышленники, рас-
продавъ инородцамъ все имѣемое на своихъ судахъ, нагру-
жаютъ ихъ сборной и своего промысла рыбой и пароходами
отправляютъ въ г. Тобольскъ. Въ Тобольскѣ, выѣдавъ уста-
новленія зимней дороги, разсылаютъ рыбу по всѣмъ ярмар-
камъ Тобольской губерніи, а также въ Пермскую губернію
на разные заводы, а въ особенности въ г. Екатеринбургъ и
Ирбитъ. По этому разъ заведенному порядку промыселъ,
сбытъ рыбы, а также способъ засола ея существуютъ съ не-
запамятныхъ временъ. Никто изъ рыбопромышленниковъ не
предпринялъ никакихъ мѣръ для улучшенія способовъ про-
мысла и засола рыбы. Сбытъ рыбы за предѣлы вышеозна-
ченныхъ мѣстъ не распространяется и ее покупаютъ тѣ только
изъ потребителей, которые привыкли къ ея приготовленію
(столовому засолу). Между тѣмъ и подобныхъ потребителей
есть огромная масса, ибо ежегодно продается соленої рыбы
болѣе 350.000 пудовъ.

Сдѣлавъ краткій очеркъ торговой дѣятельности рыбо-
промышленника, считаю необходимымъ пояснить о спосо-
бахъ ловли рыбы, засола, о средствахъ, какія руководятъ

этой промышленностью, а въ то время очень легко можно будетъ вывести изъ всего этого заключеніе вѣрное. Отъ какихъ именно причинъ происходитъ застой столь важной промышленности, какъ рыбная, и въ то время, когда природа сѣверной страны заключаетъ всѣ удобства для усиленія ея и трудъ рыбака по случаю изобилия рыбы въ Обдорскихъ водахъ съ избыткомъ вознаграждается, а нѣкоторые обогащаются сотнями тысячъ рублей?

Р. Обь и система ея вездѣ имѣютъ удобныя мѣста для рыбопромышленности, и чѣмъ ближе къ Обской губѣ, тѣмъ больше ощущается изобилие рыбы. Обская же и Тозовская губы—представляютъ садокъ рыбный—такое ея тамъ множество, и чѣмъ ближе къ морю, тѣмъ рыбы больше, но она мельче. Рѣка Обь зимою, какъ говорятъ, замираетъ, то-есть вода въ ней смѣшивается съ ржавчиной и дѣлается краснобурою и потому рыба зимою въ р. Оби не держится, уходитъ къ взморью, гдѣ и зимуетъ. Едва весеннія воды станутъ освѣжать р. Обь и отъ напора ломать ледь, который бываетъ толщиною въ сажень, рыба изъ моря начинаетъ свое шествіе табунами вверхъ по р. Оби и ея притокамъ. Сначала появляются налимы и сырки, послѣ нельмы, осетры и стерляди и наконецъ моксуны, сельди, а съ ними всѣ роды и виды рыбъ: корипши, недомоксунки, щекуры, пыжьяны и проч. Пока вода не согреется лучами солнца, рыба выбираетъ для своего путешествія глубокія мѣста, и плыветъ все дальше и дальше, не останавливаясь, но лишь вода потеплѣеть, тогда она вся, кроме осетра, стерляди и нельмы, заходить для корму въ соръ (соромъ называютъ не-глубокіе рѣчные Обскіе заливы, которые наводняются во время полныхъ весеннихъ водъ и занимаютъ обширныя пространства по лугамъ и лѣсамъ). Въ сорахъ, гдѣ рыба найдетъ для себя много корму, остается до тѣхъ поръ, пока вода въ нихъ не тронется на убыль. Замѣтивъ это, рыбаки тотчасъ загородятъ соровое устье, способомъ, известнымъ подъ названіемъ запора, и тогда возлѣ запора маленькимъ неводкомъ вылавливаютъ ее. Если удачно, т. е. во время поставлять запоръ, то въ сорахъ такое множество задержать рыбы,

а особенно пыжьяновъ и сырковъ, что иногда запоръ не выдерживаетъ напора ея и опрокидывается. Муксуны и нельмы рѣдко задерживаются въ сорахъ и потому ихъ промышляютъ сѣтями, во время полныхъ водъ.

Нѣкоторые изъ самойдовъ доказываютъ, что муксуны и нельмы долго въ сорахъ не останавливаются, а заходятъ во время шествія своего по р. Оби вверхъ для одного только корма.

Когда замерзаніе застигнетъ Обскую губу въ половодье, то отъ сильныхъ морозовъ вода замерзаетъ по прибрежнѣй губы до самого дна на довольно широкое разстояніе. Весенняя вода нерѣдко скатывается по этимъ льдамъ въ море и, обмывая берега, дѣлаетъ то, что льдины, примерзшія къ землѣ на разстояніи какихъ-либо 5 до 8 верстъ, отстаютъ отъ дна вдругъ и подымаются на поверхность воды. Тогда наблюдателю представится очень непріятное зрѣлище: съ поднявшагося льда вода быстро сбѣжитъ, оставивъ на поверхности льда множество рыбы и, къ несчастію, этой рыбой, которой будетъ миллионы шудовъ, никто не можетъ воспользоваться: самойды кочуютъ на прибрежьяхъ Обской губы очень въ незначительномъ количествѣ, они не имѣютъ средствъ и силы собрать рыбу со льдинъ и засолить, а потому она вся уносится въ море и дѣлается достояніемъ морскихъ птицъ и животныхъ.

Сельди небольшой величины, на подобіе голландскихъ, появляются въ Обской и Тазовской губахъ въ первыхъ числахъ іюля мѣсяца и доходятъ по р. Оби до р. Щучьей въ такомъ множествѣ, что трудно опредѣлить ихъ количество, бывають очень жирны, но ихъ не ловятъ, развѣ для корму собакъ. Сельди цѣлое лѣто табунъ за табуномъ входятъ въ р. Щучью и плывутъ по ней до горныхъ вершинъ ея. Осенью возвращаются назадъ въ море, но уже бывають тощи и икранны; тогда ихъ ловятъ для икры, а мясо выбрасываютъ вонъ. На встрѣчу сельдамъ къ взморью подходятъ киты, которые, гоняясь за сельдями, во время лунныхъ приливовъ, которые при сѣверномъ вѣтре поднимаютъ воды до очень значительной высоты, заходить далеко къ берегамъ моря и тамъ нерѣдко при отливѣ обмелываютъ.

Осетръ придерживается глубокихъ мѣстъ и останавливается на песчаныхъ мѣстахъ возлѣ подрѣзовъ берега, образовавшихся отъ битья волнъ о берега. Подрѣзы во время половодья бываютъ подъ водою, возлѣ нихъ осетръ вынуживается, и въ подобныхъ только мѣстахъ бываетъ его изобилльная добыча.

Передъ разсвѣтомъ на утренней зарѣ рыба засыпаетъ и нерѣдко всплываетъ на поверхность рѣки, тогда ее хватаютъ руками. Мне самому случилось поймать 30 ф. нельму. При первомъ прикосновеніи рука не просыпалась, но по вынутіи изъ воды тотчасъ обнаружила жизнь, стала метаться и такъ сильно, что я едва удержалъ ее.

Вообще вся рыба изъ моря по р. Оби и ея притокамъ плыветъ табунами и доходитъ до р. Томи и дальше; чѣмъ ближе достигаетъ вершинъ р. Оби, тѣмъ она дѣлается жирнѣе и крупнѣе. Къ осени возвращается обратно въ море; тогда въ мелкихъ мѣстахъ на р. Оби и ея притокахъ перегораживаются р. Обь и тѣмъ замедляются ей путешествіе и вылавливаются разными способами, придуманными осяками и самойдами.

Въ озерахъ, которыя имѣютъ сообщеніе съ моремъ посредствомъ рѣчекъ, вытекающихъ изъ нихъ, напр. въ Ербейскихъ, рыба содержится круглый годъ; въ такія озера заходятъ и морскіе звѣри, а особенно бѣлухи, и нерѣдко остаются въ этихъ озерахъ до замерзанія и дѣлаются жертвою самоѣдовъ, по слѣдующимъ причинамъ: бѣлухи гоняясь за рыбой, входятъ въ озера, которыя довольно велики—отъ 3 до 5 верстъ въ длину и ширину. Преслѣдованія бѣлухи рыбныхъ табуновъ завлекутъ ее на дальнее разстояніе отъ вершины той рѣчки, по которой вошла въ озеро, и такимъ образомъ, потерявъ выходъ, она мечется во все стороны тѣмъ больше, если еще вѣтеръ дуетъ съ смежной стороны вершины рѣчки; попавши въ безвыходное положеніе, бѣлухи при замерзаніи озеръ замерзаютъ и самоѣды безъ всякаго труда вырубаютъ ихъ изъ льда и вытапливаютъ изъ нихъ жиръ, котораго бываетъ изъ одной бѣлухи отъ 8 и до 15 пуд. Такимъ же образомъ поступаютъ самоѣды и съ обмелѣвшими

мися китами въ Карскомъ морѣ близь береговъ Байдорадской губы. Примѣта самойдовъ о появлениіи китовъ близь береговъ—та, что чѣмъ больше сѣверные вѣтры нанесутъ льдовъ къ берегамъ, тѣмъ появленіе китовъ несомнѣннѣе. Лѣдины эти бываютъ необыкновенной величины: по двѣ версты длины и за 50 саж. толщины, издали представляютъ плавучіе острова съ хрустальными городами, съ башнями, куполами и разными шпилями; на нихъ всегда предпринимаютъ путешествіе бѣлые медведи и несчастные пѣсцы, забравшіеся туда по неосторожности съ материка, при выносѣ этихъ лѣдинъ вѣтрами и приливами на берега моря.

Песчаные берега по р. Оби и по ея системѣ признаются рыбопромышленными берегами; русскіе ищутъ такіе берега, которые были бы длиною на разстояніи 5 верстъ, ибо они приготовляютъ большиіе невода до 300 саженъ, бросаютъ ихъ въ рѣку по направлению съ берега на берегъ: одинъ конецъ невода (пята) придерживается пятовщикомъ у того берега, съ котораго бросили неводъ, а другой конецъ, будучи брошенъ по теченію въ рѣку, стараются приблизить постепенно къ тому же берегу. Такъ какъ неводъ забрасывается по теченію воды, то онъ теченіемъ уносится все дальше и дальше, а потому пятовщикъ и тѣ, которые вытаскиваютъ другой конецъ невода, шагъ за шагомъ подвигаются впередъ до тѣхъ поръ, пока рѣчное крыло невода въ половинѣ не будетъ вытащено на берегъ. Изъ сего выходитъ, что забросивши неводъ на первой верстѣ, теченіемъ воды постепенно его уносить на четвертую версту, где уже его вытаскиваютъ на сушь вмѣстѣ съ рыбой. Этотъ способъ ловли рыбы заставляетъ пріискивать такіе пески, которые были бы на разстояніи нѣсколькихъ верстъ; чѣмъ длиннѣе пески, тѣмъ и невода приготавлиаютъ длиннѣе. Больше трехъ разъ въ сутки одинъ неводъ не закидываются, а для того, чтобы наловить больше рыбы, ловятъ въ два невода, т. е. одинъ закидываютъ послѣ другаго, спустя известное время. Русскіе кортоматъ пески у инородцевъ за незначительную плату и песковладѣльцовъ всегда держать у себя въ долгъ, для своихъ коммерческихъ разчетовъ. Засаливаютъ рыбу въ большихъ

чанахъ, распластывая и очищая ее отъ внутренностей, солью обсыпаютъ до того, чтобы рыбы не было видно. Когда рыба въ чану подъ гнетомъ пролежитъ сутокъ 4, тогда ее моютъ въ ея разсолѣ и складываютъ въ стопы. Этотъ засоль очень неразумный: теряется изъ рыбы много питательныхъ соковъ, ибо она, лежа въ стопахъ, отъ гнета верхнихъ пластовъ выдавливается собою изъ нижнихъ пластовъ жиръ и потому рыба нижняго слоя вѣсить легче рыбы верхняго слоя. Притомъ засоль бываетъ столь крѣпкій, что взявши рыбу за хвостъ она не сгибается и нужно долго мочить, чтобы изготовить ее годною въ пищу. Между тѣмъ, еслибы ту же рыбу приготовить въ бочечномъ засолѣ съ герметическою укупоркою и не въ большихъ боченкахъ, то она своею тяжестью не выдавливала бы другъ у друга жиру, была бы вкуснѣе и имѣла бы сбыть въ цѣломъ свѣтѣ. А въ Обской и Тазовской губахъ столь много рыбы, что ею можно было бы подѣлиться съ разными государствами.

Русскіе скупаютъ еще у остяковъ и самойдовъ сушеную рыбу, известную подъ именемъ поземовъ и юрока (самойдскій и остицкій балыкъ). Она расходится въ Тобольской и Пермской губерніяхъ и въ большомъ употребленіи; но ее можетъ быть тотъ, кто не видалъ ея приготовленія.

Самойды и остяки прегрязные, сидя на землѣ на колѣнахъ, держать прегрязную доску, на которую кладуть пойманную рыбу; ножемъ очень искусно срѣзываютъ мясо съ костей, дѣлаютъ на немъ насѣчки и выѣшиваютъ на солнце. Если ножъ замарается кровью, то они облизываютъ его, если замарается въ рыбѣ каль, то они вытираютъ его о свои штанішки, которые прегрязные никогда не моются и носятся до тѣхъ поръ, пока отъ ветхости не развалитъся—чего на нихъ нѣть! Русскіе хотя видятъ все это, ради корысти своей не обращаютъ на это приготовленіе рыбы своего вниманія, покупаютъ и привозятъ её въ Тобольскъ для продажи. Въ Тобольскѣ, среди холодныхъ закусокъ, всегда красуются и поземы и ёдятъ ихъ на здоровье всѣ—прихваливая, что поземы вкусны потому, что жирны. Нѣкоторые заслыша неопрятное приготовленіе поземовъ, моютъ ихъ въ горячей водѣ и тогда

подаютъ на столъ, но они посль ваннъ хотя и бывають чисты, но зато теряютъ свой настоящій вкусъ. Мне случилось бѣть поземы приготовленія обдорскихъ поселенцевъ - скопцовъ; заготовленные не для продажи, а для себя въ пищу, они дѣйствительно заслуживають похвалы какъ по вкусу, такъ и по виду своему, а особенно вкусны они, если немного еще копчены въ дыму можжевелового дерева.

Салмовые промыслы рыбы тоже немаловажны, и они-то обогащаютъ русскихъ рыбопромышленниковъ, а потому объ нихъ, какъ о главномъ самойдскомъ промыслѣ, и стоитъ разсказать.

Салма—это на меляхъ Обской губы глубокая яма, въ 50 и 100 сажень длины; въ нее течениемъ воды заносятся разныя питательныя вещества, и рыба, переплывая Обскую губу, табунами заходить въ салмы, гдѣ остается по нѣскольку дней; сверхъ того бѣлухи постоянно гоняются за рыбой, а потому въ салмахъ рыба имѣеть притонъ для своего спасенія, ибо по мелководью бѣлухи не плаваютъ, а, разогнавши рыбные табуны по Обской губѣ, тѣмъ самымъ заставляеть ее, ради спасенія своего, сплывать на мелкія мѣста и попадать въ салмы. Самоѣды взявши съ собою небольшой неводокъ свой, юдуть на салмы. Кормщикъ, имѣя весло на сажень длины, конецъ его, во время юзды въ лодкѣ, ташить по дну Обской губы, и если попадетъ на такое глубокое мѣсто, гдѣ тонеть все весло по ручку—тамъ образовалась салма и тамъ начинаютъ ловить рыбу. Тогда лѣзутъ всѣ по поясъ въ воду, забрасываютъ неводокъ, и за одинъ разъ наловятъ полную лодку муксуновъ. Поймавши такимъ образомъ рыбу, вывозятъ ее на берегъ, гдѣ дожидаются ихъ русские становщики, передаютъ рыбу имъ, а сами отправляются опять розыскивать салму. Естati слѣдуетъ пояснить что это за гг. становщики? это именно господа, загребающіе жаръ чужими руками.

Обдорскіе, березовскіе и тобольскіе мѣщане, приготовивъ себѣ кають, нагружаютъ его мукою, солью, разными товарами, остыцкими и самоѣдскими, для украшенія ихъ и для ловли рыбы, и прїѣзжаютъ на Обскую губу къ салмамъ, гдѣ дожидаются ихъ самоѣды и остыки. Тутъ возлѣ чумовъ са-

мойдовъ становщикъ устраиваетъ себѣ станъ, построить шатерь для жилья, балаганъ для засола рыбы, поставить на открытомъ мѣстѣ печь для печенія самойдамъ хлѣба, устроить для себя еще сѣдище въ родѣ обсерваторіи, изъ которой ему примѣтно было бы возвращеніе самойда съ рыбой, и такимъ образомъ начинаетъ, благословясь, свой промыселъ съ покупки рыбы.

За 1 булку полусырого хлѣба, выпекаемаго съ щуда муки отъ 12 до 15 хлѣбовъ, береть муксунъ, засаливаетъ его, привозить въ Тобольскъ и продаетъ за 18 до 25 коп. сереб. за штуку. Мука же въ Обдорскѣ бываетъ отъ 40 до 65 коп. пудъ, и за такія же цѣны продаются сѣти, мочалы, лыжи, поясочки, иголки и все прочее. Распродавши свой товаръ и наполнивъ каюкъ рыбью, изъ салмъ съ $\frac{1}{2}$ июля по $\frac{1}{2}$ августа возвращаются въ г. Тобольскъ, оставивъ послѣ себя память самойдамъ, что цѣлое лѣто трудились они для своего становщика и пріобрѣли бездѣлушки, Ѳли русскій хлѣбъ, но зато въ зимѣ для себя не приготовили рыбы и не запасли даже хлѣба и муки, а потому по первому зимнему пути являются за получениемъ въ долгъ казеннаго хлѣба въ Обдорскѣ, за который расплачиваются лѣтомъ; и дѣйствительно, когда пріѣдетъ смотритель запаснаго магазина лѣтомъ на салмы за получениемъ долга, то становщики уплачиваютъ за самойдовъ долги охотно, а съ нихъ послѣ постепенно выбираютъ рыбью, но тогда самойды не зѣвай. Въ случаѣ лѣнности, становщики понуждаютъ ихъ палкой, приговаривая: «Давай деньги за казенный хлѣбъ, если не хочешь ловить рыбью!» и бѣдные, отколоченные Ѳдуть мучиться и, какая бы то ни была погода, бродятъ по пазуху въ водѣ по салмамъ, лишь бы становщику наловить рыбы.

Изъ всего этого выходитъ, что правительство заботится, чтобы самойды не умерли съ голоду, заготовляетъ имъ большие запасы муки и отдаютъ въ долгъ. Самойды же съ своей стороны трудятся, чтобы не умеръ съ голоду становщикъ, наливавшіи ему полный каюкъ рыбы, а потому и правительство и самойды трудятся для становщика, который, сидя два мѣсяца на берегу Обской губы, для захвата рыбы на подобіе

воропа надъ падалью, возвращается съ добычей во свояси для отдохновенія отъ неусталости. Удивительнѣйшая рыбопромышленность, какой нѣтъ въ цѣломъ мірѣ!

Случилось мнѣ еще видѣть, что становщики картежничаютъ съ самойдами и послѣдніе проигрываютъ имъ моксуну. Карты ввелись въ употребленіе у самойдовъ, въ 1845 году, становщикъ, березовскій мѣщанинъ Нечаевскій, проживая въ стану своемъ на островѣ Яры и Нанги. Самойды болыше охотники къ картежной игрѣ, почти во всякомъ чумѣ можно видѣть карты; покупая ихъ, самойды платятъ русскимъ, зимою, за каждую карту по одной песяцовой лапѣ, а лѣтомъ по моксуну.

Между само́йдами и ося́ками, до соединенія ихъ родственными связями, не было ничего общаго. Осяцкое племя, какъ властовавшее надъ само́йдскимъ, прививало къ нимъ постепенно свои обычай и нравы; въ то же самое время отъ само́йдовъ оно позаимствовало къ своему материальному быту все то, чего не имѣло: чумы, одежду, оленей, упряжь, средства къ промыслу звѣря и рыбы и самую бродячую жизнь. Вникнувъ въ разговоръ осяковъ, можно услышать въ ихъ нарѣчии много словъ: татарскихъ, само́йдскихъ и русскихъ, между тѣмъ какъ въ нарѣчии само́йдовъ чужихъ словъ нѣть. Изъ этого уже одного можно заключить, что само́йды есть коренной народъ сѣвера, а осяки—пришлецы. Языки само́йдской очень бѣденъ; часто, если само́йду необходимо разсказать какое происшествіе, то разсказать свой онъ соединяетъ съ мимикой, и когда для полнаго рассказа ему недостаточно его одного лица, то онъ приглашаетъ въ помощь товарищѣ и заставляетъ ихъ мимикой дополнять смыслъ рассказа. Такъ, напримѣръ, онъ разсказываетъ о дракѣ, то представить картину драки въ томъ видѣ, какъ она была, съ плачомъ и крикомъ. Прежде имъ не нужно было прибѣгать къ подобнымъ разсказамъ: за обиду свою онъ метилъ подобною, и правосудіе находилъ въ себѣ—убивалъ врага или былъ самъ убитъ. Но когда начальство стало преследовать ихъ своевольство, смягчать ихъ нравы, то само́йды стали искать удовлетворенія въ жалобахъ начальству, и дотого въ настоящее время привыкли къ нимъ и къ существу, что со всякими бездѣлицами, незаслуживающими никакого вниманія, лѣзутъ къ начальству и просить разбирательства, а часто даже и придумаютъ ложь и съ помощью приношеній ищутъ наказанія для своего противника. Эти несправедливости сдѣлали то, что богатые, имѣя преимущество, стали жестоко обращаться съ бѣдными, между тѣмъ прежде, какъ само́йды разсказываютъ: «Богатый принужденъ быть безвозмездно кормить, одѣвать бѣднаго и обходиться съ нимъ человѣколюбиво и дружески, и давать бѣдному оленей на жертву».

ву, за то Нумъ множилъ ему оленей, и богатые не дѣлались бѣдными; а нынѣ, когда начали обижать бѣдныхъ, то и сами подѣлялись бѣдными и ихъ также обижаютъ, какъ обижали и они».

Самоїды, по настоящее время, раздѣлены на роды и имѣютъ своихъ родоначальниковъ, и власть эта у нихъ наследственная издревле. Обязанностью родоначальниковъ было: разсуждать вообще о народныхъ дѣлахъ, а именно во время войнъ противъ остатковъ и пустозеровъ, въ частную же жизнь своихъ родовичей они не вникали, ибо имъ всемъ дано было равное право мѣстничества; но когда русское правительство уничтожило это право, и за важныя преступлениа, какъ-то: убийство, грабежи, возмущенія стало судить ихъ своими законами, то самоїдскимъ родоначальникамъ осталась власть дѣлать разбирательства въ маловажныхъ дѣлахъ, собирать ясакъ съ своихъ родовичей въ казну, что они и исполняютъ рачительно по настоящее время. Между ними и нынѣ очень рѣдко случаются преступлениа, въ прежнія же времена воровства имущества не существовало: у нихъ все имущественное бегатство безъ всякаго караула оставалось въ тундрѣ и всегда было сохранено. Но украсть хорошаго оленя, жириаго, или бѣгунца, у нихъ было поползнозвеніе, и въ настоящее время подобная воровства случаются очень часто. Если поймаютъ вора, то избываютъ его жестоко и заставлять заплатить вдвое противъ украденного. За обиды, смотря по степени ихъ и вліянію на жизнь обиженнаго, получаютъ вознагражденіе вещественное, напр.: если въ дракѣ одинъ ушибетъ другаго и чрезъ этотъ ушибъ одинъ изъ нихъ потеряетъ способность пропитывать себя, то причинившій подобное зло обязанъ кормить, поить и одѣвать обиженнаго и его семейство. Обиды въ руганьяхъ и дурныхъ словахъ отплачиваются тѣмъ же—поругаются и помирятся. Но если кто осмѣлитъся обидѣть dochь самоїда, находящуюся въ замужествѣ за малолѣтнимъ или въ дѣвицахъ, подговоромъ ея къ сонтию, и воспользуются имъ, то отецъ ищетъ вознагражденія за безчестіе отъ рѣшившагося на поступокъ къ подговору, и получаетъ въ вознагражденіе, смотря по богатству

преступника, отъ двухъ и до 10-ти оленей. Дочерей же своихъ за нарушение девичьяго цѣломудрія не подвергаютъ наказанію и не вмѣняютъ имъ въ стыдъ порочную жизнь на томъ основаніи, что женщина для этого сотворена; но жена, такъ какъ она покупается для удовольствія жизни, то, кто ею воспользуется самовольно, тотъ, по ихъ мнѣнію, уже воръ, и потому поступаютъ съ нимъ, какъ съ похитителемъ чужой собственности, и онъ долженъ заплатить за безчестіе. Женщины сами сознаются предъ родными своими въ подобныхъ искушеніяхъ. Но нельзя сказать, что жены самойдовъ совершенно лѣтнихъ и возмужалыхъ, при свободѣ супружескихъ обязанностей, не подвергались бы за измѣну штрафамъ. Мужья смотрятъ на нихъ, какъ на свою венець, которою и распоряжаются по своему произволу; при разбирательствахъ почти всегда оказывается, что жены сами ищутъ любовныхъ приключений, даже бѣгаютъ отъ мужей своихъ, за что, кромѣ жестокихъ побоевъ, получаемыхъ отъ мужа, онъ требуетъ еще отъ родителей ихъ возврата вальма. Въ подобныхъ случаяхъ начинаются формальныя тяжбы, являются къ начальству съ рубежами, какъ документами, которые доказываютъ весь расчетъ вальма и прочихъ расходовъ. Замѣчательно то, что если самойдскія жены имѣютъ дѣтей, то нарушенія супружеской жизни почти не бываетъ, а развратъ вселяется между бесплодными женами, которыхъ называютъ, наподобіе оленей—хантеркой, и происходитъ еще отъ многоженства самойдовъ и отъ несообразнаго обыкновенія ихъ съ правилами природы—женить малолѣтнихъ сыновей своихъ 8 и 9-ти лѣтъ на взрослыхъ девицахъ. Къ послѣднему обыкновенію самойды прибѣгаютъ собственно отъ недостатка рабочихъ рукъ въ семействѣ, а въ особенности тогда, когда у нихъ есть большое стадо оленей и хозяйствомъ некому управлять. Мнѣ случилось видѣть женатымъ 7-ми-лѣтняго мальчика и жена обходилась съ нимъ, какъ нянѣка: обмываетъ его, одѣваетъ и раздѣваетъ. Но когда эти мальчики выростутъ, то почти всегда бросаютъ своихъ женъ, и покупаютъ себѣ молодыхъ, а старымъ женамъ даютъ свободу выйти замужъ за кого она пожелаетъ, или возвратиться къ своимъ роднымъ. Наслѣдство

Типы кучующихъ Остяковъ-оленеводовъ въ самойдскихъ тундрахъ.
1) Старшина Анико, 2) Старшина Калевъ, 3) Помощникъ князя
Юрій Юрьевичъ Ронымавъ, 4) Остятка жена Самоѣда Нячи, 5)
ботникъ Уйко.

дѣлится въ мужскомъ колѣнѣ. Отцы, если имѣютъ взрослыхъ сыновей, еще при своей жизни стараются раздѣлить имущество между ними, оставляя при себѣ одного изъ сыновей и всѣхъ дочерей; надѣляютъ же ихъ имуществомъ по своему произволу. Но когда родитель умретъ, тогда сыновья ихъ приступаютъ къ равному дѣлежу и надѣя сестрами своими вступаютъ въ полныя отцовскія права, т. е. принимаютъ на себя обязанность выдать сестеръ замужъ, получить за нихъ калымъ и дать приданое. Приданое и калымъ зависятъ отъ уговора: въ калымъ даютъ оленей, шкуры пушного звѣря, лисицъ и песцовъ. Приданое невѣста получаетъ за каждые десять оленей, взятыхъ въ калымъ, одну нарту, нагруженную какимъ-нибудь имуществомъ, съ запряженными въ нее двумя оленями; на обязанности невѣсты лежитъ вынести въ приданое полчуна потребной для нея одежды, женскую нарту съ одѣяломъ и женской сбруею на оленей, котель и часть провизіи въ рыбѣ и оленѣемъ мясѣ, что составляетъ три наарты и равняется калыму на 30 оленей.

Свадьба у самойдовъ не имѣеть много обрядовъ, а веселья еще менѣе; она совершается слѣдующимъ образомъ: родные жениха приѣзжаютъ къ роднымъ невѣсты для уговора въ калымъ; когда условятся, подѣлаются на длинной палкѣ рубежи сколько чѣго должно послѣдовать въ приданое и въ калымъ, расколять эти рубежи пополамъ и, взявъ каждая договаривающая сторона по половинѣ рубежей, приступаютъ къ уплатѣ прежде калыма. При этомъ уговорѣ сваты убиваютъ оленя и съѣдаются его съ родными невѣсты, послѣ же это дѣлаются родные невѣсты и этимъ обрядомъ сватовство считается рѣшеннымъ. Женихъ єздить въ гости къ невѣстѣ, но себя держитъ отъ нея вдали и по возможности уплачиваетъ калымъ; иногда время уплаты калыма продолжается годъ, и невѣста въ это время сохраняетъ себя въ полной нравственности, тѣмъ больше, если женихъ ей по сердцу. Когда калымъ весь отданъ, тогда родные невѣсты складываютъ ее приданое на нарты, устраиваютъ аркишъ. Первый аркишъ невѣсты долженъ быть красивѣе прочихъ, и въ этомъ аркишѣ на переднюю нарту положать невѣstu, закроютъ ее и въ такомъ

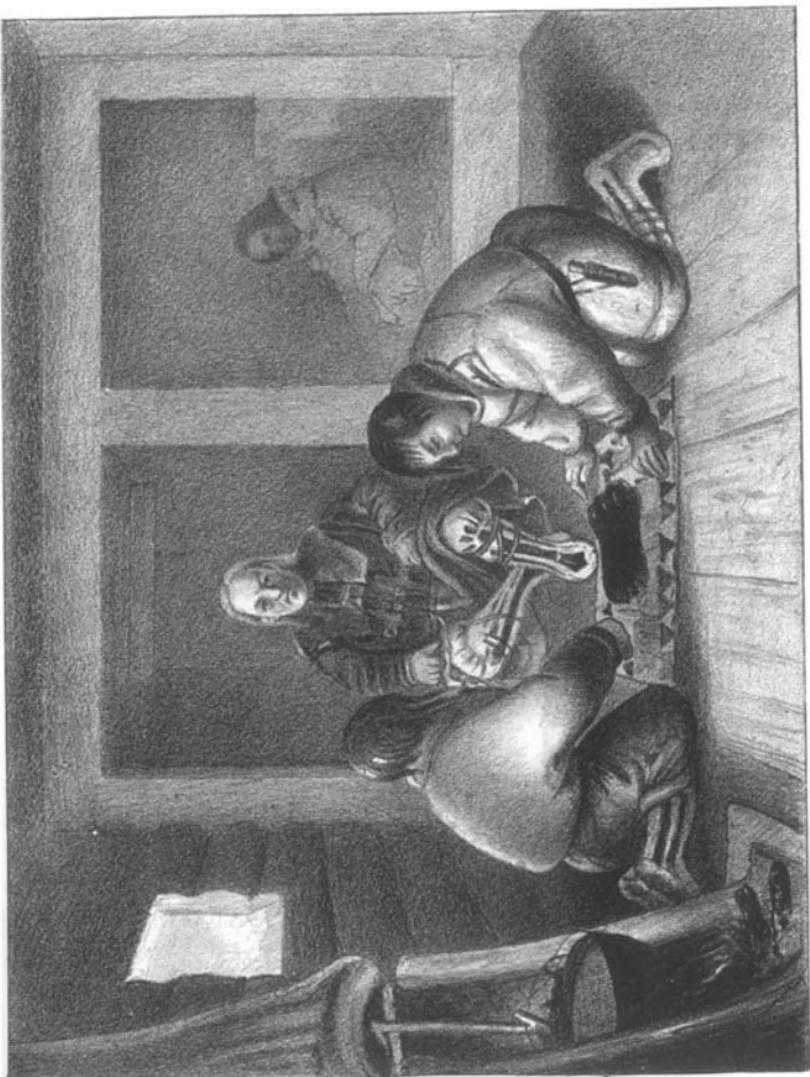
видѣ везутъ къ жениху, недалеко отъ чума жениха, встрѣ чаютъ невѣсту родные его и привозятъ вмѣстѣ невѣсту въ чумъ, куда ее вводятъ и прячутъ подъ занавѣску,—гдѣ она сохраняется нѣсколько дней и, какъ говорятъ, привыкаетъ къ новому мѣсту, а женихъ тайно ночью старается подползть къ невѣстѣ; послѣ недѣльнаго затворничества занавѣска снимается и предлагается жениху свободная брачная постель—онъ дѣлается мужемъ. Во все время означенныхъ свадебныхъ церемоний то и дѣло, что бываютъ оленей и ихъ съѣдаются; если случится вино, то наливаются всѣ съ невѣстой до потери чувствъ. Если невѣста вышла замужъ цѣломудренною, то женихъ обязанъ заплатить матери невѣсты нѣсколько оленей за хороший присмотръ. Въ этомъ случаѣ женихи, чтобы не платить напрасно, по ихъ мнѣнію, оленей, подговариваются своихъ женъ, чтобы они, если и были цѣломудренными, при первой брачной постели, показали противное. Но матери невѣстъ съ своей стороны употребляютъ всѣ предосторожности, чтобы ихъ не провели. Молодая жена цѣлями прошествій нѣсколькоихъ мѣсяцевъ єздитъ къ своимъ роднымъ въ гости и погостила у нихъ нѣсколько дней, возвращается въ свой чумъ, а родные, провожая молодую, обязаны ей въ парту запречь тройку хорошихъ оленей и къ ней привезти одну парту съ разными подарками, въ которую тоже впряжены пару хорошихъ быковъ. За подобными подарками молодая єздить къ роднымъ каждый годъ по разу; и если случится, что родные не наградятъ прилично, то мужья вступаютъ въ претензіи и получаютъ свое съ вознагражденіемъ. При сватовствѣ соблюдаются у нихъ родственные связи, недозволяющія имъ вступать въ бракъ—не могутъ жениться отецъ на родной дочери и внучкѣ, братъ на родной сестрѣ; болѣе никакого родства не соблюдается.

Самоѣдскія матери, послѣ рожденія ребенка, тотчасъ вытираютъ его снѣгомъ, а лѣтомъ обмываютъ водою, послѣ положить его въ зыбку въ сидачемъ положеніи, подстелить подъ ребенка мягкаго гнилаго дерева (порохна), сверху прикроютъ выпоркомъ изъ оленя, выправляютъ ручки и ножки ребенка и туто привяжутъ его къ зыбкѣ, такъ что онъ можетъ

шевелить только головкою. Мать свое дитя кормить всегда грудью и до того времени, пока ребенок самъ не захочетъ сосать ее. Очень часто можно видѣть, что самойдки кормятъ по два ребенка: одного маленькаго держать на груди, а другой, довольно взрослый, стоя за плечами матери, протянетъ къ себѣ чрезъ плечи грудь матери и, обнявши ее обѣими руками, насасывается. Груди свои самойдки обтягиваются; они похожи на длинные мѣшочки въ $\frac{1}{4}$ аршина и потому очень свободно забрасываются ихъ на плечи. Мне случалось видѣть, что самойдки выкармливали свою грудью вообще съ своимъ дитятей щенятъ, лисицъ и цесовъ и эти щенята, выросши, дѣлаются совершенно ручными, а именно песцы. Мать, если занята своимъ дѣломъ, то мало обращаетъ вниманія на плачъ своего грудного ребенка, и для этого у нихъ въ чумахъ, где бываютъ большія семейства, ревъ дѣтей бываетъ невыносимый. Когда я просилъ, чтобы они уняли плачъ дѣтей, то они съ неудовольствіемъ отвѣтили мнѣ, что не для чего унимать, ибо ребенокъ, кромѣ плача, болѣе ничего не умееть; пусть плачетъ сколько хочетъ, а выростетъ, такъ будетъ много говорить. Забавно смотрѣть, какъ маленькия дѣти у самойдовъ голыя обстуپять очагъ и возлѣ огня грѣютъ свое тѣло; они довольно смѣлы, — возлѣ нихъ непремѣнно расположатся собаки, и ребятинки, взявъ полѣнко, постоянно ихъ колотятъ, а особенно, если собаки отнимутъ отъ нихъ кушанье, данное имъ матерями. Воспитаніе дочерей лежитъ на обязанности матери; она учить ихъ съ самыхъ малыхъ лѣтъ сущить нитки изъ оленыхъ жилъ, шить одежду, обувь. Сыновья образуются отцами: маленькамъ онъ дѣлаетъ небольшой тынзянъ, лукъ, стрѣлы, береть съ собою на охоту и на рыбные промыслы; пока дѣти невелики, то они не выходятъ изъ повиновенія родителей, которыхъ привязанность къ дѣтямъ безгранична: что бы дѣти ни дѣлали — все для нихъ хорошо; взрослыхъ же, если и поколотить порядочно отца, то онъ терпѣливо переносить эту бѣду. Мне случалось внушать отцамъ о припятіи мѣръ для укрощенія дѣтей; но отцы очень наивно отвѣтили, какъ насть не колотить: мы дураки, ничего уже по старости своей не понимаемъ, промышлять не мо-

жемъ, сыновья кормять и одѣваютъ насть, то пусть колотятъ, если у нихъ сердце не болить; ихъ дѣти будуть поступать съ ними точно такъ же.

Послѣ смерти самойда наслѣдники пересматриваютъ имущество, оставленное имъ, заключающееся въ шкурахъ пушнаго звѣря, въ заготовкѣ новаго носимаго платя и въ оленяхъ. Взрослые сыновья дѣлять это имущество между собою; если же остались малолѣтнія дѣти, то все имущество оставляютъ во владѣніи ихъ матери, которую тотчасъ послѣ смерти мужа ея береть къ себѣ въ жены одинъ изъ родственниковъ умершаго, а въ особыности если онъ имѣлъ родныхъ братьевъ. Дяди вполнѣ заботятся о сохраненіи имущества до возраста малолѣтнихъ своихъ племянниковъ, а матерями ихъ управляютъ какъ своими женами. Иногда случается, что между ошевунами и наслѣдниками возникаютъ тяжбы; тогда разбирательство тяжабъ производятъ по рубежамъ, но если рубежи составлены неправильно, тогда злобствующая сторона, не соглашающаяся на добровольную мировую сдѣлку, въ правдѣ своихъ дѣйствій принимаетъ присягу. Послѣ присяги удовлетворяется истецъ или отвѣтчикъ, пропавший присягу, согласно доказательствамъ, утвержденнымъ присягою—и тяжба оканчивается. Присягу принимаютъ подъ слѣдующими видами: а) цѣлую переднюю лапу медвѣдя, заклинаютъ себя, что если онъ неправду говорить или доказывать, то пусть медвѣдь растерзаетъ его. Кто рѣшился принять подобную присягу, тотъ считается уже правымъ. Если же по истеченіи времени случится такъ, что принявшаго присягу медвѣдь подцарапаетъ, то тяжба возобновляется, и безъ всякихъ толковъ подцарапанный считается виновнымъ, отдаетъ что слѣдуетъ противнику своему и еще вознаграждается за обманъ, хотя бы былъ въ своемъ искушенно правъ. По ихъ понятію, медвѣдь рѣшилъ, кто правъ, а кто виноватъ и—дѣлу конецъ; б) еще присягаютъ цѣлую ледь, взятый изъ тѣхъ водъ, которыхъ ими обожаются, съ подобными же заклинаніями; также прибѣгаютъ еще къ слѣдующему обряду: истецъ береть противника своими пальцами за конецъ языка, другою рукой ножемъ нарѣзываетъ крестообразно снѣгъ или землю.

Само́йловский и остатский князь Тайшинъ приводить къ присягѣ Са-
мойловъ, не сознавшихъ въ пражъ оленей.

лю и приговариваеть заклинанія: если совершишь, то пусть твой языкъ распадется на части, какъ распадается разрѣзанный снѣгъ. Когда же одинъ другаго приводить къ присягѣ, чтобы сдержать данное другъ другу слово—сохранить секретъ, то берутъ другъ друга за концы языка и втыкаютъ въ снѣгъ острымъ концомъ ножъ, приговаривая заклинаніе, что пусть станетъ у того языкъ и высунется изъ горла до земли, какъ стоитъ воткнутый въ снѣгъ ножъ. Подобныя заклинанія у нихъ очень важны. Самоѣды готовы лучше подвергнуть себя разнымъ пыткамъ, но присягѣ не измѣнять и чистосердечно во всемъ сознаются, если требуютъ отъ нихъ показанія, какъ выше изъяснено, подъ присягами. Если у самоѣдовъ случится покража вещей, оставленныхъ въ тундрѣ, то послѣ неудачныхъ розысковъ они прибѣгаютъ къворожбѣ чрезъ своихъ шамановъ. Шаманъ, разумѣется, сейчасъ потребуетъ отъ нихъ принести въ жертву оленя. Олена для жертвы онъ тоже назначаетъ по ворожбѣ. Подобная ворожба производится шаманами слѣдующимъ образомъ: сидя на землѣ, онъ въ руки беретъ бубень (похожій на рѣшето, натянутый собачьей кожей), и начинаетъ въ него бить, тяжело вздыхать, втягиваетъ въ себя воздухъ, кривляется, послѣ прокалываетъ себѣ ножемъ въ животъ, грудь и въ изнеможеніи падаетъ на землю; полежавъ немного, онъ начнетъ разсказывать, чтобы принести сейчасъ же живую жертву шайтану, что шайтанъ проситъ, чтобы была принесена ему жертва въ оленѣ, у котораго примѣты такія-то, и что покраденные вещи отыщутся, ихъ покрали такого-то роста человѣкъ, въ такой-то одеждѣ, у него есть жена, столько-то дѣтей, оленей. Самоѣды, выслушавъ шамана, идутъ первонально въ стадо искать въ жертву оленя съ примѣтами, разъясненными шаманомъ и, разумѣется, всегда найдутъ его (шаманы, для поддержки своего мошенничества, раньше осматриваютъ незамѣтно стадо самоѣдовъ и на случай высмотрѣвать оленей съ признаками разными), приводятъ его въ чумъ, давятъ, ссыдаются, послѣ запрягаютъ оленей и ёдутъ разыскивать человѣка, вывороженного шаманомъ. Всѣ подозрительные самоѣды очень хорошо известны шаманамъ, и онъ всегда укажетъ на

одного изъ нихъ. Когда же къ подобному оподозрѣнному приступятъ сыщики въ полной увѣренности, какъ къ вору, о возвращеніи покраденного имущества, то оподозрѣнnyй, если не признается въ кражѣ, долженъ свою невинность подтвердить присягой. А какъ самойды очень неохотно принимаютъ присягу и страшатся ея, оподозрѣнnyй просить отложить ее на нѣкоторое время—и самъ въ то же время старается разыскывать воровъ; если найдеть въ комъ малѣйшее подозрѣніе, то передаетъ обѣ этомъ хозяевамъ покраденныхъ вещей и вмѣстѣ съ тѣмъ просить оподозрѣнного, если онъ не признается въ кражѣ, спросить подъ присягой. Тотъ опять отказывается отъ присяги, отсрачиваетъ ее и отъ себя разыскиваетъ вора, и подобные поиски дѣлаются до тѣхъ поръ, пока не разыщутъ вора. Тогда отбираютъ отъ него покраденное и получаютъ вознагражденіе вдвое противъ стоимости вещей. Кромѣ этого получаютъ вознагражденіе и тѣ, которые несправедливо были оподозрѣны въ кражѣ. Если же отвѣтчикъ несостоятеленъ, то порядочно поколотить его и взять муть къ себѣ въ работу на нѣсколько годовъ.

Строгость, съ какою преслѣдуютъ воровъ между собою самойды, дѣлаетъ то, что они свои богатства, сложенные на нарты, хорошо обвязанныя березовыми тисками, олеными шкурами, оставляютъ безъ всякаго присмотра въ тундрѣ недали аласныхъ дорогъ и на продолжительное время, и многие, зная обѣ этомъ богатствѣ, не только что не дотронутся до него, но каждый разъ, проѣзжая, осмотрятъ кругомъ нарты завязки, и если найдутъ что-либо подозрительное, тотчасъ передаютъ обѣ этомъ хозяину вещей. Отъ подобнаго общаго присмотра кражи между самойдами случаются очень рѣдко и почти не бываютъ.

Самоѣдъ понимаетъ явленія природы процессомъ, обуславливающимъ его собственныя дѣйствія, причины которыхъ ему понятны. Онъ єсть оттого, что хочетъ єсть. Онъ єздить на оленяхъ оттого, что хочетъ єздить. Причины же окружающихъ его явленій ему неизвѣстны и онъ старается угадать ихъ. Угадывая, онъ присвоиваетъ этимъ явленіямъ тѣ же причины, которые руководятъ его дѣйствіями, напр.: самоѣдъ видитъ сѣверное сіяніе. Спросите, отчего оно показалось на небѣ? онъ отвѣтитъ, что оно захотѣло взойти, чтобы посмотретьть, что дѣлается въ самоѣдскихъ тундрахъ. Самоѣдъ признаетъ дѣйствія явленія въ отношеніи къ своимъ дѣйствіямъ неподражаемыми, несоразмѣрными своей силѣ и уму непостижимыми, а потому по дѣйствію ихъ (движенью, шуму) признаетъ явленія живыми существами, а по силѣ ихъ—могущественнѣйшими и, сознавая въ этомъ случаѣ свое безсиліе, становить себя противъ нихъ въ почтительное положеніе, боготворить эти существа, дарить ихъ, умолять, и все это дѣлаетъ для того, чтобы сообразно своимъ разсчетамъ направить волю этихъ существъ такъ, чтобы они дѣйствовали ему въ выгоду. Вотъ въ чёмъ заключаются пріемы самоѣдовъ ихъ теологического философствованія. У нихъ все основано на догадкахъ, происшедшихъ отъ стеченія обстоятельствъ, дѣйствующихъ на ихъ воображеніе.

Самоѣдъ не можетъ быть заинтересованъ всѣми дарами природы, его окружающими, напр. металлами, минералами и проч. Всѣ подобные предметы не приносятъ ему никакой пользы, ни вреда, ни опасности. А потому, еслибы его фантазія не заставляла въ окружающихъ предметахъ усматривать какую-нибудь особенную силу, приносящую въ его предпріятіяхъ благодѣтельная и гибельная вліянія, то, разумѣется, онъ остался бы безчувственнымъ къ окружающему миру, и самая жизнь его не имѣла бы никакой цѣли и пріятности. Напр. птица, какъ обыкновенная птица, осталась бы безъ вниманія, но фантазіей самоѣда эта же птица, будучи обращаема въ высшее существо, становится ему важнымъ

существомъ. Онъ изучаетъ ее и, найдя такія въ ней достоинства, которыхъ не ощущаетъ въ себѣ, какъ-то способность летать, начинаетъ фантазировать и создаетъ обѣи ней теологическое понятіе разныхъ для себя надеждъ, боязни и выгодъ. *) Такимъ образомъ самойдъ, создавая себѣ разныя понятія чрезъ заклинанія, подарки сильнѣйшимъ своимъ существамъ, испытывая для себя выгоды, этимъ способомъ пришелъ къ убѣжденію, что онъ можетъ силами органическими и неорганическими управлять по произволу. Часто, временныя удачныя попытки этого произвала одного самойда въ отношеніи другаго, неиспытывавшаго подобнаго счастія, первого возносить до званія шамана, и товарищи его уже обращаются къ нему за ворожбой. Шаманъ же, движимый интересомъ и невольнымъ убѣжденіемъ своего достоинства, пускается въ безпредѣльное миѳическое фантазерство,—выдумываетъ разныя разности до предсказанія будущности. Бодрость свою онъ поддерживаетъ одной иллюзіей и особенно тогда, когда не можетъ основаться на сознаніи дѣйствительнаго господства надъ силами природы. Самойдъ чистосердечно вѣрить въ исполненіе своихъ желаній, если просить обѣ этомъ своихъ обожаемыхъ существъ; но если по его просьбѣ случится не то, на что онъ надѣялся, а что-нибудь необыкновенное, напр.: среди тундры, где онъ проживаетъ, открылся бы волканъ, а онъ просилъ обожаемаго камня, чтобы въ пепелищѣ его очага остался огонь до будущаго дня, таекъ какъ потерявъ огниво, не имѣть уже возможности добыть огня,—то это чудо-волканъ никакъ не удивило бы его, онъ не старался бы уйти отъ него для избѣжанія опасностей, а радовался бы, что камень, котораго онъ просилъ о поддержкѣ огня, далъ ему столько его, что онъ не скоро потухнетъ, и по этому случаю сочинилъ бы замысловатый миѳ и успокоилъ бы себя этимъ объясненіемъ.

*) У самойдовъ почти въ каждомъ чумѣ можно увидѣть деревянного болвана, представляющаго летающую птицу, укрѣпленного на вершинѣ длиннаго шеста. Этому фетишу они покланяются, приносятъ въ жертву оленей и во время касланія ставятъ его на передовой нартѣ.

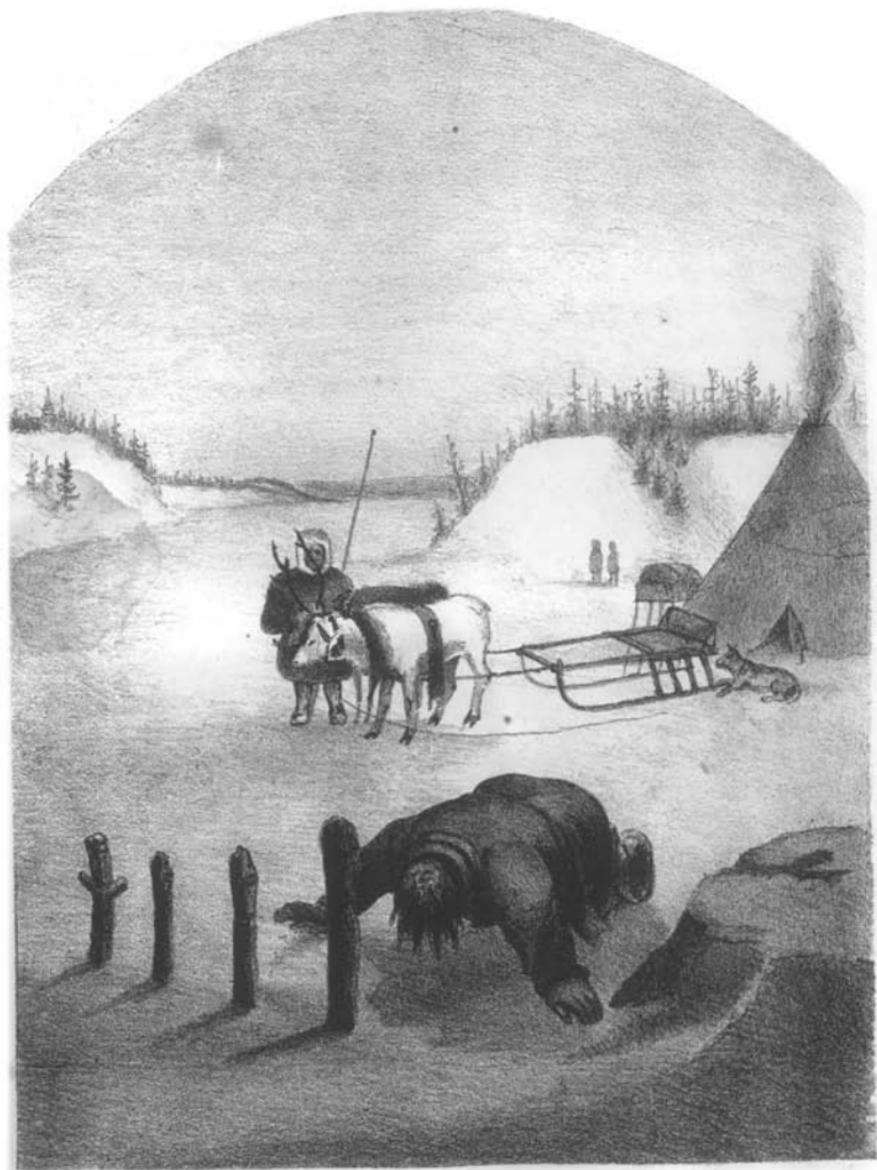
Впослѣдствіи же, еслибъ отъ волкана случились какія-либо несчастія, то эти несчастія онъ не приписывалъ бы свойству волкана, а искалъ бы причину ихъ въ себѣ и дошелъ бы до того убѣженія, что просьбы его, жертвы, которыхъ онъ приносилъ камню, хотя послужили ему къ удовлетворенію его желанія, но какъ онъ не умѣлъ за испытанное удовлетвореніе принести достаточно благодарственныхъ жертвъ, то за это и наказанъ прилично. Къ подобнымъ выводамъ самойды доходятъ во время смертности оленей и свирѣпствующихъ между ними осцы и гнилой горячки. Гигіеническія средства свои во всѣхъ болѣзняхъ они находятъ въ шаманствѣ и въ жертвоприношеніяхъ.

Весь окружающій міръ самойда, по его воображенію, проникнуть тѣмъ принципомъ вѣрованія, присутствіе котораго онъ чувствуетъ въ своемъ организмѣ, и потому къ животнымъ, растеніямъ, камнямъ, явленіямъ природы относится, какъ къ существамъ способнымъ понимать его. Напр., если на охотѣ онъ встрѣтится съ медвѣдемъ, то онъ тотчасъ его не убиваетъ, а сначала вступаетъ съ нимъ въ разговоръ, начинаетъ выхвалять его достоинства, спрашиваетъ, для чего онъ встрѣтился съ нимъ, просить его, чтобы онъ не подаравалъ его своими острыми когтями. Когда же медвѣдь становится мурлыкать и приближаться къ самойду, то онъ, держа на-готовѣ винтовку и копье, вступаетъ съ нимъ въ уговоры: «Да, князь-медвѣдь, понимаю, что ты говоришь, идешь ко мнѣ, хочешь, чтобы я тебя убилъ, чтобы твою кожу повѣсить шайтану; иди, иди! смерть для тебя готова, но я не ишу ея». Послѣ подобныхъ комбинацій онъ стрѣляеть въ медвѣдя, убиваетъ его и считаетъ себя въ своихъ дѣйствіяхъ оправданнымъ противъ родныхъ мѣдвѣдя, которые за смерть своего члена могли бы отомстить.

Самойды, надѣлавъ, по миѳическому своему соображенію, разныхъ истукановъ, приписываютъ имъ силы, которыхъ не ощущаютъ въ себѣ, которыхъ находятся въ явленіяхъ природы и необходимы имъ для какихъ-либо житейскихъ затѣй. Къ этимъ истуканамъ относятся они, какъ къ живымъ су-

ществамъ, понимающимъ ихъ, разговариваютъ съ ними, просятъ ихъ о разныхъ разностяхъ; но когда эти истуканы не сдѣлаются имъ того, чего они желали, то они колотятъ ихъ, ругаютъ, плюютъ въ нихъ и разбрасываютъ. Послѣ этой сцены опять собираютъ ихъ въ кучу и опять начинаютъ просить у нихъ помощи для себя. Однимъ словомъ, вся жизнь самоѣда, какъ фетишиста, заставляетъ его постоянно надѣяться, постоянно безсознательно страшиться; эти чувства безпрерывно чередуются между собою, возникая и пропадая, по причинѣ каждого нептожнѣйшаго события. Онъ объясняетъ каждый предметъ теологически, отъ первого на него взгляда. Онъ видитъ и слышитъ все то, что создаетъ ему воображеніе.

Обдорскіе самоѣды раздѣляются на каменныхъ и низовскихъ; первые своими кочевьями занимаютъ мѣста на Уральскихъ горахъ и на полуостровѣ Ялмалѣ, а послѣдніе на материкѣ между Обскою и Енисейскою губами. Низовскіе, по настоящее время, находятся подъ вліяніемъ только своей природы; вѣрованіе свое основываются на чистомъ фетишизмѣ. Каменные же, непосредственно находившись подъ вліяніемъ остатковъ, стали усваивать себѣ теологическія понятія остатковъ-политеистовъ, у нихъ уже составилось понятіе о нумѣ (Богѣ), о загробной жизни человѣка, о сотвореніи міра. Они имѣютъ такихъ боговъ, которые не входятъ въ частную жизнь самоѣда, а заправляютъ отвлеченными понятіями, образующими таинственную связь между неодушевленными предметами и высшимъ сверхъестественнымъ существомъ, и дѣлаютъ чудеса. Шаманы этихъ самоѣдовъ имѣютъ уже особый характеръ; если шаманять, то къ древнему своему обыкновенію, согласно съ правилами фетишизма, прибавляютъ еще разныя штуки, въ родѣ чудесъ; напр. прокалываютъ себя ножомъ или саблею, кровь неидеть и живъ остается. У самоѣдовъ есть также и домашніе боги, которые заправляютъ дѣлами тѣхъ только самоѣдовъ, въ семействѣ которыхъ они находятся и составляютъ ихъ собственность. Главные же боги, общіе съ остатками, раздѣляются у нихъ по старшинству, и просьбы свои они приносятъ къ нимъ по инстанціямъ. Напр.

Само́йдинъ покланяется своимъ фетишамъ, прося помоши ихъ для промысла звѣря.

обращается самойдь къ иешату своему ялмалу, *) который помогаеть самойду въ промыслахъ морскихъ; по если опъ ему ничего полезнаго не сдѣлаетъ, то просить горного бoga ортика, **) если же и тотъ ничего не сдѣлаетъ, то обращается къ Мастерко—льсному и рѣчному богу, ***) самому старшему, у которого всѣ прочіе подъ командою и въ повиновеніи; если же и Мастерко ничего не сдѣлаетъ, то самойды считаютъ себя недостойными, и опять снова начинаютъ ходатайствовать отъ младшго бoga о своемъ дѣлѣ съ принесеніемъ жертвъ болѣе цѣнныхъ. Въ жертву они приносятъ оленей, шкуры разныхъ звѣрей, разноцвѣтное сукно по пѣскольку аршинъ, разные бумажные и шелковые платки, шерстяные пояски, кольца, мелкая серебряная деньги и обиарядки, которые покупаютъ у русскихъ промышленниковъ нарочно для этой цѣли, ими приготовляемые; эти обиарядки дѣлаются въ родѣ короткихъ халатовъ изъ шелковой матеріи и изъ парчи. Этотъ халатикъ кругомъ обшиваются серебряными и золотыми мишурными позументами. Подобные обиарядки продаются тайно отъ 30 до 50 руб., а промышленникамъ стоять не болѣе 5 руб. Были даже случаи, что русскіе промышленники, изъ корыстолюбивыхъ своихъ видовъ, нарочно заказывали для идоловъ дѣлать серебряные короны, въ родѣ епископскихъ митръ и, привозя ихъ въ Обдорскъ, тайно продавали крещеніемъ илородцамъ за большія деньги. Разъ мнѣ случилось видѣть у осяковъ въ Эндерскихъ юртахъ идола, одѣтаго въ старый засѣдательскій мундиръ и при шлагѣ. Всѣ приклады идола надѣваются на него такъ, чтобы онъ не терялъ человѣческой фигуры, и оттого идолы эти годъ отъ года становятся толще. При живыхъ жертвахъ, у идола становятся маленькия, металлическія тарелочки въ

*) Ялмалъ находится на полуостровѣ Ялмалѣ, есть человѣческая фигура, высѣченная изъ камня и лежащая въ гробу.

**) Ортикъ находится на р. Большой Хоровѣ, впадающей въ р. Обь. Человѣческая голова съ металлическимъ лицемъ.

***) Мастерко на р. Оби, въ лѣсахъ Троицкой деревни, представляетъ идола сидящаго на конѣ.

1½ верш. въ діаметрѣ, съ изображеніями діаволовъ, и на эти тарелочки наливаютъ кровь изъ сердца того животнаго, которое было обречено ими въ жертву.

Наконецъ, вліяніе пустозеровъ, зырянъ и русскихъ на остыаковъ и самойдовъ и распространеніе между ними христіанскихъ истинъ дало имъ сильнейшій толчекъ къ притупленію ихъ миѳического воображенія. По нынѣшнему ихъ мнѣнію, фетиши, пепаты и самый сильнейшій могущественный ихъ идолъ Мастерко, съ распространениемъ христіанства, стали терять свою могущественную силу, а чрезъ это терялось для нихъ уваженіе и самое обожаніе ихъ. А какъ эти боги имѣли большія богатства въ звѣриныхъ драгоценныхъ шкурахъ и серебрѣ, то остыаки и самойды, потерявши екъ нимъ уваженіе, стали ихъ обкрадывать и богатства пропивать. Подстрекательство зырянъ и русскихъ и сотрудничество ихъ въ воровствѣ довершили почти совершенное разореніе идолъского богатства и самихъ идоловъ до того, что въ настоящее время коренныхъ идоловъ, напр. золотой бабы и другихъ, уже неѣть, а существуютъ ихъ копіи, которые поддерживаются не народно, а избранными, въ особенности шаманами, изъ однихъ только корыстолюбивыхъ ихъ видовъ, въ видѣ ремесла, дающаго имъ легкое и нетрудное для себя и своего семейства пропитаніе, обогащеніе и небольшое значеніе въ народѣ. Чрезъ все это, какъ каменные самойды, такъ и остыаки хотя еще находятся подъ вліяніемъ политеизма, но уже достигли исходной точки — христіанства.

Не лишнимъ еще нахожу пояснить о нѣкоторыхъ обрядахъ самойдовъ и остыаковъ во время перехода ихъ чрезъ р. Обь или Обскую и Тазовскую губу съ анасами изъ лѣтнихъ кочевьевъ на зимніе и обратно.¹⁾ До перехода они собираются стада оленей и изъ нихъ ловятъ преимущественно бѣлыхъ семь штукъ или нѣсколько семиковъ, смотря по желанію хозяевъ и возможности ихъ; самое же большое число семь семиковъ, что составить 49 оленей, приводятъ въ бустанники, гдѣ находилась бы еще хотя одна высокая лиственница, и здѣсь ихъ давятъ тынзянами. Послѣ этого, сколько есть мужчинъ,

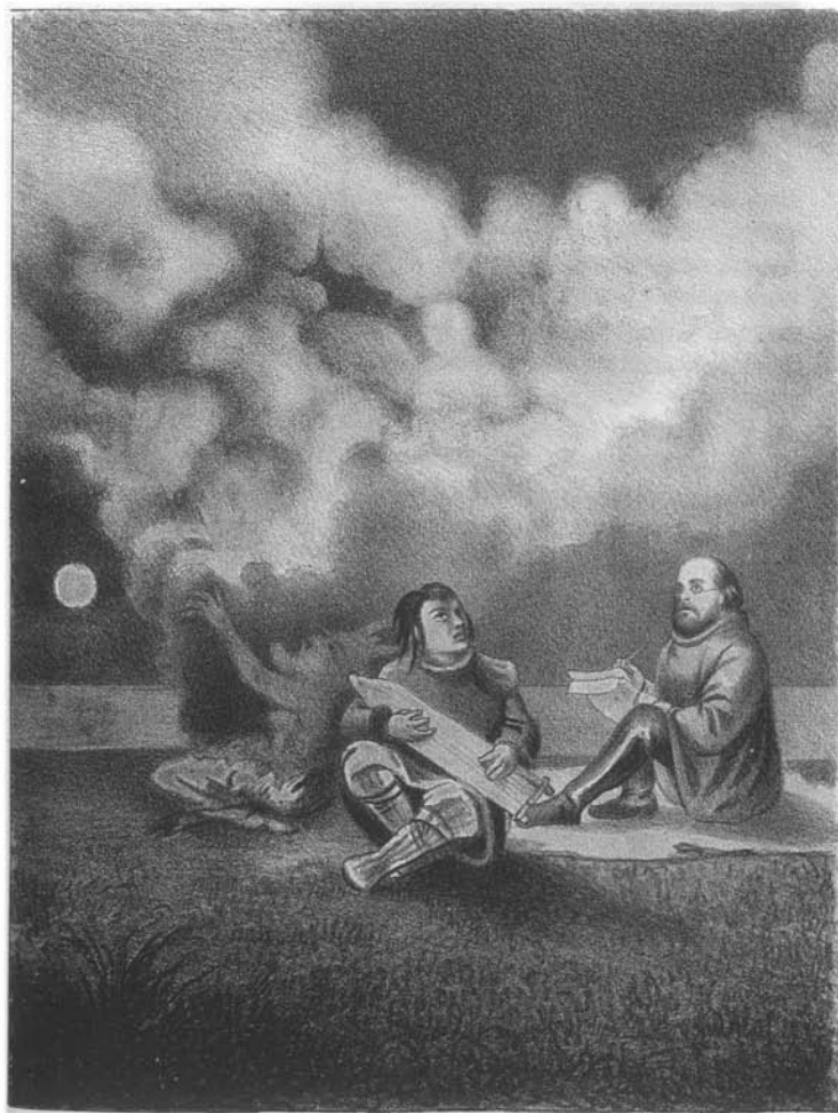
каждый беретъ себѣ одного задавленнаго олена, снимаетъ съ него кожу, а мясо сырое начинаеть юсть, или справедли-
вѣ выразиться—жрать; сердце и языкъ отдѣляютъ и привѣ-
шивають ихъ, каждый на отдѣльную палочку, воткнутую въ землю, намазавъ ее въ то же время кровью изъ того сер-
ца олена, которое єй прицѣплено. Послѣ непродолжи-
тельнаго времени, сердце и языкъ снимаются, кладутъ въ котель, находящійся на мѣстѣ жертвы, варятъ и съѣдаются.
Рога отъ задавленныхъ оленей прикрѣпляютъ между вѣтвя-
ми къ вершинѣ той лиственницы, возлѣ которой ставятъ на-
мазанныя кровью палочки. Эту жертву приносятъ въ благо-
дарность за счастливо прожитое время въ лѣтнихъ кочевьяхъ,
и чтобы благополучно перейти по льду замерзшихъ столь ши-
рокихъ водъ на зимнія кочевья. Очень противно смотрѣть
на тиранство самоѣдовъ и остяковъ надъ бѣднымъ живот-
нымъ, которое, не требуя за собою рѣшительно никако-
го отъ нихъ ухода, служить имъ рѣшительно всѣмъ и даже
жертвою дьяволу. Надѣвъ на олена иѣсколько петель
изъ тынзяновъ и ставъ другъ противъ друга на разстояніи
длины тынзяновъ, съ крикомъ натягиваютъ ихъ. Сколько
есть мужчинъ, всѣ берутся за концы тынзяна, и натягиваютъ
его такъ сильно и быстро, что у бѣднаго животнаго выско-
чать глаза и языкъ, и чуть не оторвать голову. Но видѣть,
какъ они, сидя каждый возлѣ своего олена, жрутъ его сы-
рое мясо, маюая его въ кровь и пачкаютъ кровью и безъ
того противныя свои физіономіи,—переходитъ за предѣлы са-
мосильнѣйшаго отвращенія.

2. Чѣмъ больше стадо оленей, тѣмъ стоянки на одномъ
мѣстѣ бываютъ непродолжительнѣе, исключая случая, когда
изъ членовъ семейства у самоѣдовъ кто заболѣваетъ, тогда не
трогаются съ мѣста до того времени, пока больной не по-
чувствуетъ облегченія отъ болѣзни. Олени соскребутъ всю
тундру около чума на разстояніи 3-хъ или болѣе верстъ до
такой степени, что нельзя увидѣть нигдѣ мху, вездѣ онъ
избитъ и перемѣшанъ со снѣгомъ. Хозяева хотя и видятъ,
что олени изнуряются отъ недостатка корма, но не смѣютъ
спаслать на другое мѣсто, придерживаясь того убѣжденія, что

олени мучатся голодомъ, болѣютъ, за-то больному отъ этого будетъ легче. Первое признаніе больнаго, что онъ чувствуетъ себя здоровѣ, служить сигналомъ, чтобы какъ можно скорѣе двинуться съ мѣста, ибо, по мнѣнію самойдовъ, на оставленномъ ими мѣстѣ останется и болѣзнь больнаго.

3. Когда между самойдами появится осла, то эту болѣзнь считаютъ худой и часто оставляютъ больнаго въ тундрѣ одного въ маленькомъ чуму, нарочно сдѣланномъ, а сами уходять и навѣдываются повременамъ о его жизни. Пособій никакихъ не даютъ больнымъ собственно потому, что считаютъ эту болѣзнь наказаніемъ дьявольскимъ, и считаютъ ее первымъ наказаніемъ человѣка при сотвореніи его. Вотъ что говорить у нихъ преданіе обѣ этой болѣзни. Переведено слово въ слово.

Нумъ (Богъ), по ихъ преданію, сотворилъ первоначально землю, воды, рыбы и птицъ, которые и въ настоящее время только одинъ летаютъ къ нуму и потому-то самойды своимъ божествомъ дѣлаютъ истукана въ изображеніи летящей водяной птицы, посаженной на вершинѣ длинной палочки; этому истукану убиваютъ въ жертву оленей и кровью ихъ изъ сердца намазываютъ ту палочку, на которой прикрепленъ истуканъ. Послѣ этого нумъ сотворилъ разныя растенія, животныхъ, наконецъ сотворилъ собаку и самойда; оба они были голые. Собака стерегла самойда отъ дьявола, который завидовалъ счастію самойда на землѣ и старался всячески сдѣлать ему большое зло, но собака не подпустила дьявола къ самойду, и чрезъ это дьяволъ ничего худаго не могъ сдѣлать. Счастіе же самойда состояло въ томъ, что онъ былъ всегда здоровъ и весель; всѣ животныя шли къ нему по зову, не боялись его, и онъ убивалъ оленей на Ѣду сколько хотѣлъ. Ходилъ голый и его тѣло не мерзло. Нумъ проживаетъ за Ледовитымъ моремъ далеко, самойды никогда не видѣли его, но свѣтъ отъ нума иногда показывается (сѣверное сіяніе). Дьяволъ же постоянно проживаетъ въ самойдскихъ тундрахъ, лѣсахъ, горахъ и водахъ. Нумъ дѣлаетъ что есть лучшаго для самойда, а дьяволъ—что есть худшаго. Если самойды увидятъ красивое дерево или камень, рѣзко отличаю-

Разказъ Самоѣдина Тирка о сотвореніи міра, паденіи Самоѣда и на-
казаніи его дьяволомъ болѣзней оспою.

щієся отъ другихъ своимъ видомъ, то предполагаютъ, что эти творенія какъ красивѣе другихъ, то и милѣе Богу, и потому-то предь ними приносятъ въ жертву оленей и намазываютъ кровью. Дьяволъ, какъ врагъ нума, потому постоянно враждуетъ противъ самойда, котораго нумъ любить и сотворилъ для него все. Чтобы лишить земнаго счастія самойда, дьяволъ сталъ подговаривать собаку, чтобы она позволила ему подойти къ спящему самойду. Но собака на это не соглашалась. Однажды дьяволъ, замѣтивъ, что собака, скривившись, дрожала отъ холода, сказалъ ей, что ему очень жалко ее и что онъ ей можетъ дать такую шубу, которая ее согрееть, если она согласится только допустить его къ человѣку. Собака, какъ холодъ былъ ей не втерпѣть, согласилась на предложеніе. Дьяволъ погладилъ ее рукою и вдругъ собака обросла длинною шерстью, стала отъ радости прыгать, а въ это время дьяволъ подошелъ къ спящему человѣку и плонулъ на него: съ человѣкомъ вдругъ сдѣлалось дурно, все тѣло его покрылось прыщами (оспой) и онъ началъ хворать, а дьяволъ, засмѣявшиясь, сказалъ ему: «Ну, теперь ты попался ко мнѣ», и скрылся. Горькая жизнь настутила человѣку и ему было уже холодно, онъ сталъ плакать, мучиться, собака ужъ не стала его беречь, стала постоянно гоняться за звѣрями, давить ихъ, а человѣкъ отъ холода началъ себя тоже прикрывать собачьей шерстью, и звѣри стали бояться человѣка и бѣгать отъ него, для чего человѣкъ сталъ на нихъ выдумывать разныя ловушки, сдѣлать лукъ и стрѣлы, и подобными разными хитростями сталъ промышлять ихъ. Трудная была жизнь его, и стала человѣкъ бояться всѣхъ. Тогда нумъ еще скалился надъ человѣкомъ и далъ ему женщину; а чтобы онъ ея не боялся, то сотворилъ ее на подобіе человѣка; а чтобы человѣкъ позабыть свое горе, заставилъ его испытывать удовольствіе родить себѣ подобныхъ. Эти удовольствія понравились человѣку, и онъ въ такихъ занятіяхъ очень скоро позабылъ о своемъ горѣ, и живеть на свѣтѣ только для этого труда; а женщина, узнавши, что собака оказалась виновникомъ несчастія человѣка, убила ее собственно потому, чтобы отобрать

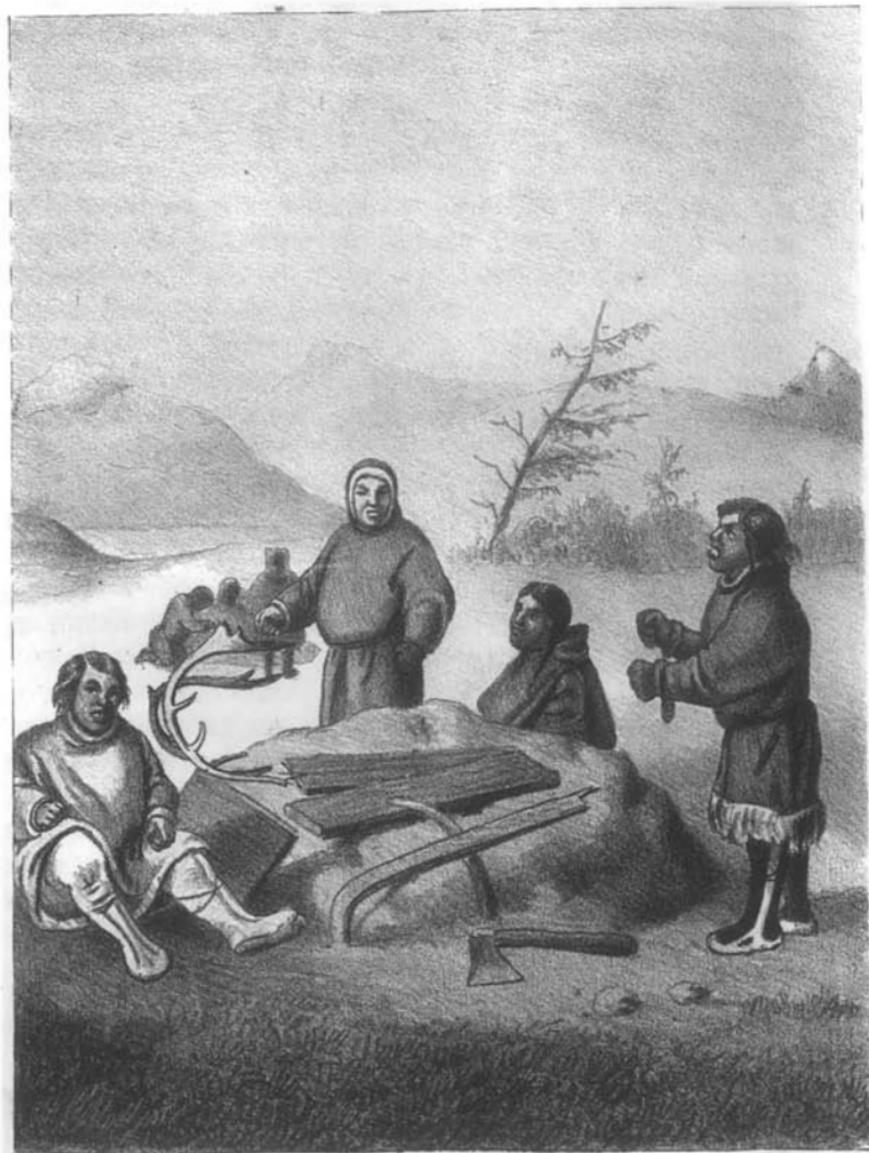
ту шубу, которую ей подарила дьяволъ, и изъ нея сдѣлала себѣ ягушку. Вотъ начало появившейся болѣзни ослы и обыкновеніе самойдовъ украшать свои ягушки собачьей разношерстной шкурой, и начало времени, съ котораго самойды стали множиться, заселять сѣверъ. Жили они въ большомъ богатствѣ и занимали пространство земли подъ свои кочевья отъ устья рр. Иртыша, Конды, Пелымы, вершинъ Пура и Таза по Енисею и берегамъ Ледовитаго моря до устья Печоры и по р. Печорѣ до устья р. Уссы по Уральскому хребту до р. Пелымы. Счастливѣйшая была жизнь ихъ, оленей имѣли такое множество, что не знали имъ счета. Но къ несчастію ихъ появились изъ вершинъ р. Оби остыки, приплыли въ ихъ страну на плотахъ и начали ихъ тѣснить, отбирать отъ нихъ рыболовныя мѣста, стада оленей, женъ, дочерей; возникли постоянныя войны, и самойды, оставляя свои кочевья, все подвигались къ сѣверу. Наконецъ, когда остыки и тамъ стали притѣснять ихъ, то они принуждены были предъ ними смириться, признать надъ собою ихъ владычество, сдружились съ ними за-одно, стали братъ другъ у друга не вѣсть. Остыки стали ходить въ самойдской одеждѣ, говорить по-самойдски, разводить стада оленей, есть сырую рыбу и мясо, и сдѣлались самойдами.

4. На основаніи убѣжденій, что за зло—зло, а за добро—добро всегда получается, самойды опредѣлили себѣ правило для своего нравственнаго и материальнаго быта; отъ этихъ началъ произошли у нихъ вся обыкновенія и обряды, напр.: случится ли съ нимъ зло, болѣзнь,—онъ не думаетъ о томъ, чтобы употребить какія-нибудь лекарства для излеченія себя, а старается свое зло передать дереву, или камню, или оленю. Передача зла происходитъ съ помощью жертвоприношеній такимъ образомъ: заболѣла у него нога,—онъ жертвуетъ своему фетишу песца; этимъ песцомъ вытираетъ себѣ ногу, послѣ несетъ его къ дереву и, повѣшивъ на немъ песца, дѣлаетъ заклятіе, т. е. онъ говоритъ дереву: «Какъ моя нога болитъ, заболѣй и ты, ибо ты здорово, а я болѣнъ, то пусть будетъ на-оборотъ.» Къ врачеванію приглашаютъ они одного изъ своихъ шамановъ, который, разспросивъ признаки боль-

наго, переводить эти признаки на избираемаго имъ олена, бѣдное животное подвергаютъ разнымъ мученіямъ и этимъ хотятъ приговорить страданія человѣка къ страданіямъ животнаго. Когда нападутъ на желанный признакъ болѣзни у животнаго, тогда болѣзнь въ человѣкѣ должна въ то же время уничтожиться. По подобному способу врачеванія шаманъ убиваетъ по-очередно нѣсколько десятковъ оленей. Если больной вдругъ не поправится, то придумываетъ каждому оленю особыя мученія. Когда же больной выздоровѣеть, то въ то же время шаманъ обрекаетъ смерть его оленю, и бѣдное животное живымъ зарываютъ въ землю. Если же всѣ врачеванія шамановъ не помогутъ и больной умретъ, тогда трупъ его выносятъ изъ чума, но только не чрезъ то отверстіе, въ которое входятъ живые, а раскрываютъ чумъ съ противоположной стороны на-столько, чтобы можно было вытащить потомъ мертвца, кладутъ его въ гробъ, сколоченный изъ досокъ, лицо мертвому и вообще голову зашиваютъ въ сукно, въ гробъ кладутъ всѣ принадлежности мертвца, которыхъ были необходимы ему при жизни, т. е. винтовку, пороховницу, топоръ, ножикъ, рожокъ съ табакомъ, трубку, табаку курительного; если есть вино, то бутылку, поставлять его потомъ все его носимое платье и въ такомъ видѣ уносить гробъ на кладбище, гдѣ, вырывъ яму на поларшине, ставить туда гробъ съ означенными имуществомъ, засыпаютъ могилу пескомъ и на могилѣ поставлять разломанную нарту, на которой покойный Ѵздила, котель, изъ котораго онъ Ѵзъ и пилъ, но его продырявлять; наконецъ приведутъ тѣхъ оленей, на которыхъ онъ Ѵздила, и ихъ задавать. Рога отъ оленей воткнуть въ могилу, а мясо уносить въ чумъ для Ѵды; послѣ живыхъ жертвоприношеній начинаютъ всѣ, сколько ихъ существуетъ при похоронахъ, ругать смерть, поясняя, что ты смерть—поганая, отобрала отъ насъ нашего брата или отца, и послѣ этихъ словъ каждый придумываетъ ругань самую злостнѣйшую, самую нескромнѣйшую. Когда же кончать ругань, то обращаются къ мертвцу и просить у него, чтобы онъ не сердился на нихъ; тутъ высказываютъ ему, что они его любятъ, что они ему отдали все, что у него было при жиз-

ни, и что смерть ругали за то, что она украла его отъ нихъ; послѣ всего этого возвращаются въ чумъ, гдѣ ѓдятъ мясо задавленныхъ оленей. Если же послѣ смерти самойда осталась жена или дѣти, то они дѣлаютъ куклу на подобіе умершаго, одѣваютъ ее въ такую одежду, въ какой ходилъ живо покойникъ. Жена посадить эту куклу возлѣ себя. Если всѣ ѓдятъ, то и куклѣ тоже положать кушанья въ корытце. Къ ночи, эту куклу жена раздѣваетъ и ложится съ нею спать. Однимъ словомъ, съ куклой дѣлаютъ все то, что дѣлалъ при жизни покойникъ,—и эти церемоніи продолжаются болѣе года, что у нихъ считается трауромъ. Если приснится кому-нибудь покойникъ, то сейчасъ же на другой день приносить ему въ жертву оленей. По понятіямъ самойдовъ, по эмерти самойду предстоитъ лучшая жизнь: онъ проживаетъ гдѣ-то надъ ними за моремъ вмѣстѣ съ нумомъ (Богомъ), постоянно торгуетъ, пьетъ вино; кладутъ же мертвому разныя вещи потому, чтобы ему въ загробной жизни была готовая одежда и все то, что онъ любилъ. По понятію самойдовъ, каждая вещь и существо, уничтоженное на землѣ въ память усопшаго, переходитъ во владѣніе его лучшимъ и пріятнѣйшимъ для загробной жизни.

5. Тещи самойдовъ ужасно любятъ нѣжить своихъ снохъ, а особенно, если сноха скоро послѣ свадьбы почувствуетъ себя беременною; съ нетерпѣніемъ дожидаются младенца, ворожать, кого нумъ имъ дастъ, приносить жертву, чтобы нумъ далъ имъ непремѣнно сына. Когда же наступитъ время родовъ, то, чтобы родильница не переносила сильныхъ болей и родила младенца благополучно, прибегаютъ къ слѣдующему симпатическому средству. Какая-нибудь старуха спрашивается родильницу—не имѣла ли она любовной связи, кромѣ мужа, со сторонними лицами до замужества и въ замужествѣ? Подобную же исповѣдь старики принимаютъ отъ мужа родильницы, съ прибавленіемъ—не имѣль ли онъ совокупленія, кромѣ женщинъ, съ суками и оленями? Каждый грѣхъ старуха и старики отдельно и секретно завязываютъ на шнурочкѣ узелкомъ. Послѣ этого складываютъ шнурочки вмѣстѣ и дѣлаютъ сравненіе грѣховъ, кто по количеству грѣховъ

Само́йдскія похороны.

больше нагрѣшилъ; разность грѣховъ отрѣзываютъ и кладутъ на дѣтородныхъ частяхъ родильницы. Отъ этого симпатического врачеванія, увѣряютъ самойдеи, бываетъ всегда легкое, почти нечувствительное разрѣшеніе отъ бремени, лишь бы только объявившіе свои грѣхи не скрывали ихъ и чистосердечно сознались въ нихъ, и чтобы эти грѣхи сильными узлами были привязаны къ шнурочку, по той причинѣ, что отъ разности грѣховъ родильницы и мужа ея, происходятъ трудные роды; но когда она и ея мужъ выскажутся и старики привяжутъ ихъ грѣхи узлами къ шнурку, то этимъ не дозволять имъ возвратиться обратно къ нимъ и чрезъ это грѣхи родильницы не могутъ уже вредить рождению младенца. Кладутъ же разность грѣховъ на дѣтородныя части собственно потому, что лишь эти части бываютъ поражены болѣзнью и чтобы грѣхи эти вмѣстѣ съ очищеніями родильницы, мѣстомъ ребенка, тотчасъ послѣ рожденія ребенка соединить вмѣстѣ и выбросить. Иные самойдки, изъ останцаго рода, складываютъ всѣ нечистоты послѣ рожденія младенца въ берестянныя коробочки, плотно закупориваютъ ихъ и завѣшиваютъ по близости своего жилья на дерево; это дѣлаютъ по тому убѣждѣнію, чтобы всѣ боли, какія имѣла родильница, заключенные въ означенную коробочку, разошлись по лѣсу и не возвращались болѣе къ матери родившагося ребенка. По этимъ вывѣскамъ въ останцкихъ юртахъ можно безошибочно сосчитать, сколько каждый годъ въ юртахъ родилось младенцевъ.

**РУССКО-САМОЁДСКИЙ
СЛОВАРЬ,**

составленный

Ю. И. Кушелевскимъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Самоѣдское племя, постоянно уменьшаясь, клонится къ уничтоженію. Такой судьбы его въ недалекомъ будущемъ нельзя не замѣтить. Убѣждаясь все болѣе и болѣе въ этомъ фактѣ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ пребыванія моего у самоѣдовъ, я предпринялъ трудъ составленія по возможности полнаго словаря самоѣдского языка, котораго по настоящее время нигдѣ издаваемо не было, на тотъ конецъ, чтобы тѣмъ доставить услугу не только филологамъ, но и потомству, для котораго сохранить память о народѣ, обитающемъ на берегахъ Ледовитаго моря въ глубокомъ сѣверѣ, — дѣло не маловажное.

Въ видахъ же, облегчающихъ изученіе самоѣдского языка, долгомъ считаю предпослать слѣдующія мои замѣчанія:

Трудность изученія этого языка состоить въ произношеніи словъ, которыя самоѣдъ выговариваетъ быстро и въ носъ, такъ что слухъ безъ привычки не въ состояніи отдѣлить слово отъ слова. Сверхъ того, подчинить этотъ языкъ какимъ-нибудь граматическимъ правиламъ весьма трудно. Имена существительныя, прилагательныя и мѣстоименія не склоняются, ихъ дѣйствія опредѣляются предлогами; нѣкоторыя существительныя производятся отъ прилагательныхъ и глаголовъ, чрезъ прибавленіе къ нимъ окончаній: *свой* или *ненечъ*. Нѣтъ словъ, которыя начинались бы буквами: б, д, ж, з, р, ф, ч, ш, щ, ъ, э. Всѣ слова самоѣдскія за неболь-

шимъ исключениемъ, если начинаются согласною буквою, то первый слогъ его состоить изъ сочетанія съ гласной буквой и наоборотъ, а потому словъ: дра, бра, мра, тра, шра, хра, бре, вре, гри, бри, бро, бру, мру и т. п. нѣтъ. Глаголы въ неопределенномъ наклоненіи оканчиваются на ванъ, данъ, манъ, эдъ и пр. Спряженіе ихъ состоить въ томъ, что къ корню слова прибавляются слѣдующія окончанія: въ настоящемъ времени ггумъ, тамъ, бимъ, нумъ, ма, да, та, ха, на; въ прошедшемъ времени: усь, гахъ, ать, авъ, вась, емъ, вимъ, бись, дись и пр.: въ повелительномъ наклоненіи; адъ, едъ, идъ, ай, ечъ, ардъ, ердъ, ель и пр. Изъ этого общаго правила есть многія исключения, измѣняющія не только окончанія глаголовъ определенного наклоненія, но и самъ корень глагола при спряженіи, и такимъ образомъ составляютъ какъ бы особую форму спряженій неправильныхъ глаголовъ, наприм.

неопред. нак.	настоящ.	прошед.	повелит. нак.
сяшанъ—миловать,	сяши.	сяксамъ.	сяй.
сюртеванъ—прѣсть.	сюртембимъ.	сюртевъ.	сюрандъ.
санкованъ—копать.	сисіива.	силовась.	сидъ.
сэйванъ—скрываться.	сехъ.	сэясь.	сэяе.
сянкууванъ—играть.	сянкуупумъ.	сякугусавъ.	сякугудъ.
и проч. и проч. и проч.			

Буква *B* не можетъ быть выговариваема въ концѣ глаголовъ въ прошедшемъ времени, а вместо ея правильнѣе соответствуетъ самоѣдскому выговору греческая буква *Г*.

Буква *G* на концѣ словъ не можетъ выразить звуковъ самоѣдского языка, недостатокъ этотъ можно исправить выговариваньемъ вместо *G* греческой гаммы.

Изъ русскаго языка или, правильнѣе, отъ сношеній съ русскими, самоѣды заимствовали слова: аршинъ (аршинъ), якорь (якорь), мыла (мыло), сюлки (чулки), торово (здравово) и проч.

A.

Аамси—кулисъ.
Адиманъ—подыматься.
Адимдеванъ — показывать.
Агаръ—вислоухій.
Айбей—сырой.
Алагунъ - шопъ — дощаникъ.
Амга-куче—вотъ каковой.
Амгари—сортъ, манера.
Амгарти—ничто.
Амгауна—за что, на что.
Амгыри—что-ли, кто-что?
Амгэ—зачѣмъ, за, для, что, ворона.
Амгэгэтонъ—почему.
Амзэ—для чего.
Анггу—нейть.
Анжи—передъ.
Аніамге—еще что.
Ани-ненечь—другой человѣкъ.
Ани-поуна — на другой годъ.
Арка—большой.
Аркагану—судно.
Арка - сеудапопа— рѣчникъ, родъ мирожи.
Аршинъ, аршинъ.
Аршинъ - хейвлелей — пол-аршина.
Атебе—долгъ.
Атебе-неначь--должникъ.
Аука-доморощенный олень.
Ачики—ребенокъ.
Ачикимбой—молодой.
Ачикипузова — гнилое дерево.
Ачикъ—маленький.
Ашимбиръ—сколько.

B.

Ва—огородъ, засѣка.
Вабырка—тюлень.
Ваггалманъ — блудодѣйствовать.
Ваггалтъ — растягивать , притыкать.
Ваггорта—ярь.
Вагкъ—яма, нора.
Вагкъ-совой — крутой , глубокий.
Вадаберте—переводчица.
Вадаванибе—мать.
Вадованъ—родиться.
Валкада—только.
Ванзеръ-иле—противный
Вантеръ — задняя часть легкой наряды.
Вану—обручъ, корень.
Ванугарчи—дорогая трава, сассапариль.
Вану-мегаръ—корга.
Вану-пой — разстояніе въ лодкѣ между коргами.
Вану-савой—съ корнемъ.
Ваптеванъ-опрокидывать.
Ваптевы—опрокинуто.
Варкеча—мизинецъ.
Варкъ—бѣлый медвѣдь.
Варнгэ—ворона.
Варъ—край, опушка, обложка.
Варэнъ-иле—едва, лишь; едва живъ.
Ваттурманъ—обѣщать.
Ваттурмы—завѣтный.
Венеко—собака.
Венованъ—вытягиваться.
Вентотаремъ—по собачьи
Вептый — раздражительный, сердитый.

Ветвань—наставлять, сра-
щивать.
Вода—крюкъ; слово, рѣчъ.
Водавань — показывать ,
наблюдать.
Водермы—горбъ.
Воево—вода; непостоянство,
вздоръ.
Вое-гэ см. Гэси.
Возеймы—пожилой.
Войво—худой.
Вомань—обезсилѣть,
ослабѣть.
Вомдавань—испортить.
Вора—морской гусь.
Воренъ—несовсѣмъ, чуть.
Воръ—грязь, сажа.
Воръ-совой—грязный, за-
маранный.
Вота—лишний.
Вотирмань—уговаривать.
Вунгалывань—утомиться.
Выггаливань — разстеги-
вать.
Выгъ — частый; широкій,
пустой.
Выдумань — испытывать,
осматривать.
Выдымань—рости.
Вые—кровь.
Выермань—гнуться.
Выерывань—загибаться.
Вые-совой—кровяной.
Вынолтовань — пугать,
прогонять.
Вѣба—листъ.
Вѣбатямдъ—вѣтвь.
Вѣдгэ—боязливый.
Вѣзеймань—старѣться.
Вазеко—старецъ.
Вэнелгамъ—тянуться.
Вэнзахадъ—чиrokeъ (ди-
кая утка).

Вэноловань—пугаться.
Вэнъ-подеръ—собачья уп-
ряжъ.
Вэнъ-хеу—денежка.
Вэтэвань—придѣлывать.

Г.

Гаакурка—см. Гаана.
Гаана—далеконѣко.
Гааттомъ—издалека.
Гавормань—ѣсть.
Гаглавань—кормить.
Гагу—птица.
Гагы-серъ—древность.
Гадивань—явиться.
Гадимань—прибывать.
Гадимдевань—уступать ,
удѣлять.
Гадортавань—разодрать.
Гадъ-пя — черемховое де-
рево.
Гадя-я-даргэ—ввиду, ви-
димо.
Газжда—до.
Гай—тыло.
Гайламба—медленный.
Гаймань—жирѣть, терпѣть.
Гаймы—жирный.
Галише—краска.
Гамдей-адивань — зеле-
нѣть.
Гамдей-адимы—травазе-
ленѣть.
Гамдетовань—садить, по-
ждать.
Гамлесь—санки.
Гани—еще, опять, снова.
Ганина—когда-нибудь.
Гани-серъ—иначе.
Гану—лодка.
Гану-лабэ—руль.
Гану-пя—осина.

Гану-тадъ — поперечины
въ лодѣй.
Гану-тупка — плотникъ.
Гану-хаде — смола.
Ганзы — моча.
Гаптръ-мы — вкусъ, за-
пахъ.
Гаптъ — челябуха.
Гартій — морской заяцъ.
Гатеванъ — медлить.
Гаунанда — издревле, из-
стари.
Гаунгуръ — прежде.
Гауно — сверхъ, черезъ.
Гаунъ — безъ, кромѣ.
Гачики — молодой.
Гая — жирный.
Гедароманъ — выпустить.
Гедорованъ, см. Гендер-
манъ.
Гейведаванъ — приставать.
Гендерманъ — стрѣлять;
спускать.
Германъ, см. Герпимъ.
Герпимъ — пить.
Герь — мерче — съверный
вѣтерь.
Гесо — козанокъ.
Гече — мѣшокъ.
Гій — зять.
Гійнивоево — скорбѣть.
Ги — толкъ, умъ.
Гибета — умный, толковый.
Гибидарманъ, см. Гиго-
ванъ.
Гибита — ненечь — умница.
Гигованъ — думать.
Гилтаванъ — ворожить.
Гимбеть — тесть.
Гимбеть-шууча — теща.
Го — островъ.
Гобэ — рукавица.

Говормадовой, см. Го-
ворси.
Говорси — голодный.
Говоръ — пища.
Годе — ягода.
Годеко — бисеръ.
Гоманъ — смѣшаться.
Гомдаванъ — соединяться;
сидѣть.
Гомддванъ — присѣсть.
Гоме, см. Гымда.
Гоо — сурикъ.
Гонтеу — душно.
Гормыжда, см. Гымда.
Госкари — ненадолго, на
часъ.
Готованамбимъ — мѣшать,
молоть.
Готованъ — красить.
Готэванъ — обозначать.
Гу — слѣдъ; шесть для вѣ-
шанья.
Гуда — рука; дорога.
Гудааждеръ — взятка.
Гудатидъ — накладка на
рукѣ, употребляемая при
стрѣльбѣ съ лука.
Гуды-езе — кольцо, служа-
щее самойдкамъ для укра-
шения рукъ и игрушкою.
Гуды-лапчеко — ладонь.
Гуды-лэ, см. Гуды-чей.
Гуды-си — безрукій; безъ
дороги.
Гуды-чей — локтевая и пле-
чевая кость.
Гули — совсѣмъ, вовсе.
Гумъ — сѣно.
Гумъ — мадаванъ — сѣно
косить.
Гунгъ-поре — желѣзная
стрѣла, копье.

Гуону—гусиный носъ; кукла.
Гутто—нарта для перевозки чума.
Гуудъ—верхняя губа.
Гыдованъ—вѣсить.
Гыдовы—вѣшенній.
Гыдыманъ—выходить, появляться.
Гыдюпя—ручка у котла.
Гыльняна—внизъ по течению рѣки.
Гыльняю—далеко; низкій; меньшій.
Гымда—титъка, грудь.
Гында—охотничій лукъ.
Гынъ—тетива.
Гэ—нога.
Гэвотиванъ—голову чесать.
Гэда—ну-что; ну-но.
Гэданзи—другъ, подруга.
Гэдапсе—вожакъ, проводникъ.
Гэдаптаванъ—посылать.
Гэдаптавы—посланный.
Гэдензи—распутная женщина.
Гэдованъ—пускать, отпустить.
Гэведолованъ—усмирять.
Гэнъ—пята у ноги.
Гэйво—голова.
Гэйвохавраванъ—наклонять, нагибать.
Гэйвохаурованъ—умолять.
Гэнтъ—волость.
Гэре—осень.
Гэрнованъ—храпѣть.
Гэси—безногій, хромой.
Гэсо—суставъ.
Гэсовой—ходокъ.

E.
Егге—шагъ.
Еге—маленький ручей.
Егованъ—терять.
Егу—слой.
Едай—новый.
Едей—спускъ, скатъ; крутої.
Едиме—бревно.
Едимей-пеле—чурбанъ, пень.
Едъ—котель.
Ее—нюча (покрывало чума).
Езе—копытка; желѣзо.
Езе-едъ—желѣзный котель.
Езе-мукуда—желѣзная труба.
Езерманъ—бродить.
Езепаны—кольчуга.
Езеръ—гладкое, чистое мѣсто возлѣ рѣки.
Езе-се—желѣзный горнъ.
Езе-ягту—канканъ.
Еирано-неначъ—незнакомецъ.
Ельчеванъ—мѣра.
Ельчевы, см. Ельчъ.
Ельчъ—сноровка.
Емневанъ—починять пластие, штопать.
Ена—осетръ.
Енанию—стерлядь, коришъ.
Енги, см. Еръ.
Енда-си—медленное течение.
Енда-сюра—круги на водѣ отъ быстраго ея теченія.
Ендерманъ—лягаться.
Енеме, см. Еньма.
Енея-неначъ, см. Ерембѣда.

Еникоко-ень — спокойствіе.

Енмдаванъ — учиться.

Енне — блокъ при упряжи.

Енново-пазъ — борозда, разрывина.

Еномбина — потихоньку.

Енорманъ — толкать кого, пихать.

Енть — быстрина.

Енумбоуна — тихо, смироно.

Енъ — конопля.

Еньма — заплатка.

Енюванъ — приставлять.

Епсъ — колыбель, зыбка.

Епсәсе — полукругъ у самодской зыбки.

Епля — сосна.

Ераго, см. Ерей-табъ-го.

Ерванъ — броить.

Ерводаванъ — гордиться.

Ерву — хозяинъ.

Ергуда — средний палецъ.

Ерде, см. Еръ.

Ере — глубина.

Ере — животное длинношерстное.

Ереттода — ията.

Ереттуванъ — стеречь, караулить.

Ерей-табъ-го — песчаный островъ.

Ереманъ — жену братъ, слuchаться; захватывать; доставаться.

Ерембеванъ — ожидать.

Ерембеда — караульный.

Еромбой — глубокий.

Еремдеванъ — задерживать.

Еркарадъ, см. Еркеръ.

Еркеръ — полоса, рядъ.

Ерманъ — ловить рыбу неводомъ.

Ернага, см. Еръ.

Ерчъ-погга — неводъ.

Еръ — середина, средний.

Есей — скобель.

Есеманъ — строгать.

Есеръ — парусъ, пологъ.

Есь — петля.

Ехо — береза.

I.

Io — зять.

II.

И — вода.

Ибамерче — теплый вѣтеръ.

Ибе — клей, клейкий.

Ибемы — тепло стало.

Ибетаванъ — kleить, приставать.

Игтыня — россомаха.

Игипчъ — шила.

Иглеръ — забереги.

Идеръ — пузырь.

Идерча — щекуръ (рыба).

Идю — кишки.

Икле — шейная кость.

Икъ — шея.

Икъ-тенъ — становая жила.

Икъ-тогоча — галстухъ.

Икъ-хара-лэ — ключница.

Иламанъ — нести.

Иле — чистый.

Илеванъ — бывать, быть; ожидать.

Илевы — при жизни.

Илена — живой.

Иленапа — ключ; предыдущій.

Илена-сядой — живой дьяволъ.

Илена-хале—живая рыба.
Иле-юръ—чистый жиръ.
Иликъ—жидкий.
Илипци—имъніе.
Илипча—дикий олень.
Илманъ—поднимать.
Ильтаванъ—петь при ворожбѣ.
Имбытъ—рубаха.
Инда-манзара—вздоръ.
Индамписе—кротъ.
Инда-хаэ—душа вышла.
Индъ—душа.
Ине—возжа.
Ине-едаяукъ — новость; веревка.
Ирдъ—прямой, прямо.
Ири—дѣдъ, предокъ; луна.
Иртну—прямо, стойкомъ.
Иртышеванъ — усиливаться, стремиться.
Иръ-таремъ-ту—ну; уже.
Исельманъ—обезумѣть.
Ите— заводъ.
Итегоптени—море.
Итсовой, см. Сантой.
Ихъ-ямъ—острохвость (утка).

К.

Камга-того—шелковая матерія.
Коле—зоркий.

Л.

Лаача-совой — бугорчатый.
Лаачъ—бугоръ.
Лабарованъ—осыпаться.
Лабе—весло.
Лабендалота—перо у велла.

Лабеттаванъ—грести веломъ.
Лабэсалъ—окрючина.
Лаганаванводе — сказывать.
Лаганованъ — говорить, разговаривать.
Лаганъ—разговоръ.
Лагы—кочка, бугорокъ.
Ладаванъ—бить, наказывать ударомъ.
Лакари—вдругъ.
Лакари-монеттъ — скоро смотри.
Лакомбой — еще здравствуй.
Ламба-ине—черень ножа.
Ламбей — широкая кость роговъ оленя.
Ламбераманъ — дѣлать однобокимъ.
Ламси,—куликъ щебетунъ.
Лапгой—плоскій.
Лапта—степь.
Лаптай—ящикъ.
Ларецъ—ящикъ изъ бѣлой жести.
Ларь—ершъ.
Лата—доска.
Латаку—лопатка.
Латта—широкій.
Лезай, см. Лясой.
Лемуръ-оде — княжнича (ягода).
Лиденекъ—бобровая струя.
Лимбепри — время года, совпадающее съ наливомъ мѣсяцемъ мартомъ.
Лидягкъ—боберь.
Логгай—пуговица; кусокъ.
Логгманъ—кишѣть.
Лого—косять; уголь; загородка.

Логонерничи — передний
уголь, почетное место.
Логорманъ, см. Лорчъ.
Ломдукъ — низкий.
Лорней — лугъ, долина.
Лорчъ — бѣжать, течь.
Лукъ — тетерь.
Луце-хемде — курица.
Лыггерованъ — спрятать-
ся.
Лызю, см. Лысю.
Лымберъ — глина.
Лымбора — грудь.
Лынду — тушица.
Лысю — язъ.
Лэ — кость.
Лэбортъ — слабый, несо-
стоятельный.
Лэдванъ — хромать.
Лэймованъ — разоряться.
Лэкъ — ярь.
Лэкѣпставанъ — колоть.
Лэмборанда — ложечка,
грудь.
Лэмборануа — задъ.
Лэмбора-совой — груди-
стый.
Лэмдалягъ — гибкий.
Лэмугкъ — кистень, нако-
нечникъ стрѣлы.
Лэраванъ — пугаться.
Лэтманъ — хранить, бе-
речь.
Лядванъ — колоться.
Лядчей — щель, отверстіе.
Лярса — мизгири.
Лясой — развалистые олены
рога.

M.

Мага — спина.
Мага-лабе — двух-перое
корковое весло.

Магалы — спинная кость.
Магалэ — позвоночный
столбъ.
Магбеда-ненечь — зло-
частный.
Магбедеванъ — затруд-
няться, нуждаться.
Маггуванъ — нуждаться.
Магкъ-бе — бѣдность.
Магкъ-беди — бѣдный.
Магэдъ — замшевые шимы
(салоги).
Мадерманъ — замедлять.
Мадеръ — подпорка.
Мадованъ — рѣзать, отрѣ-
зать.
Мадорманъ — удерживать,
оберегать, защищать.
Мадэрманъ — подпирать;
лаять.
Мае — мука, мученіе, нака-
заніе.
Маеванъ — мучиться, изну-
ряться.
Маедаванъ, см. Маев-
анъ.
Маенда — маленький.
Маенда-неесечь — ма-
ленький ребенокъ.
Майнамъ — радоваться.
Маймби — удовольствіе, ра-
дость.
Маканъ, см. Маканэ.
Маканэ — пазуха.
Малагоде — водяница (яго-
да).
Малбой — совѣтъ.
Малеванъ — пополнять,
усиливать; довольствоваться.
Малованъ — надломаться.
Малтованъ — искатъ.
Маль — конецъ; безъ при-
мѣси.

Малъ—весь, каждый, всякий.
Мальче—малица (одежда).
Мамисеванъ, см. **Матидеванъ**.
Манаманъ—разобрать, рас-
толковать.
Мандаль—пукъ, связка.
Манзадаванъ—катиться.
Манзодиванъ—трогаться
съ мѣста, шевелиться.
Манзоптаванъ—двинуть.
Мануманъ—привязывать
за ноги.
Маныванъ—видѣть, на-
блюдать.
Мань—я.
Мара—край, берегъ.
Марги-лэ—ключевая кость.
Марманъ—оставаться; гра-
бить, отнимать.
Марне—загорода.
Марь—губернскій городъ.
Масъ—достаточно, доволь-
но.
Маталовомя—бакъ.
Матертованъ—брить.
Матидеванъ—втыкать,
вбивать, прокалывать.
Маторманъ—вырѣзывать.
Маттель-гейвы—хитрый.
Мать—шесть.
Мдарманъ—дрожать.
Мель—искусникъ, мастеръ.
Мере—рана.
Меремби—застарѣлая ра-
на.
Мересовой—паршивый,
Мери—безъ споровки.
Меру—парши, короста.
Мерче-берте—бекасъ.
Мерчембой—прохладный
вѣтеръ.

Мерчи-ненче—намѣст-
никъ, преемникъ.
Месеръ—кисти.
Месеръ-ханъ—нарта, да-
ваемая въ приданое.
Минзаранъ—работничь.
Минь—на проходѣ.
Минханда—мимо.
Минхемда—тотчасъ.
Мирванъ—мастерить.
Мире, см. **Миримы**.
Миретея—крупчатая му-
ка.
Мирехасовой—гнойный,
гнилой.
Миримы, см. **Миритте**.
Миритте—дорогой, дорого.
Мирманъ—упорствовать;
дѣлать.
Миръ—цѣна.
Миръ-си—дешевый; безъ
найму.
Мирюй—своеправный, уп-
рямый.
Митванъ—отдавать.
Митлеванъ—продавать.
Мичтованъ—давать.
Мо, см. **Му**.
Могаси—стулый.
Могбеа—нужный, нужда-
ющійся.
Модко-ненечъ—сирота.
Модованъ—ягоды братъ.
Мое—крѣпкій.
Моеванъ—бросать, стрѣ-
лять.
Моерованъ—утвердить,
укрѣпить.
Мозамбиръ—посредствен-
ный.
Мозованъ—замазывать, за-
брьзгивать.
Мойнямна—внутри.

Молеванъ—ломать.
Мелльерманъ—изломать-
ся.
Молкъ—комолый, безрогий.
Мондалуй—шаръ, кругъ.
Монзарованъ—работать.
Монзэгкъ—холка.
Монзэкъ-лэ—бедра.
Монырманъ—вертеться.
Мора—олений рогъ.
Мораняна-ханъ — при-
брежный.
Моронга — морошка (яго-
да).
Мосовой—суковатый.
Мосэй—щеголь.
Мотидевымитаня — ко-
лотье.
Моторманъ—рубить.
Моттадеванъ—колоть.
Мотурманъ — отрѣзывать.
Мотъ—шесть.
Мотъ-ягга — шестнадцать.
Му—сукъ.
Мугга-нитти—развилина:
Мугкъ—дробь.
Мукуда — передний шесть
чума.
Муначъ, см. Мунзъ.
Муначъ-совой — борода-
тый.
Мунедей — брюхатый, бе-
ременный.
Мунзъ—борода.
Мунзюманъ — молчать,
умалчивать.
Мунзяно-ненечь—молча-
ливый.
Мунованъ—громъть.
Муноманъ—звучать.
Муноптованъ—валить.
Мунорманъ—падать.
Мунтся—усы.

Мунъ — громъ, звукъ; го-
лость.
Мунъ-совой — громовой,
звукный.
Мунъ-ха—слухъ.
Мыванъ, см. Мэчъ.
Мыгдъ—печенка.
Мыдованъ—мять.
Мыедеванъ—выдѣлывать.
Мыла—мыло.
Мыргой—наладъ.
Мырней—упрямство.
Мэбеныты — сила, крѣ-
пость.
Мэбето-неначь—крѣпкій.
адрѣпый.
Мэванъ—гласть.
Мэдванъ—хромать.
Мэдна—хромота.
Мэйдна-ненче—хромой.
Мэта-ненечь—трубочникъ.
Мэчъ—брать, взять.
Мюдахъ-ханъ — обозная
парта.
Мюдъ—обозъ.
Мюймны—внутро.
Мюнко — нижняя нюга
(подрывало чума).
Мядарцы—подарки.
Мяде—чумовище, чугоръ.
Мядимярманъ—гостить.
Мядимярта - ненечь —
гость.
Мядимярта-нэ—гостья.
Мядимярцы—гостицы.
Мядлатъ—поль.
Мядъмарчъ—пировать.
Мякиче—спальня пимы
(туфли).
Мяреко — выдѣлнная оле-
ниья кожа, замша.
Мярико-ине — ремневая
веревка.

Мярованъ—петлю ставить.
Мярягъ—кругъ сверну-
таго аркана.

II.

Набако-чага — древесная
губка, наростъ на деревѣ.
Навелепчъ-пя—шесть.
Наволманъ—скрести.
Нагаде—цѣлый.
Нагаръ—кедровый орехъ.
Надъ—изъ, отъ.
Наеванъ—мыться.
Накалованъ — рваться,
отрываться.
Накладъ—убытокъ.
Намдаванъ—слушать, вы-
слушивать.
Намдованъ—слышать.
Намедованъ — затыкать,
зтихать.
Наны—холостой.
Нара—весна.
Наре—весеннее время.
Наре—бубны (въ картахъ).
Наредованъ—вновь создавать.
Нареко, см. Нарэ.
Наро—моржъ.
Нарэ—пастъ.
Не—дверь.
Небе—матъ.
Небесовой—материнский.
Небой—прошлогодний, въ
прошедшемъ году.
Небъ, см. Неда.
Неварь-пя—дверная ко-
лода.
Невой—проливъ.
Невой-тюкунту — сюда
иди.
Негованъ—потѣть.
Него-и—потѣть.

Неголта—соръ, дрязги.
Неголь—грязь.
Неголь-совой — грязный,
страшный.
Неда—дорога.
Недволевы-мале—нанявшійся, наемщикъ, работ-
никъ.
Недвотана-не — работни-
ца.
Недованъ—помогать, до-
гонять.
Недоволеванъ—нанимать-
ся.
Недорма-сово—твердый,
торный.
Недорта—большая дорога.
Недябеси—дешевый.
Нѣйэ—отелиться.
Нека—вотчимъ; старший
брать.
Нелико-неначъ—малень-
кій человѣкъ.
Нелико-нюде—маленький,
малый.
Нелико-серъ — маловаж-
ность; новость.
Нелкъ—икры у ногъ.
Нельтеванъ—обольщать.
Нельтеванъ—теребить.
Нельтевы-серъ-адимы-
искушение.
Нельтованъ—искушать.
Неме—сонъ.
Ненай-езе — серебряные
деньги.
Ненамдованъ—сердиться.
Неначъ—человѣкъ.
Нендамы—запуганный.
Нендарча-ине — веревка
для привязыванія блоковъ
къ нартѣ.

Нендевода — крюки у дверей (петли).
Нендомэвань — узнавать.
Ненду — знакомый.
Ненегкъ — комаръ.
Неней — гагара.
Нензакада — пухъ.
Ненземань — выпрямиться.
Нензерчъ — деревянное кольцо.
Нензета — свободный, не связанный.
Нензъ — плесо.
Нензэдъ — выдра.
Нензямбой — точно, действительно.
Ненко — длинное и узкое озеро.
Ненчимъ — сердиться.
Нень — не, нѣть.
Нерки-ня — таловоедерево.
Нермя — прорубь.
Нерня — впередь.
Нерняю - хань — ступай впередь.
Неро — тальникъ; палка.
Неро-симдеть — таловые листья.
Нерочь-сертовой-попазапортъ.
Нерте — зародыши въ яйцѣ.
Неру — прутья.
Неруй, см. Неро.
Неръ — хрящъ; вязига.
Неубя — плата.
Неубя-си — безъ платы.
Неуттармань — скакать, бѣгать.
Неэ — налимъ.
Неюре — подруга.
Неяу — мачиха.
Нибе — иголка.

Нибе-погга — игольное ушко.
Нибича — мизгирий.
Нибырю — мопка.
Нигалмань — тянуть.
Нигквань — раздергивать.
Нигоди — сохранно.
Низяу — отецъ.
Ни-ине — поясъ (женскій).
Никылмань — отрывать.
Нильмань — строгать.
Нимань — родить.
Ни-мары — поясъ (мужскій).
Нимдевань — называть, давать имя.
Нимедовань — сбить съ мѣста.
Нинеде — своякъ.
Нинзема — молодое перо.
Нирды — рогъ на лбу оленя.
Ниръ — черень, рукоятка.
Ного — песецъ.
Ногодихаевань — пополняться.
Ногоптовань — вздергивать.
Нодеовой — пераха.
Ной — сукно.
Ноймянъ — рубль.
Номки — двухгодовыи.
Нора — конь.
Норе — обосѣчное остріе стрѣлы.
Норомъ-латта — пристань.
Норметты — морской гусь.
Носкопты — мерзость, мерзкий.
Нуванъ — стоять.
Нукудъ — зыбка.
Нултавань — останавливать.
Нумбону — радуга.

Нумгу, см. **Нумгы**.

Нумгы—звѣзда.

Нумсида — безъименный палецъ.

Нумъ—Богъ, небо, сводъ небесный.

Ныгиси—безсильный.

Ныгисовой — крѣпкій, сильный.

Ныгита-ненечь—силачъ, буянъ.

Ныгындотя—чрезмѣро.

Ныгыта-и—крѣпкое вино, спиртъ.

Ныгы-яггу—возможность.

Ныдманъ—разорвать.

Нымы-яггу, см. **Нындовой**.

Нындовой—безсильный.

Нэ—женщина.

Нэванъ—отшратъ.

Нәпеванъ—жениться.

Ню—сынъ.

Нюде, см. **Нюкуче**.

Нюде-маняръ—кое-что.

Нюде-нюми — младший сынъ.

Нюде-паппау—младший братъ.

Нюкуче—младший сынъ; дѣтенышъ; яйцо.

Нюомде—имя.

Нюрчеванъ—хвалить, по-ондрать.

Нюрчемъ—шутка.

Нюрчемя—забава, пріхоть, пріятность.

Нюръ—верхняя покрытая чума.

Нючеванъ—ловить.

Няби—второй.

Няби-няна—будущій годъ.

Нябы—утка.

Нябы-берчъ — кысканъ (рыбья сѣть).

Нябыко—старшая сестра; тетка.

Няво—заяцъ.

Ня-гуда—челюсть рыбья.

Няда—олений мохъ.

Нядиванъ—помогать.

Нядованъ—зapasаться.

Нядэдъ—помощь, пособіе.

Някъ—ворванъ, нерпа.

Нялико—поваренка.

Нялкеванъ—выдерживать.

Нялорманъ—ползать.

Нямванъ, см. **Нямованъ**.

Нямдъ—рогъ.

Нямдъ-совой—рогатый.

Няме-мое—твердыня.

Нямза-гэй—сѣть.

Нями, см. **Нятао**.

Нямованъ—держать.

Няморча—клещи.

Няму—языкъ; обманъ.

Нянко—брюшина.

Нянь—хлѣбъ.

Нянь-сей—мякишъ хлѣба.

Нянь-сябъ—хлѣбная корка.

Няра—мездра.

Няргалода — поперечина; перешеекъ.

Няргалы—поперечный.

Нярове-едъ—мѣдный котелъ.

Нярове-езе—мѣдныя деньги.

Няромда-пеле — два съ половинкою.

Нярсу—болотный, болотный мохъ.

Няръ—три.

Няръ-ю—тридцать.

Няръ-я—красный.

Няръ-ягга — тринацать.
Няръ-яна-годе — бруслица.
Няръ-яна-ненай — золото.
Няръ-яна-тene — блодушка (лисица).
Няръ-яна-хале — кунжа (рыба).
Нясорманъ — скользить.
Нясэдаванъ, см. Нясорманъ.
Нятао — друзья, товарищи.
Нятиванъ — прикасаться.
Няуды — незаконно-рожденный.
Няулы — челюсть.
Няюсово-ты - тэрэдъ — выбирать самаго лучшаго оленя.

О.

Оберманъ, см. Оберч.
Оберч — ворчать.
Обканы — дорога.
Обкона — вмѣстѣ.
Обкона - хаду, см. Обладъ-хадо.
Обладъ-хадо — сплошной.
Объ — одинъ.
Объ-минхада — безостановки.
Объ-небе-ню — одноутробный.
Объ-серъ, см. Окана.
Объ-серъ-хулсалованъ — смѣшивать.
Объ-таремъ-ю - такъ-есть.
Объ-тарче — подобный, такой же.
Объ-терь — одна рюмка.
Объ-ягга — одиннадцать.

Оде — корольки.
Оканы — за-одно; смѣсь.
Око — много, множество.
Олипава — крашеный.
Олипяванъ — красить.
Оль-гу — чумовая палки.
Олька-пя — ольха.
Омдерчъ, см. Омдеръ.
Омдеръ — стуль, скамья.
Омза — мясо.
Омза-си — сухощавый.
Оневанъ — смѣшить.
Опой, см. Объ.
Оякъ — рѣдкий.

II.

Паггалманъ — плѣсти ; скать нитки.
Падаръ — бумага, книга, буква.
Падванъ — писать.
Паде — желчь.
Падеванъ — кружить, беспокоить; пугать, прогонять.
Падерта — пеструшка (терка).
Паде-са — горечь, желчь.
Падлолманъ — втыкать.
Падначе — чернила.
Падолманъ — прямо ставить.
Падорчи-харъ — чернильница.
Падувы — пестрый.
Падувы-падарь — письменная книга.
Падувы-хале — окунь.
Падъ — очель для вѣшанія надъ отнемъ котла.
Падъ-ню — попеченные палки очепа.

Паерманъ— добиваться.
Паерованъ— опухать.
Пазы— дырородные части
самки, женщины.
Пай— кривой, непрямой.
Пайга— сырокъ (рыба).
Пайдово— ворота, входъ.
Пайды— щека.
Пакыда-гедоровы — по-
ношеннная изодранная оде-
да.
Палка— каль.
Палка-совой — калу по-
добрый.
Палъ— сабля.
Паме— остріе.
Паме-тупка— острый то-
поръ.
Панванъ, см. Пандо-
ванъ.
Пандованъ, см. Пандэ-
ванъ.
Пандэванъ — наполнять ,
наполняться.
Панзе— воть.
Пансуй— осока.
Паны— шуба, платье, одеж-
да.
Паны-тагга— держать подъ
платьемъ, спрятать.
Папау— родственникъ.
Паша— младший братъ.
Параванъ— слежаться.
Паравъ— перегорѣлый.
Паравы-я— горѣлое място.
Параламанъ— спѣшить.
Парамвода— царь.
Пардокъ-сертаггумъ —
лекарство.
Паркаманъ— кроить.
Пармъ — собраніе, обще-
ство.

Пармы — путешественникъ,
попутчикъ.
Парованъ— горѣть, согрѣ-
ваться.
Пароде— черный.
Паттала— острякъ.
Паттана— писарь.
Паусими— вечеръ.
Пебяса— родные.
Педа— драка.
Педабированъ— драться.
Пека— кожа съ ногъ оленя,
употребляемая на пимы.
Пеманъ— грузить, садить
кого къ себѣ.
Пендермванъ — стрѣлять
изъ ружья.
Пендованъ — треснуть ,
лопнуть.
Пензеръ - ладаггумъ —
барабанъ.
Пензеръ - ладартапя —
барабанная щетка.
Пептованъ— опутывать.
Переня— родство.
Перенягахорованъ— по-
родниться.
Переняда— родственникъ.
Переняу— свать.
Пернъ-хече— крестъ.
Піидагумъ— стельки.
Піяко— горностай.
Пи— ночь.
Пиву — пимы (одежда са-
мояда).
Пиву-подерь— вставка въ
пимѣ.
Пидванъ, см. Пидеванъ.
Пиде— птичье гнѣздо.
Пидеванъ— бриться.
Пиделманъ— мять.
Пидъ-нэпсааръ-бритва.
Пикичи— перстъ.

Пиле—оводъ.
Пили—прощай.
Пиме—мужские штаны.
Пинванъ—бояться.
Пинелинде—шило.
Пинерманъ—приготавлять
лѣсь.
Пинъ—вонъ.
Пипте—губа.
Пирбе—обухъ ножа.
Пирдахванъ — превозмо-
гать, побороть.
Пиреванъ — варить, ки-
петь.
Пирече—высоко.
Пириште—дѣвочка.
Пирманъ — управляться;
переселиться.
Пированъ — готовить ку-
шанье, стряпать.
Пиртиггусь—кочерга.
Пирче—высокій.
Пирче-я—холмъ, куча.
Пирче—птичій чупокъ.
Пирю—только.
Писе—мыть.
Писовой-яле—сутки.
Пись—смѣхъ.
Писъманъ—смѣяться, ра-
доваться.
Питтеванъ—теребить, обо-
значать.
Питтиме—клеймой, тамга,
тавро.
Питторманъ — колотить,
щельяться.
Питупмеванъ—клеймить,
значить.
Пи-эръ—полпочь.
Погга—мирежа.
Поггаяво—холстъ.
Подаръ—позументъ.
Подерманъ—запрягать.

Подеръ—имя.
Поды—перелѣсокъ.
Пое—опухоль.
Поиби—тьма, темно.
Пойда—разстояніе, проме-
жутокъ.
Покалъ—задвижка.
Поли—проницательный.
Понде—враждебный.
Поннивоманъ—ссориться.
Поны—полный.
Понырта—дѣланіе, вяза-
ніе миражи.
Пора—порохъ.
Поръ-куль—пыжанъ (ры-
ба).
Порны — водяникъ, водя-
ной дьяволъ.
Порысь—свинья.
Пруна—къ, до, на.
Пугучка—жена, женщина.
Пугучка-совой—женатый.
Пудеко—малость, бездѣли-
ца.
Пудибтаманъ — смѣши-
вать.
Пуду—визига.
Пудъ-хана-тарчъ—корма.
Пуй—моль; воръ.
Пулонго-пя—рей.
Пулэнда-лэ — колѣнная
чашка.
Пунараванъ—вѣрить.
Пуно—водяной мохъ.
Пуны—послѣ.
Пурованъ — плашивать.
Пусекъ—лоскуточекъ.
Пуска—лоскутъ; обрывокъ.
Пусь-маль—конецъ мыса,
подводная скала, коса.
Пут-манъ—дуть.
Путопча—мѣхъ.
Пууняны—позади.

Пучь-мерчеванъ — вѣтеръ дуетъ.
Пыдараванъ — торопить-ся, пороться.
Пыдыръ — ты.
Пыдыръ-идаръ — пускать, отпускать.
Пые — носъ.
Пыеда-муно — храниТЬ.
Пыедованъ — чихать.
Пыеле — внизъ (къ мордѣ) опущенные рога.
Пыенда-си — ноздри.
Пые-си — безносый.
Пыре — щука.
Пыркалтамъ — подушка.
Пэ — камень.
Пэвэръ — трущоба, пропасть.
Пэгэ — позенъ (родъ сушеної рыбы).
Пэдара — лесь.
Пэдованъ — утомляться.
Пэй-мерче — западный вѣтеръ.
Пэй-сэу-тадъ — очи.
Пэмбуе — каменный мысъ, скала.
Пэндыня — возокъ, обозъ.
Пэнтованъ — крутить.
Пэштереванъ — запутываться.
Пэштерманъ — запутывать.
Пэсверъ — густой, частый.
Пэсярка — стаканъ.
Пюванъ — искасть.
Пюггусь — нарысь.
Пюгкъ — твердый мохъ.
Пюнгкъ — багульникъ, кустарниКъ.
Пя — дерево.
Пяванъ — приниматься.
Пягъ-гаръ — узкий ножиКъ.
Пялованъ — намѣритъ.

Пямадованъ — дрова рубить.
Пя-погга — морда; сѣть для ловли рыбы.
Пя-ришчепда — выпуклость.
Пя-рокоси — лыко, лубъ.
ПясиКъ — защелка.
Пясовой — деревянный.
Пя-хабо — чайка.
Пя-юръ — деревянное масло.

С.

Са — сила, бурный.
Саальманъ — чернать.
Сабванъ — набивать.
Савне — сорока.
Саво — паводненіе.
Саггово — грузнуть, вѣшнуть.
Сагдалпъ-деванъ — нагружать.
Сада — болото.
Садгалованъ — выворачивать.
Сайдованъ — заштопать,чинить, шить.
Сайндарчъ-туни — пушка.
Сала — глупый, дикий.
Салаба — ледъ.
Салабана - ханиманъ — обледенѣТЬ.
Салабасовой — ледяный.
Салдаванъ — платить.
Сале — мысъ.
Салиба — гладко, скользко.
Саликъ — пень; локоть.
Салмуй — ровный, гладкій.
Салъ — столбъ, пень.
Саль-езе — наковалня.
Сальманъ — поворотиться.
Самальянъ — пять.

Самальянъ-ю-пятьдесятъ.
Самальянъ-юръ — пять-
сотъ.
Самальянъ-янгга — пять-
надцать.
Саммадованъ — гладить.
Санаванъ-эггумъ — отска-
кивать.
Санванъ — рубить.
Сангой — мокрый, водяной.
Санорманъ — быстро ъхать,
скакать.
Санэрманъ — выскачивать.
Санэрта — пляска.
Санювы — морщина.
Санюманъ — мотать.
Сао — гусиная голова.
Сапкованъ — копать, рыть
иму.
Сапкэнованъ — рыться.
Сапкэрнорманъ — копать.
Сашчерманъ — плевать.
Сапчесовой — слюнявый.
Сапчъ — слюна.
Сармикъ — волкъ; животное.
Сарню — яйцо.
Сарню-тасси — желтокъ.
Сарню-хамдуванъ — яй-
цо снести.
Сарю — задѣлка, вставка.
Сарюи-тиръ — туча.
Сарюманъ — задѣлать, до-
дѣлать.
Саттаванъ — зачерпывать.
Сатта-неначь — провор-
ный, удалый, честный.
Сачиняште — весьма близко.
Се — горло.
Себъ — карманъ.
Севодаванъ — жалѣть, то-
сковать.
Свой — ноша, бремя, тя-
жесть.

Севольтованъ — обнимать,
схватить.
Севяко — лопатка (палка),
употребляемая при ходьбѣ
на лыжахъ.
Сегби — черная утка.
Сегга — колокольчикъ.
Сеггамунлованъ — зво-
нить.
Сеггуванъ — почевать.
Сегъ-аного — голубой ие-
сецъ.
Седе — иней, туманъ, кур-
жахъ.
Седеларованъ — куржать,
затуманиваться.
Сеита-шэ — бутылка.
Сей — сердце.
Сейюре — сердечный другъ.
Сена — сѣни.
Сензе — верхняя часть же-
лудка.
Сензи — глухарь.
Сензъ-иile — живой, здо-
ровый.
Сенитовы — вымоченный.
Сениттованъ — мочиться.
Серберте — руководитель,
хозяинъ.
Серга-хамы — въ бѣду по-
настѣ.
Середованъ — проколоть.
Сересь — подшиловать.
Серканы — самъ-по- себѣ.
Серманъ-гумъ — надѣвать.
Сернаеринамъ — подъслѣд-
ствie, подъ судъ попасть.
Сертаггумъ-порданъ —
лекарство.
Сертасъсово — можно.
Сертатовой — неустроен-
ный.

Сертаямъ — не въ со-
стояніи сдѣлать.
Сертованъ — дѣлать, ис-
правлять, устроить.
Серь — дѣло; бѣда; обыкно-
веніе.
Серь-гадимы — случай,
причина.
Серы — дорога; рука.
Сесовой — голосистый.
Сiese — сталь.
Сieесовой — стальной.
Сіикааманъ — врать, лгать.
Сіиманъ — пробивать на-
сквозь.
Сіиттеванъ — править на
оселкѣ.
Сія — оселокъ.
Сіякъ — болтунь, пустоме-
ля, обманщикъ; пустосло-
вие.
Сіякхъ — вода.
Сіяманъ — обманывать.
Сіянъ-биръ — сколько.
Си — двери.
Сибе — легко; свищъ, струпъ.
Сибесовой — свищеватый.
Сибидеванъ — развивать.
Сибимеванъ — облегчать.
Сибичъ — безъ всего.
Сибичъ-ханъ — холостой.
Сибичъ-ханъ-паны — на
легкой нартѣ, на легкѣ.
Сиве — лопата.
Сивенаггалмы — соѣт.
Сиву — семь.
Сиву-ю — семьдесятъ.
Сиву-ягга — семнадцать.
Сигги — цынга.
Сиде — два.
Сиде-егоръ — вдвойнѣ.
Сиденяберманъ — качать.

Сидепоггы — посредствен-
ный.
Сидерагкъ — предокъ.
Сидерангкъ — покойникъ;
кукла, изображающая по-
добіе покойника; призракъ.
Сидерси — окно.
Сидеръ-варь-пя — окон-
ные колоды.
Сидеръ-канть — свѣча.
Сидеръ-канть-погга —
свѣтильникъ.
Сидеръ-пей — стекло.
Сидеръ-ягга — двѣнадцать.
Сиде-ю — двадцать.
Сиде-я-горъ — туда и сю-
да.
Сиде-ягоръ-паны — на-
кладка.
Сиде-ягоръ-хардъ — двой-
ной, двуличный.
Сидъ — прядь.
Си-ий — чувствительный,
нѣжный.
Сидянгъ — тѣнь.
Силарчъ-пай — брусье.
Сильчъ — точить.
Сима — отверстіе.
Симнядованъ — заступать-
ся.
Синдавы — крытый.
Синdevанъ — закрывать.
Синде-гану — заботливый.
Симдетъ — восемь.
Синдетъ-ю — восемнадцать.
Синдетъ-ягга — восемнад-
цать.
Синдома — крыша, покрыш-
ка.
Сине-яне — туманъ, дымъ.
Синzewанъ — озлобиться.
Синзегъ — птица, птичка.
Синзеу — синица.

- Синяю — переднее, почетное мѣсто.
- Сисерь — завязка.
- Сисовой — дырявый.
- Сисю — пѣна.
- Снензеную - сармицъ — мелкая глиста.
- Собванъ — много накладывать.
- Собе, см. Сочи.
- Собе-воево, см. Сочи-воево.
- Сово — хорошо.
- Сово-иле — богатый; счастье.
- Совокъ — гусь (одежда самойда).
- Совона-моедавы — хорошее дѣло; работа.
- Сово-она — точно.
- Согомдаванъ — задавать.
- Согомодаванъ — давиться.
- Соеванъ — родить, пріобрѣтать, наживать.
- Созванъ — тѣсниться.
- Сой — война.
- Сооманъ — выливать.
- Сопкэнорманъ — копать.
- Сортику — бабочка.
- Сочи — очень, весьма.
- Сочи-воево — весьма худой, негодный.
- Сою, см. Сой.
- Союдырманъ — воевать.
- Сояванъ, см. Соеванъ.
- Сса — ремень въ упряжѣ олена.
- Судиванъ — разбирать дѣло, судить.
- Суэту — чахнуть.
- Суикъ — почки.
- Сулемъ — сулема.
- Суумбай — красота, видъ.
- Суумбай-совой — красивый, видный.
- Сую — теленокъ.
- Сыво, см. Сырапо.
- Сыгованъ — напяливать, выставлять.
- Сыгы — перехватъ.
- Сылантаванъ — провѣтривать.
- Сымзи — шесты у входа въ чумъ.
- Сыра — снѣгъ.
- Сыра-піуво — зимнія пимы (сапоги самойда).
- Сырапо — зима.
- Сыра-совой — снежный.
- Сырманъ-пуня — оглядываться.
- Сыртамъ-васъ — смотрѣть.
- Сыумата-піуво, см. Сыра-піуво.
- Сэву — слеза.
- Сэгда — глаза.
- Сэгманъ — тонуть.
- Сэгъ — глазъ.
- Сэдавъ, см. Сэдорманъ.
- Сэдома — нитка.
- Сэдорманъ — шить.
- Сэдура — шитье.
- Сэйванъ — скрываться.
- Сарь — соль.
- Сэръ-я — пшеничная мука.
- Сэуда-пай — кривой, косяй.
- Сэуда-таси — слезы катятся.
- Сэуда сейвы юрлованъ — приволить въ безпамятство.
- Сэу-си — слѣпой.
- Сэу-нирчъ — бровь.
- Сэу-пари — зрачекъ.

Сэу-пари-дene — роговая оболочка глаза.

Сэу-сереко — блокъ въ глазу.

Сэу-таръ — рѣница.

Сэу-тидъ — очки у самодовъ.

Сэу-ялена-маль-выесовой — кровяные глаза.

Сю — пуль.

Сюдабе — стыдъ; рогожка; дьяволъ, лѣсовикъ.

Сюдбенса-меванъ-хорованъ — хочу сказку разсказать.

Сюденда-поггъ — между крыльцъ.

Сюдерманъ — свистать.

Сюдобарчъ — сказка, пѣсня.

Сюдбирамъ — повѣствовать.

Сюды — крыльца.

Сюлки — чулки.

Сюмбыкъ — моксунъ (рыба).

Сюраладарта — крутой, суровый.

Сюргилеванъ, см. Сюргилманъ.

Сюргилманъ — переворачиваться.

Сюрги-пей — точило.

Сюрдеванъ — чертить.

Сюрманъ — кружать; имѣть.

Сюролованъ — назадъ, воротить.

Сюрольманъ, см. Сядгалованъ.

Сюртеванъ — прасть, вертеть.

Ся — лицо; осинъ у рѣкъ и береговъ.

Ся — щель; накосо, скатомъ.

Сяберманъ — тесать, обровнять.

Сябу — нарта для вывозки нечистотъ.

Сябчема — стружки, щепки.

Сябыча — нарта подъ одежду.

Сяга — когда.

Сядалованъ — выворачивать.

Сядгалованъ — кругомъ поворотиться.

Сякалманъ — кусать.

Сяканы-воево — стыдно, срамъ.

Сяканы-хаэ — стыдно стало.

Сяллараванъ — стыдъ, совѣсть.

Сяманъ — миловать, сострадать.

Сямдараванъ — жарить.

Сямей-сялайды-то — мѣсячное у женщины.

Сямлаванъ — осквернять-ся; совокупляться.

Сямма — нечистая женщина.

Сямнанъ — одурѣть, съ ума сойти.

Сямонасартъ — зеркало.

Сямукуванъ — баловать.

Сянаръ — пѣники.

Сяндкуванъ — играть на инструментѣ.

Сянзэ — топленое сало.

Сянука — рѣдкость, игрушка.

Сянкуванъ — играть.

Сянъ — кости у узды оленя.

Сянчема — щенокъ.

Сярда — кора; пучекъ, связка.

Сярда-пзю — связка сушеної рыбы.

Сяровань—вязать; стягиваться, затягиваться.
Сяродовань—связать.
Сяръ—табакъ.
Сяръ-лы—табакерка.
Сяръ-пя, см. Харса.
Сясовой-езе — перстень, кольцо.
Сятурмань—кусаться.
Сять-пя—нальво.
Сяунсь—лопатка для чистки рыбы.
Сяутовань—скоблить.
Сяутта—нельма (рыба).

Т.

Та—лѣто.
Табе—зубъ.
Табедамбехъ — уставщикъ.
Табедовань — приказывать.
Таби-лэ—бабка у копыта.
Табо—черви.
Таборъ—сорт; срамъ.
Табъ— песокъ.
Табъ-совой— песчаный.
Табако—приказъ.
Тавань— давать; легко.
Таволмань— жевать.
Таггауна — кроме сего; какъ-же.
Тагго—просторанный; тихій.
Тагговань—тереться.
Таггэдъ — лѣтня пимы (обувь).
Таггондату—щевохъ.
Тагонуа-пеу—муха.
Тагэдъ — зимня пимы (обувь).
Тадалупвань — отплачивать.

Тадибе—шаманъ, волшебникъ.
Тадовань—мѣнять.
Тадурчъ—браниться.
Таедъ—прямо.
Таеловань — трудиться, работать; соображать.
Тай—олений лобъ; береста.
Тай-хоръ—берестяная посуда.
Такаммань — погребать, прятать.
Талвадавань—прижимать.
Талведавань—стѣснять.
Талвей—пряморогий олень.
Талей—воръ.
Талекъ—гнида.
Талобей—ущелье.
Таловәдавань — жать, скимать.
Тальня—сюда.
Талэвань—красть.
Талю—пониже; недалеко.
Тамаленгана—въ то время, тогда.
Тамбиръ—столько.
Тамдалмань — переточивать, переправлять остріе.
Тандая, см. Тедя.
Тандэдъ-мэвань—заставлять.
Танэгеча—лѣстница.
Таню—коса.
Таняю—туда.
Тара—недавно.
Тараггода—напрасно.
Тарагода—трудъ.
Таралоумя — юрта для пляски.
Тарамда—приправа, голенище.
Тарамдавань—смѣшать.
Таре—бѣлка.

Тареда-ере — длинношерстный.
Таремуа — точно такъ.
Таремъ-и — посему.
Таремъ-ю — такимъ обра-
зомъ.
Тарензя — отростокъ у ко-
шыть.
Тарко-ня — вилы.
Тарованъ — бороться.
Тарте-нагы — бахтарма.
Тарче — подобный.
Тарэмъ — въ самомъ дѣлѣ,
такъ, хорошо.
Таси — нанизь.
Таси-ниго — низовой же-
тель, снизу.
Тато — искра.
Таэрованъ — сворачивать.
Тебоеванъ — насаживать
черень.
Тебуанъ, см. Тебуманъ.
Тебуманъ — попастъ.
Тебъ — гвоздь; курья (под-
водная мель).
Тегу — чрево, брюхо.
Теда — теперь.
Тедерчъ — желѣзо для стро-
гания мездры при выдѣл-
кѣ кожъ.
Тедъ — четыре.
Тедъ-ю — сорохъ.
Тедъ-ятга — четырнадцать.
Теда — недавно.
Темуй — желтый, коричне-
вый.
Теневанъ — предчувство-
вать, знать.
Теневанъ - нече — знако-
мый.
Тени — лисица.
Тепта — завтра.
Тердаванъ — класть.

Тереванъ — кричать.
Терензянда-лэ — суставъ
копыта.
Терованъ — проживать.
Терси — безъ всего.
Терчида-ханъ — порожнаа
нарты.
Те-сняны — вчера.
Тетта — богачъ.
Теть-юнда-пэ — четыреху-
гольная посуда, штофъ.
Тибе — сажень.
Тибеванъ — мѣрить саженью.
Тибей-гнилой, паршивый.
Тидяу — дядя.
Тимдаванъ — размягчать.
Тименъ — гнить.
Тириба — икра.
Тирибя-совой — икряный.
Тирманъ — чесать.
Тирчъ — гребень.
Тиръ — облако.
Тиччи — морозъ, стужа.
То — соболь; соръ (весенній
рѣчной заливъ).
Тоба — копыто.
Тобокъ — чулокъ съ оленевой
кожи.
Тобъ-ево — кожа.
Тованъ — прибывать; идти;
проскачить.
Того — платокъ.
Тоговаръ — кромка, край,
сторона.
Тогоптаванъ — подрубить,
подшивать.
Тогоптованъ — бродить въ
водѣ.
Тогорманъ — щипать.
Тогось — ситецъ.
Тогоче — рѣдкость.
Тодованъ — блевать.
Той — чилябуха.

Толованъ—учить.
Толавы-моле-считанный.
Толаггонъ—счетъ.
Толованъ—запирать, замыкать.
Толга—видъ.
Толгодаванъ—считаться.
Тологгуванъ—считать.
Толоича-падыръ—печатная книга.
Томалъ—вершина сора.
Томанъ—комокъ.
Томанъ-есе—ключъ.
Томдэванъ—покрывать.
Тонгочи-селеніе (нѣсколько го вмѣстъ поставленныхъ юртъ).
Тонсе—устье сора.
Тора—мелкій; надобно.
Торово—будь здоровъ.
Тороманъ—учиться.
Торъ—перо.
Тосовой—крылатый.
Тось—соболь.
Ту—огонь.
Тугу—наукъ.
Тудоко, см. Тудыко.
Тудыко—грибъ.
Туеванъ—кланяться, молиться.
Тумбы—кремень.
Туни—ружье.
Туни-сеччи — ружейный замокъ.
Тунумъ—молния.
Тупка—топоръ.
Тупкамъ—черень.
Тупка-нягу—бородка, пята у топора.
Тупка-нянды—остріе топора.
Тупка-сюмъ—обухъ.
Ту-пя—древа.

Туртованъ см. Тэневанъ.
Тусовой—огненный.
Туяломдаванъ—засвѣтить, зажечь огонь.
Тыды—кедръ.
Тые—мелкій.
Тынзей—арканъ.
Тыни-та-ири — май (мѣсяцъ).
Тыралманъ—ударять.
Тырентованъ—вялить.
Тыробей—твёрдый, черственный.
Тырованъ—высыхать.
Тыросъ—стругъ.
Тысовой—владѣтель стада оленей.
Тысь—узкій.
Тэдорманъ—рутаться.
Тэеванъ — кружить, кружиться.
Тэйва—хвостъ.
Тэйво-си—безхвостный.
Тэймурманъ—желтить.
Тэкалъманъ—скрывать.
Тэлнядъ-яга—горная рѣка.
Тэлуюко—хорошо выѣзженный олень, запрягаемый впереди.
Тэманъ—мѣсти, скоблить, вытиратъ.
Тэмборау-серъ—обманъ.
Тэмбураванъ — обманывать.
Тэмдеванъ—узнавать.
Тэмдовманъ—цѣловаться,
Тэмуованъ—покупать.
Тэмы—вытертый.
Тэневанъ—приходить.
Тэнъ—жила, нитка.
Тэра-ханъ—тяжелая нарта.
Тэръэ — ручная четверть (пядь).

Тәри—тарь; даромъ.
Тәрованъ—выгонять, вы-
страшивать.
Тэръ—чашка.
Тэтнорманъ—вздохнуть.
Тетта-ненечь—господинъ.
Тю—рукавъ.
Тюванъ—входить.
Тюкана—здесь.
Тюки—этотъ.
Тюки-яле—сегодня.
Тюкумъ—ежегодно.
Тюкууна-ханъ—гудаиди,
ступай.
Тюкуче—наличность.
Тюкуядъ—отсюда.
Тюлеванъ—вносить.
Тюмко—очагъ, чувалъ.
Тюмы—печь.
Тюнаванъ—обонять.
Тюндамалъ — парука-
ние.
Тюндеръ—передокъ нар-
ты.
Тюнаванъ—добывать огонь;
точить печь.
Тюнзеба—пепель, зола.
Тюнзигеи-хаэ—горло,
сдѣлся пепель.
Тюнзия—пепель съ очага.
Тюня-мерче—южный вѣ-
теръ.
Тюръ — шесть для понуж-
денія къ бѣгу оленей.
Тюръ-маль—костяная ма-
ковка на вершинѣ шеста,
употребляемаго для по-
нужденія къ бѣгу оленей.
Тюсеръ—погрышка.
Тютаневанъ—выходить.
Тюуна-хаэванъ — подни-
маться.

Тюуни—житель верховьевъ
рѣки.
Тюунома—высоко, сверху;
давно.
Тюуня—вверхъ.
Тябиванъ—скучать, тоско-
вать.
Тяби-ю-у—скучно, скуча.
Тягать—оттуда.
Тякуна—пропедій разъ,
давно.
Тямэгэа—лягушка.
Тянибоуна—потихоньку.
Тянимбай—немного.
Тянимбоунаванъ—весно-
вать.
Тянурка—мало.
Тянюманъ — уменьшаться.
Тяня—сторона.
Тярманъ—дѣлить.

У.

Умбы—палецъ.
Умбые-гесо—суставъ паль-
ца.
Умбые-сей—брюшко паль-
ца.
Умбы-се — указательный
палецъ.

Х.

Ха—ухо; гной.
Хаборта-шивы—лось со-
хатый.
Хаванъ—умирать.
Хавунда—самъ.
Хавуня — подвѣска у се-
регъ.
Хаггурта—больной.
Хатса—чубукъ.
Хада—бабка.

Хадагы — бабушка, старшая сестра отца.
Хадермянъ — гноится.
Хадеторманъ — болтать.
Хадованъ — ловить.
Хадону-масованъ — зарывать.
Хадъ — кашель.
Хадманъ — кашлять.
Хадъ-гылманъ — кашель одолеть.
Хады — коньто, ноготь; ель.
Хадэлтана — курчавый.
Хадюванъ — лишиться.
Хаеванъ — бросить, оставить.
Ха-еze — серги.
Хазаку — палочка, употребляемая при плясках.
Хазару — травяное болото.
Хазово — самобъдь.
Хазово-ханъ — мужская санки.
Хазово-ю, см. **Хасово-ю**.
Хазово-юръ, см. **Хасово-юръ**.
Хаазай — сухой.
Хай, см. **Хэмъ**.
Хай-пя-та, см. **Ха-еze**.
Хале — рыба.
Халедъ — волна.
Халенто — рыбы перо.
Хале-совой — рыбный.
Халимеръ-пя — гробъ, колода.
Халсу — водяной червь.
Халтаванъ — мыть.
Хальмерота-я — кладбище.
Хальца-лэ — грудная кость.
Халэувъ — полярная мартышка.
Хамадерь — готовый.

Хамбалъ — соръ.
Хамдаванъ — выливать, брызгать, плескать.
Хамедованъ — понимать.
Хамзенда — рабъ.
Хамка — шелкъ.
Хамомеръ — покойникъ.
Хамэдэванъ — приготовлять.
Ханавей — ястребъ.
Ханебей — пологий, отложный.
Ханеръ — толкъ.
Ханеръ-си — безтолковый.
Ханзатта — полозъ.
Ханзо — прохладно; скоро; проплый.
Ханзода-яггу — спорня.
Ханзонга-хаэ — остывать, подмораживать.
Ханзо-яггу — непрочный.
Ханзяри — кругъ, кольцо.
Ханиманъ — озябнуть, замерзнуть.
Ханишеванъ — замораживать.
Ханмъ — жертва.
Ханомбеда — сватовство, приданное.
Ханорованъ — вспоминать, поминать.
Ханудованъ — жертвовать идолу.
Ханурманъ — хворать.
Ханъ — нарта, сани.
Ханыпче-лата — кровать.
Ханюй — мерзлый.
Ханяванъ — ловить сътыми рыбами.
Хапараванъ — раз克莱сться.
Хандаванъ — оставаться.
Хапепчию — филинъ.

Халтъ—нейзжалый быкъ.
Хапчи — болѣнь. конецъ жизни.
Хапчи-войво—худая болѣнь, сифилисъ.
Хапчигъ — трясучка, собачья болѣнь.
Хапчито-маль — конецъ пришель, предѣль.
Харакси—разбойникъ.
Хардъ—домъ.
Хареванъ—понижать.
Харей—впадина, углубление на деревѣ.
Харемдаванъ—загибать.
Харнапакъ—вереекъ.
Харнесь—воронъ.
Харни-се—ножны.
Хартъ—городокъ.
Хартъ-совой—городской.
Хару-пя—лиственница.
Хару-хутья—лиственная шишка.
Харчинде-ле—пустое место въ боку у старого оленя.
Харь—ножъ.
Хасово-ню—сыпъ.
Хасово-ю—девять.
Хасово-ю-юрь — девяносто.
Хасово-ю-ягга — девятнадцать.
Хасу-яле—пять, пасты.
Хасу-яле-мэванъ — голодеть, поститься.
Хаудорманъ — ударять, колотить.
Хаэванъ—приходить.
Хаэрованъ—проясняться.
Хаэръ—ясно.
Хая—сосѣство.

Хейвуня—всторону.
Хесъ-гii-неванъ—думать, намѣреваться.
Хеударъ—сугробъ, ухабъ, снѣжный накатъ.
Хечедавы—крещеный.
Хече-дованъ—креститься.
Хече-мунъ—громъ.
Хече-нунъ—затылокъ.
Хече-пернъ—кресть.
Хечеттагумъ—присяга.
Хечету—молния.
Хече-ту-я-сorga — молния сверкаетъ.
Хо—береза.
Хоба—оленя кожа.
Хоба—колесо, кругъ.
Хованъ—находить, пріобрѣтать.
Хогоптованъ—издѣваться.
Хогорей—лебедь.
Хогорманъ—пучить, разбухнуть, раздувать.
Ходеттованъ—парашататься, чесаться.
Ходэванъ—мозолить вредить.
Хозахъ-эръ — смотритель хлѣбного магазина.
Хозыръ—карты.
Холса-ягга—рѣка Полуй.
Хонде—буроватка.
Хора—жеребецъ.
Хора-ката-тене—лисица, сиводушка.
Хара-суи—бычекъ.
Хорманъ — спрашивать, пробовать, испытывать.
Хорова—корова.
Хорованъ — хотѣть, желать.
Хорова-нюкуче — теленокъ.

Хорова-нясить — табач-	Хуняна, см. Хуптана.
ный рожокъ.	Хуптана — поутру.
Хорова-юрь — коровье ма-	Хуптать — рано.
сло.	Хуптъ — свинецъ.
Хорова-этте — дойная ко-	Хурды — шумъ, тревога.
рова.	Хуркекъ — какой.
Хоропта — испытывать.	Хурко — связка.
Хороптованъ — возражать.	Хурко-погга — колыданъ
Хортванъ — обязать, ошу-	(мѣшокъ изъ сѣти).
лывать.	Хурома — парта подъ тя-
Хорчи — задница.	жести.
Хорчинда - лэ — тазовая	Хуруеванъ — шумѣть.
кость.	Хурцедованъ — беспо-
Хоръ — чанъ, кадъ.	коиться.
Хоръ-хуптъ — олово.	Хутти — кукушка.
Хоръ — дѣтский удѣль.	Хуудеръ — сторона, бокъ
Хорѣванъ — пугаться.	дома.
Хорю — стрѣлка.	Хуумерче — восточный вѣ-
Хосьяна — проворный, осто-	терь.
рожный.	Хыде — яръ, оврагъ.
Хотты — русскіе сапоги.	Хыде-ка — корыто, очев-
Ху — ложка.	ки.
Хугго — нищепріемное гор-	Хыде-ямъ — миска, чашка,
ло.	сдѣланная изъ древеснаго
Хузарованъ — жаловаться.	корня.
Хузорованъ, см. Хуза-	Хылтуй — оленій рогъ безъ
рованъ.	ветвей.
Хулантованъ — плавать.	Хыневанъ — затихать, ути-
Хулованъ — плыть.	хать.
Хумбазиде-вода — вздо-	Хынованъ — отѣвать.
рить.	Хыноманъ — пить.
Хумбана — попусту.	Хыня — куда-нибудь.
Хумбанзеда — пустой.	Хынядъ — откуда.
Хумбанзи — напрасно, не-	Хыня-на — гдѣ.
справедливо.	Хэвудерь-лы, см. Хэй-
Хумбанзи-вода — ложь,	выча.
клевета.	Хэгэль — тихое мѣсто, тихо;
Хунванъ — скрываться,	тиль; кровь.
убѣждать.	Хэгкъ-няю-ханъ — ступай
Хунованъ — спать, уснуть.	въ тихое мѣсто.
Хуня — куда.	Хэйва — мозгъ.
Хуня-гы — который.	Хэйвада-сово — сытый.
Хуня-мигель — куда идешь?	Хэйвъ, см. Хэудерь.

Хэйвъ-сесмы — боять бо-
лить.

Хэйвы-ничи-ненечь —
пожилой, старый, иностра-
нецъ.

Хэйвычъ — ребро.

Хэркутована — омуть.

Хэмъ — близкий, короткий.

Хэтванъ — сказать, произ-
носить.

Хэтманъ, см. **Хэтуванъ**.

Хэтуванъ — толковать, на-
зывать, рассказывать, про-
износить.

Хэудеръ — боять.

Хэче-таванъ — присягать.

Хээда — невыбужденный, не-
ученый.

Ю.

Ю — десять.

Юбай — талый.

Юбъ — хотя.

Юбъ-тарче — хоть-такъ.

Юванъ — таять.

Юванъ-хорованъ — за-
мерзшее озеро.

Ювой — ахъ!

Юдаванъ — во снѣ видѣть.

Юкадъ-ятга, см. **Хасо-
во-ю**.

Юманъ — завязывать узломъ.

Юна — лошадь.

Юндау — узель.

Юнко — длинное, узкое
озеро.

Юре — другъ.

Юркаванъ — вставлять.

Юрлованъ — забывать.

Юръ — сто; жиръ.

Ютолманъ — придавлять.

Юттома — рубецъ.

Я.

Я — мука; земля; мѣсто.

Ябе, см. **Ябеву**.

Ябеву, см. **Ябекъ**.

Ябекъ — пьяный.

Ябелъманъ — опьянѣть.

Ябиреванъ — блестѣть.

Ябнанда — счастливо.

Ябъ — счастіе.

Ябъ-совой — счастливый.

Яву-нуръ — ворвань, жиръ.

Яга — рѣка.

Яггаванъ — дратъ, сдирать
кожу.

Ягако — рѣчка, рѣченка.

Ягасе — куль.

Ягталча — пещира.

Яггапчи — кошка.

Яггуманъ — оканчивать.

Яггэй — одноглазый.

Ягтованъ — долбить.

Ягъ-хода — дернъ.

Ягэ-се — мѣшокъ.

Ядамби — жаркий.

Ядарманъ — ходить.

Ядалча — песокъ.

Ядванъ — иди.

Яде — олень.

Ядей, см. **Ядси**.

Ядиманъ — свариться.

Ядимби — горячій.

Ядлаванъ — косить, вести,
возить.

Ядованъ — засыпать землею.

Ядси — оленя самка.

Якованъ — зудѣть.

Якоръ — якорь.

Якуванъ, см. **Якованъ**.

Якэ — дымъ.

Якэмби — дымный.

Яле — солнце.

Яле-мерче-южный вѣтеръ.

- Ялена-серъ—свѣтъ; свѣт-
лый; сѣлый.
Ялина—свѣтлый.
Ялморта—отцѣлый.
Ялмуанъ—отцѣвать.
Ялыманъ—свѣтать.
Ялзмтъ—заря.
Ямаль-мерче—сѣверний
вѣтеръ.
Ямбой-мука—медленно.
Ямдеванъ — перекочевы-
вать.
Ямдюй—узель у узды оле-
ни.
Ямине-шууча—помощни-
ца при родахъ, повиваль-
ная бабка.
Ямъ—рѣка Обь и вообще
каждая большая рѣка.
Ямъ-седа—плѣть.
Янованъ—ковать.
Янорта-ненечь—кузнецъ.
Яну—деревянный молотокъ.
Янумбоона—потихонечку.
Янъ—деръ—землякъ.
- Янямъ—мамонтовый рогъ.
Янянзоко—хвощъ.
Янэмъ—сватъ.
Япитованъ—домогаться.
Япадъ—мучной мѣшокъ.
Япига—тонкий.
Яппеванъ—безпокоиться.
Япптеръ—безпокойство.
Япта—ручей.
Яптарованъ—отсырѣть.
Яптовы—лѣнивый.
Яптолгэ-хаэ—дѣлаться тон-
кимъ.
Яра-при—марть (мѣсяцъ).
Яроко—ковщикъ.
Яромбой—плотный.
Ярсынга—кости заднихъ
ногъ оленя.
Яръ—свилеватое дерево;
пупырь; кусокъ.
Ясерта — непроходимое
место.
Якорта—негладкій, неров-
ный.
Яттома—уголь.

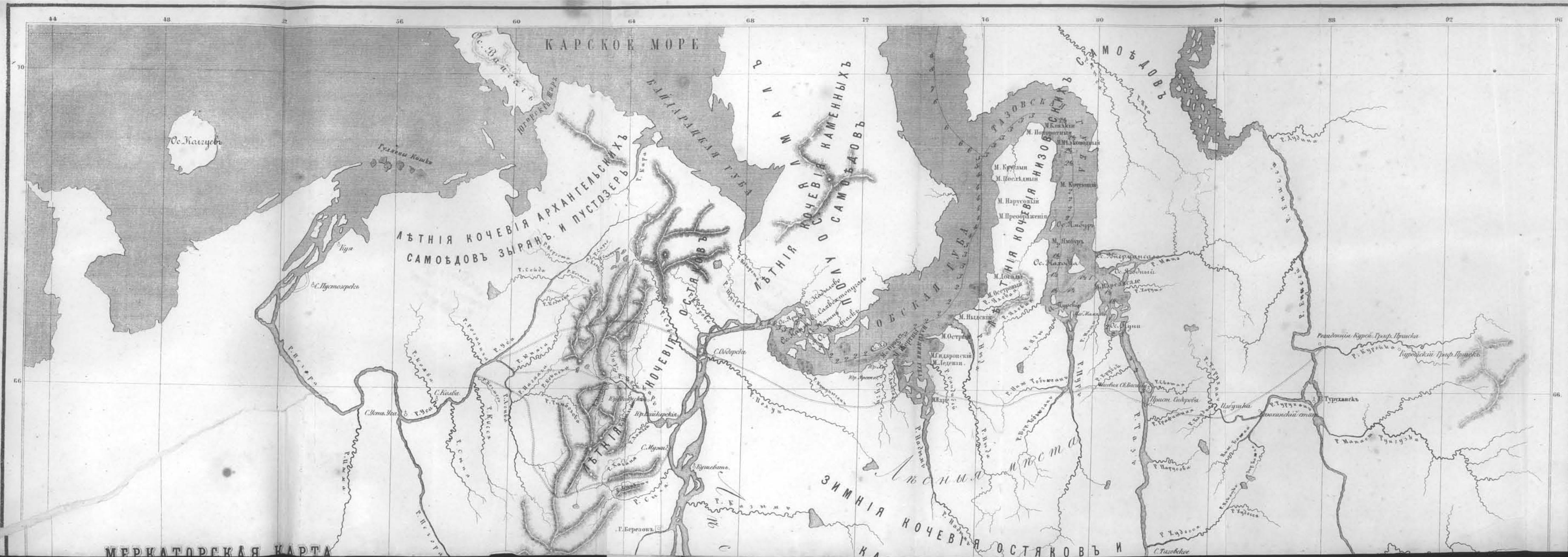

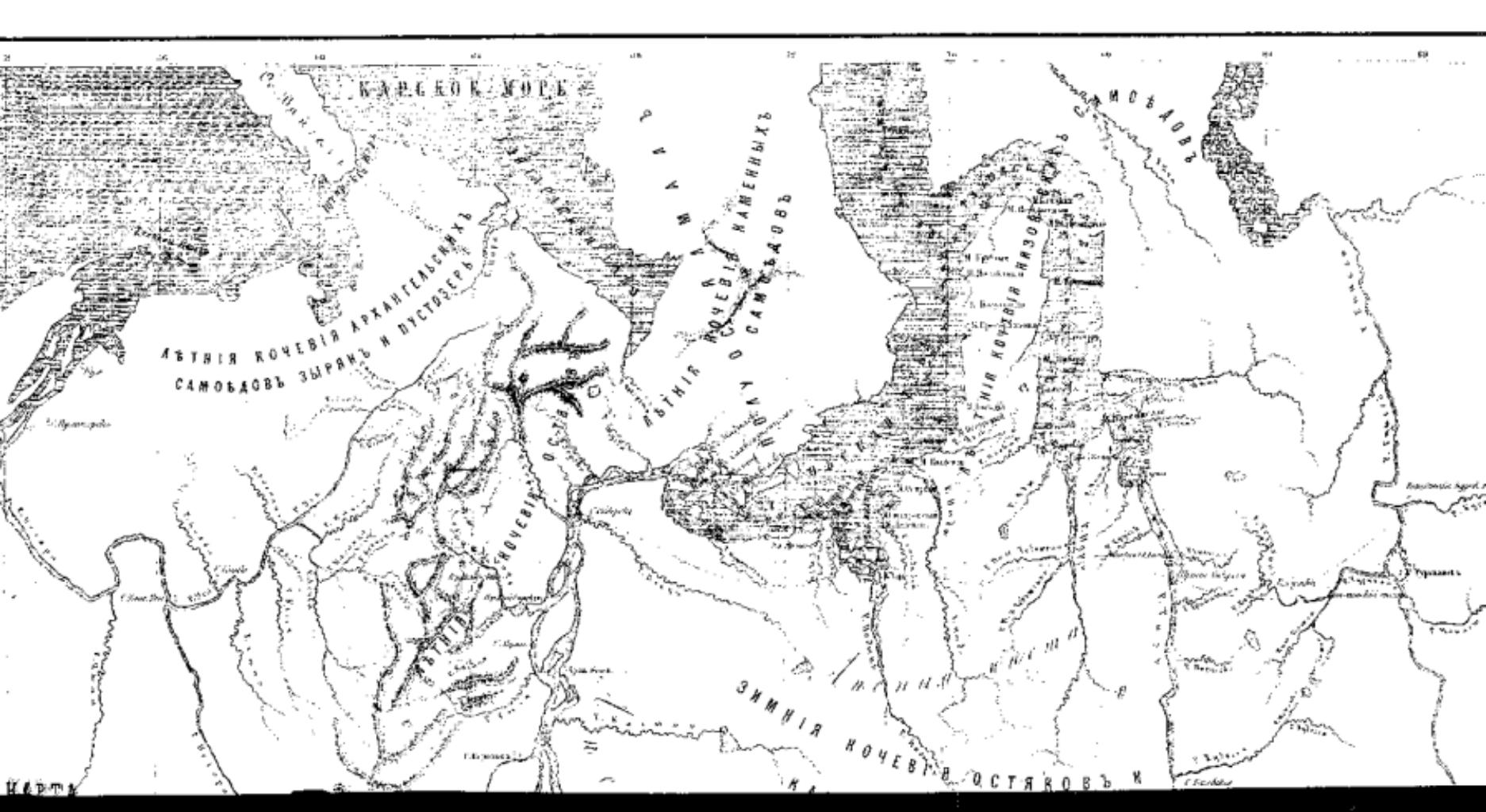
НАЗВАНИЯ ЧИСЕЛЬ ВЪ ЯЗЫКѢ САМОѢДОВЪ.

Объ, опой—одинъ.
 Сиде—два.
 Няръ—три.
 Тедъ—четыре.
 Самальянъ—пять.
 Матъ—шесть.
 Сиву—семь.
 Синдетъ—восемь.
 Хасово-ю, хазово-ю,
     юкадъ-ягга—девять.
 Ю—десять.
 Объ-ягга—одиннадцать.
 Сиде-ягга, Сидеръ-яг-
     га—двѣнадцать.
 Няръ-ягга—тринадцать.
 Тедъ-ягга—четырнадцать.
 Самальянъ-ягга — пять-
     надцать.
 Матъ-ягга—шестнадцать.
 Сиву-ягга—семьнадцать.
 Синдетъ-ягга—восемь-
     надцать.
 Хасово-ю-ягга — девять-
     надцать.
 Сиде-ю—двадцать.

Сиде-ю-объ — двадцать
     одинъ.
 Сиде-ю-сиде—двадцать два.
 Сиде-ю-няръ — двадцать
     три.
 Няръ-ю—тридцать.
 Няръ-ю-объ — тридцать
     одинъ.
 Няръ-ю-сиде — тридцать
     два.
 Няръ-ю-няръ—тридцать
     три.
 Тедъ-ю—сорокъ.
 Самальянъ-ю—пятьдесятъ.
 Матъ-ю—шестьдесятъ.
 Сиву-ю—семьдесятъ.
 Синдетъ-ю—восемьдесятъ.
 Хасово-ю-юръ—девяносто.
 Юръ—сто.
 Юръ-объ—сто одинъ.
 Юръ-ю—сто десять.
 Юръ-сиде-ю—сто двадцать.
 Сиде-юръ—двѣсти (двѣ
     сотни).
 Няръ-юръ—триста (три
     сотни).

КАМСКОЕ ОЗЕРО

ЧУКЧЕВЫЕ ПУСТОГРАДЫ
ЗИРКА И ЧУКЧЕВЫЕ
САМОДОВЫ

ЧУКЧЕВЫХ

ЧУКЧЕВЫЕ ПУСТОГРАДЫ
САМОДОВЫ

ЧУКЧЕВЫЕ
ОСТАКОВЫ

Памятникъ Ермака въ Тобольскѣ.

